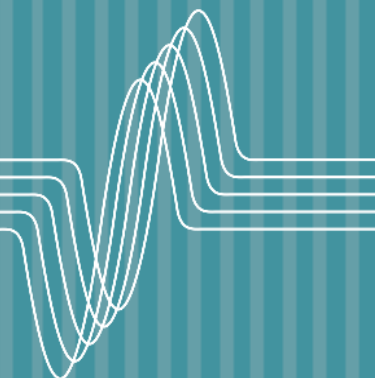

ISSN 2313-5646

4' 2025

ВЕСТНИК

БЕЛГОРОДСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА МВД РОССИИ
ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА

ВЕСТНИК БЕЛГОРОДСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА. 2025. № 4.

Учредитель и издатель:

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Регистрационный номер: серия ПИ № ФС77-80715 от 9 апреля 2021 года.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Главный редактор – Александров А.Н., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Заместитель главного редактора – Дизер О.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Белгород)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Бучакова М.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)

Дугенец А.С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Гусев В.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)

Десятов М.С., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)

Камышанский В.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Краснодар)

Карагодин А.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Катаева О.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Кириллов М.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Кожевников О.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Колмаков П.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Сыктывкар)

Кудрявцев А.В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Владимир)

Кузнецов А.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Лазарева Л.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Луговик В.Ф., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)

Максименко А.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Махина С.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Воронеж)

Нижник Н.С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Никуленко А.В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)

Новикова Е.А., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Нудненко Л.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Петрянин А.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Пономарева В.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Красноярск)

Россинский С.Б., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Самсонов В.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Белгород)

Солдатов А.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Краснодар)

Стариллов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Воронеж)

Ткачук Т.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Владимир)

Туранин В.Ю., доктор юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Хужин А.М., доктор юридических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)

Шаров В.И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Шевелева С.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Курск)

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

Заведующий редакцией: Шульженко Н.И.

Редактор: Шаповал О.И.

Дизайн и компьютерная верстка: Зиновьева И.И.

Сдано в набор 21.11.2025

Подписано к печати 26.11.2025

Дата выхода в свет 28.11.2025

Формат 60x84/8

Объем 15,6 усл. печ. л.

Набор компьютерный. Бумага офисная.

Печать цифровая. Заказ № 83.

Цена: бесплатно. Тираж: 43.

16+

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 308024, Россия, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71.

Адрес редакции, издателя, типографии: 308024, Россия, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71.

Контактный телефон: (4722) 51-71-35; факс: (4722) 55-53-31; e-mail: vestnik.belui@mvd.ru; rio.belui@mvd.ru

VESTNIK OF PUTILIN BELGOROD LAW INSTITUTE OF MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA. 2025. № 4.

The founder and the publisher:
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia
The Journal is registered in The Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
Registration number: Series PI № FS77-80715 of April 9, 2021.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL:

Editor-in-Chief – Alexey N. Alexandrov, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Deputy Editor-in-Chief – Oleg A. Dizer, Doctor of Law, Professor (Belgorod, Russia)

EDITORIAL BOARD MEMBERS:

Marina A. Buchakova, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
Alexander S. Dugenets, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
Vladimir A. Gusev, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
Mikhail S. Desyatov, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)
Vladimir P. Kamyshansky, Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)
Alexander V. Karagodin, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Olga V. Kataeva, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Mikhail A. Kirillov, Doctor of Law, Professor (Cheboksary, Russia)
Oleg A. Kozhevnikov, Doctor of Law, Professor (Yekaterinburg, Russia)
Peter A. Kolmakov, Doctor of Law, Professor (Syktyvkar, Russia)
Alexey V. Kudryavtsev, Doctor of Law, Associate Professor (Vladimir, Russia)
Alexander P. Kuznetsov, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
Larisa V. Lazareva, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
Victor F. Lugovik, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
Alexander V. Maksimenko, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Svetlana N. Makhina, Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)
Nadezhda S. Nizhnik, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)
Andrey V. Nikulenko, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)
Ekaterina A. Novikova, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Lydia A. Nudnenko, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
Alexey V. Petryanin, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
Valeria V. Ponomareva, Doctor of Law, Professor (Krasnoyarsk, Russia)
Sergey B. Rossinsky, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
Valery N. Samsonov, Doctor of Law, Professor (Belgorod, Russia)
Alexander P. Soldatov, Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)
Yury N. Starilov, Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)
Tatiana A. Tkachuk, Doctor of Law, Professor (Vladimir, Russia)
Vladislav Yu. Turanin, Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Alfir M. Huzhin, Doctor of Law, Associate Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
Victor I. Sharov, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
Svetlana V. Sheveleva, Doctor of Law, Professor (Kursk, Russia)

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of basic results of candidate and doctoral theses

Head of the Editorial Staff: Natalia I. Shulzhenko
Editor: Olga I. Shapoval
Design and computer make-up: Irina I. Zinovieva
It is handed over in a set 21.11.2025
It is passed for the press 27.11.2025
Date of publishing 28.11.2025

Format 60x84/8
Volume 15,6 printer's sheets
Typing. Office paper. Digital printing.
Order № 83. Price: free of charge.
Printed copies: 43.
16+

It is printed in the Polygraphic and Operative Press Department of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, 71, Gorkiy Street, Belgorod, Belgorod region, Russia, 308024.

The address of the publisher and edition: 71, Gorkiy Street, Belgorod, Belgorod region, Russia, 308024.
Contact phone: (4722) 51-71-35; fax: (4722) 55-53-31; e-mail: vestnik.belui@mvd.ru; rio.belui@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ**CONTENTS****ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ****PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES**

<p>КОЖЕВНИКОВ О.А.
ТРАНСПОРТНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ
НАСЕЛЕНИЯ В ПОЗИЦИЯХ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ</p>	4	<p>KOZHEVNIKOV O.A.
PUBLIC TRANSPORT SERVICES
IN THE POSITIONS OF THE CONSTITUTIONAL
COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION</p>
<p>ТРУФАНОВ М.Е.
ПРИЗНАК ОБЩЕСТВЕННОЙ
ОПАСНОСТИ ПРАВОВОГО КОНФЛИКТА,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО В СТАТЬЕ 6.1.1
КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ</p>	10	<p>TRUFANOV M.E.
A SIGN OF PUBLIC DANGER OF A LEGAL CONFLICT
STIPULATED IN ART. 6.1.1 OF THE ADMINISTRATIVE
CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION</p>
<p>ДИЗЕР О.А., СТЕПКИН Р.М.
УРЕГУЛИРОВАНИЕ СЛУЖЕБНЫХ СПОРОВ
НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ:
ПО МАТЕРИАЛАМ СУДА</p>	16	<p>DIZER O.A., STEPKIN R.M.
SETTLEMENT OF OFFICIAL DISPUTES
IN THE CIVIL SERVICE: BASED ON COURT
MATERIALS</p>
<p>ЗАТОЛОКИН А.А.
К ПРАВОВОЙ СУЩНОСТИ УТИЛИЗАЦИОННОГО
СБОРА В ОТНОШЕНИИ ТРАНСПОРТНЫХ
СРЕДСТВ</p>	21	<p>ZATOLOKIN A.A.
TO THE LEGAL ESSENCE OF THE RECYCLING
FEE IN RELATION TO VEHICLES</p>
<p>КАРАГОДИН А.В., ПЕРЕВЕРЗЕВ Е.А.
ПОРЯДОК ПРИВЛЕЧЕНИЯ
КАДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ, ЗАФИКСИРОВАННЫЕ
В АВТОМАТИЧЕСКОМ РЕЖИМЕ</p>	26	<p>KARAGODIN A.V., PEREVERZEV E.A.
THE PROCEDURE FOR BRINGING
TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY
FOR OFFENSES RECORDED IN AUTOMATIC MODE</p>
<p>МИРОШНИКОВ Е.В., САМОФАЛОВА Н.С.
КРИОСОХРАНЕНИЕ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА
ПОСЛЕ СМЕРТИ: ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ</p>	32	<p>MIROSHNIKOV E.V., SAMOFALOVA N.S.
CRYOPRESERVATION OF THE HUMAN BODY
AFTER DEATH: LEGAL AND ETHICAL ISSUES</p>
<p>ПАНФИЛОВА О.В., ШЕБАНОВ А.М.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ
ДЕЛ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ АКТАМ
НЕЗАКОННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА НА
ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА В УСЛОВИЯХ
СПЕЦИАЛЬНЫХ АДМИНИСТРАТИВНО-
ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ</p>	39	<p>PANFILOVA O.V., SHEBANOV A.M.
ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES
TO COUNTERACTS OF ILLEGAL INTERVENTION
AT TRANSPORT FACILITIES UNDER SPECIAL
ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGIMES</p>
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ		CRIMINAL LAW SCIENCES
<p>КОБЕЦ П.Н.
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КИБЕРТЕРРОРИЗМУ –
ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ</p>	45	<p>KOBETS P.N.
COUNTERACTION TO CYBERTERRORISM
IS A PRIORITY DIRECTION IN THE SPHERE
OF ENSURING NATIONAL SECURITY
OF THE RUSSIAN FEDERATION</p>
<p>ЧИСТОВА Л.Е.
ПОНЯТИЕ СИТУАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ</p>	52	<p>CHISTOVA L.E.
CONCEPT OF CRIMINAL INVESTIGATION
SITUATION</p>
<p>АЛЕКСАНДРОВ А.Н., ПОЗДЫШЕВ Р.С.
ЗНАЧЕНИЕ ПОКАЗАНИЙ ПОТЕРПЕВШИХ ДЛЯ
РАСКРЫТИЯ МОШЕННИЧЕСТВ, СВЯЗАННЫХ
С ОТЧУЖДЕНИЕМ ЖИЛЬЯ ГРАЖДАН (НА
ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)</p>	57	<p>ALEXANDROV A.N., POZDYSHEV R.S.
SIGNIFICANCE OF VICTIM TESTIMONY
FOR UNCOVERING FRAUD, RELATED TO
THE ALIENATION OF CITIZENS' HOUSING
(ON THE EXAMPLE OF THE BELGOROD REGION)</p>

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ПОДЧЕРНЯЕВ А.Н. ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ НЕКОТОРЫХ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ	65	PODCHERNYAEV A.N. FEATURES OF ESTABLISHING SOME QUALIFYING FEATURES OF CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH
ПОТЕТИНОВ В.А. МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТ- И МОБИЛЬНОГО БАНКИНГА: ПРЕСТУПНЫЕ СХЕМЫ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ	72	POTETINOV V.A. INTERNET AND MOBILE BANKING FRAUD: CRIMINAL SCHEMES AND COUNTERMEASURES
ТАРШЕВА М.Н., НЕХАЕВ И.Н. РАЗВИТИЕ КОМПРОМИССНЫХ ОСНОВАНИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ	80	TARSHEVA M.N., NEKHAEV I.N. THE DEVELOPMENT OF COMPROMISE GROUNDS FOR ENDING CRIMINAL PROSECUTION IN THE CONTEXT OF MODERN RUSSIAN CRIMINAL POLICY
ПАВЛЮКОВ В.В. УСТАНОВЛЕНИЕ И ФИКСАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДРОПОВ ПОСРЕДСТВОМ ПОЛУЧЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ: ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ	86	PAVLYUKOV V.V. ESTABLISHING AND RECORDING THE ACTIVITIES OF DROPS THROUGH OBTAINING COMPUTER INFORMATION: LEGAL AND ORGANIZATIONAL FOUNDATIONS
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ		INTERNATIONAL EXPERIENCE
ЖУК Е.А., ВАСЮКОВ В.Ф. ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ ВО ВЬЕТНАМЕ	118	ZHUK E.A., VASYUKOV V.F. SELECTED ISSUES OF ANTI-CORRUPTION IN VIETNAM
МИРОШНИЧЕНКО А.В., ВОДЯНАЯ М.Ю. ЭКСТРЕМИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ, МЕХАНИЗМЫ МОНИТОРИНГА И КОНТРОЛЯ ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ В ИНТЕРНЕТЕ (ЗАРУБЕЖНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ)	99	MIROSHNICHENKO A.V., VODYANAYA M.YU. EXTREMIST ACTIVITIES: APPROACHES TO UNDERSTANDING, MECHANISMS FOR MONITORING AND CONTROLLING EXTREMIST MATERIALS ON THE INTERNET (FOREIGN AND RUSSIAN EXPERIENCE)
СИВАК О.М., ДРОЗД А.О. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НОРМАТИВНЫХ РЕЖИМОВ ОБОРОТА ГРАЖДАНСКОГО ОРУЖИЯ: ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОПУСКА В СТРАНАХ ЗАПАДА	108	SIVAK O.M., DROZD A.O. COMPARATIVE ANALYSIS OF REGULATORY REGIMES FOR THE CIRCULATION OF CIVILIAN WEAPONS: LEGAL MODELS FOR REGULATING ACCESS IN WESTERN COUNTRIES
ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО		TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST
ГАМЗАЕВА А.Б. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СВЯЗИ С ПОСТУПЛЕНИЕМ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ (ПРОХОЖДЕНИЕМ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ)	118	GAMZAEVA A.B. LEGAL NATURE OF TERMINATION OF CRIMINAL PROSECUTION IN CONNECTION WITH ENTRY INTO MILITARY SERVICE (PASSING MILITARY SERVICE)
ДИЕВА А.С. РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА НАРОДОВЛАСТИЯ: В ПОИСКАХ НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ИДЕОЛОГИИ	124	DIEVA A.S. IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF PEOPLE'S POWER: IN SEARCH OF A NEW RUSSIAN IDEOLOGY
ПОПОВА Е.В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В ИНВЕСТИЦИОННОЙ СФЕРЕ	128	POPOVA E.V. USE OF SPECIALIZED KNOWLEDGE IN THE PROCESS OF INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED IN THE INVESTMENT SPHERE

ТРАНСПОРТНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В ПОЗИЦИЯХ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИPUBLIC TRANSPORT SERVICES IN THE POSITIONS
OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

УДК 34

О.А. КОЖЕВНИКОВ,

доктор юридических наук, профессор
(Уральский государственный юридический
университет имени В.Ф. Яковлева;
Уральский государственный
экономический университет,
Россия, Екатеринбург)
jktu1976@yandex.ru

OLEG A. KOZHEVNIKOV,

Doctor of Law, Professor
(Ural State Law University
named after V.F. Yakovlev;
Ural State University of Economics,
Yekaterinburg, Russia)

Аннотация: вопросы правового обеспечения реализации прав и свобод человека всегда находятся на передовых рубежах исследователей. В настоящей статье автором предпринята попытка обратить внимание на редко исследуемое право граждан, особенно отдаленных территорий, на надлежащее транспортное обслуживание. Данное право преимущественно реализуется в рамках полномочий органов местного самоуправления и государственной власти субъектов Российской Федерации. Качество и доступность транспортного обслуживания напрямую зависит от функционального единства названных уровней власти, которое обеспечивается не только наличием прямого нормативного регулирования, но и формированием соответствующей практики, основанной на конституционно-правовых позициях Конституционного суда Российской Федерации. Вместе с тем в правоприменительной практике органов власти и должностных лиц до сих пор присутствует «остаточный подход» к ознакомлению, изучению и применению правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации, что является недопустимым. На основе отдельных судебных решений показана важность конституционно-правового воздействия на формирование надлежащей правоприменительной практики в сфере транспортного обслуживания населения с акцентом на необходимости соответствующего взаимодействия органов власти в условиях реализации конституционного принципа единства системы публичной власти.

Ключевые слова: единая система публичной власти, Конституция Российской Федерации, местное самоуправление, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, население, правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации, транспортное обслуживание.

Для цитирования: Кожевников О.А. Транспортное обслуживание населения в позициях Конституционного суда Российской Федерации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 4. – С. 4–9.

Abstract: the issues of legal support for the realization of human rights and freedoms are always at the forefront of researchers. In this article, the author attempts to draw attention to a rarely studied right of citizens, especially in remote territories – the right to proper transport services. This right is primarily exercised within the framework of the powers of local governments and state authorities of the subjects of the Russian Federation. The quality and accessibility of transport services directly depends on ensuring the functional unity of these levels of government, which is ensured not only by the presence of direct regulatory regulation, but also by the formation of appropriate practice based on the constitutional and legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. At the same time, there is still a «residual approach» in the law enforcement practice of authorities and officials to familiarizing, studying and applying the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, which is unacceptable. Based on

individual court decisions, the importance of constitutional and legal influence on the formation of proper law enforcement practice in the field of public transport services is shown, with an emphasis on the need for proper interaction of authorities in the context of the implementation of the constitutional principle of the unity of the public authority system.

Keywords: unified system of public authority, Constitution of the Russian Federation, local self-government, state authorities of the subjects of the Russian Federation, population, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, transport services.

For citation: Kozhevnikov O.A. Public transport services in the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 4. – P. 4–9.

Современное развитие российского государства и его территорий невозможно представить без надлежащей организации транспортного обслуживания населения, которое, в свою очередь, является одной из важнейших составных частей полномочий властей любого муниципалитета или субъекта Российской Федерации [1], вне зависимости от особенностей социально-экономического развития территорий. Последнее десятилетие отчетливо показывает, что транспортная отрасль претерпевает масштабные изменения. Это связано с переходом на новый технологический уклад, базирующийся на развитии цифровых технологий, согласованное функционирование всех участников рынка транспортных услуг при одновременном росте конкуренции. В 2024 году был установлен десятилетний рекорд по вводу в эксплуатацию 507 км федеральных дорог. Новые трассы и реконструированные участки, несомненно, улучшили транспортную доступность и улучшили связь между регионами и муниципалитетами¹. На фоне увеличения протяженности и качественных характеристик дорожной инфраструктуры растет и спрос на пассажирские транспортные услуги, особенно в крупных городах и агломерациях, что настоятельно требует поиска оптимальных моделей организационного и правового построения транспортного законодательства, направленного на удовлетворение потребностей жителей в транспортных перевозках с обязательным обеспечением высокого уровня безопасности [2].

Многочисленные исследователи общественных отношений в области транспорта и транспортного обслуживания, совершенствования моделей развития качества и эффективности в сфере транспорта говорят о том, что управление в сфере транспорта и транспортного

обеспечения должно обеспечивать удовлетворение потребностей населения в перевозках; выполнение норм и требований, предъявляемым к пассажирским перевозкам для каждого вида транспорта; выполнение технико-технологических ограничений при организации пассажирских перевозок; минимально необходимую наполняемость транспортных средств на маршруте и др. [3; 4; 5; 6]

Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 220-ФЗ «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 220-ФЗ) совершенно четко указывает на то, что организация перевозки пассажиров на любой территории Российской Федерации является зоной ответственности региональных и муниципальных властей, что предопределяет необходимость их эффективного и качественного взаимодействия на основе имеющегося законодательства, складывающейся практики конституционно-правового толкования норм в названной сфере [7].

Не вызывает никаких сомнений, что одну из важнейших ролей в формировании современной системы правоприменения играют правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, включающие в себя как конституционно-правовую интерпретацию и разъяснение норм права, так и ориентиры для уполномоченных представителей публичной власти в правильном толковании и применении законов в конкретных обстоятельствах, обеспечивая тем самым высокие стандарты защиты прав и свобод граждан. Сфера транспортного обеспечения населения не является в этом плане исключением. На протяжении своей истории существования Конституционный суд Российской Федерации неоднократно обращался к различным вопросам толкования норм за-

¹ Какие транспортные проекты завершила Россия в 2024 году [Электронный ресурс]. – URL: <https://vz.ru/information/2025/1/14/1305926.html> (дата обращения: 11.07.2025).

конодательства в области транспорта и транспортного обеспечения населения, помогая как восполнять пробелы и коллизии, возникающие в применении, так и совершенствовать нормотворческую базу.

В рамках заявленной темы, а также учитывая устойчивый интерес научного сообщества к вопросам организации и функционирования единой системы публичной власти, остановимся лишь на отдельных примерах конституционно-судебной практики толкования законодательства об организации транспортного обслуживания населения на территории муниципалитетов и субъектов Российской Федерации, в которых особо выделяется конституционно-правовая значимость реализации права граждан на транспортное обслуживание и необходимость функционального взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в рамках имеющих у них полномочий в заявленной сфере приложения властных компетенций.

В качестве первого примера следует отметить определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2024 г. № 3245-О². В данном решении судом рассматривался вопрос о возложении на органы местного самоуправления муниципального округа обязанности организовать транспортное обслуживание населения путем создания нового муниципального маршрута регулярных перевозок без исследования вопроса о возможности и целесообразности изменения (продления) существующего межмуниципального маршрута регулярных перевозок органом государственной власти субъекта Российской Федерации. Конституционный суд Российской Федерации, давая конституционно-правовое толкование целого ряда норм законодательства в сфере транспортного обслуживания населения, особо подчеркнул, что именно органы местного самоуправления призваны решать вопросы, относящиеся к непосредственному обеспечению жизнедеятельности населения муниципального образования. Однако такое положение не препятствует конструктивному взаимодействию между органами местного самоуправления и органами государственной власти для наиболее успешного решения общих задач, непосредственно свя-

занных с вопросами местного значения, в интересах населения муниципальных образований. Несмотря на то обстоятельство, что к вопросам местного значения муниципальных образований относятся создание условий для предоставления транспортных услуг населению и организация транспортного обслуживания в границах муниципального образования, термин «организация» должен раскрываться с учетом специального отраслевого законодательного регулирования и не может автоматически трактоваться как предполагающий всю полноту ответственности муниципальных образований в соответствующей сфере деятельности (постановления Конституционного суда Российской Федерации от 29 марта 2011 г. № 2-П; от 13 октября 2015 г. № 26-П и др.).

Поскольку в силу Закона № 220-ФЗ установление, изменение, отмена муниципальных маршрутов регулярных перевозок входят в полномочия органов местного самоуправления соответствующих муниципальных образований, а межмуниципальных маршрутов регулярных перевозок в границах субъектов Российской Федерации – в полномочия исполнительных органов соответствующих субъектов Российской Федерации, то вопросы оптимальной организации транспортной сети в муниципалитетах в рамках складывающейся модели единой системы публичной власти представляют собой возможности для совместного функционального взаимодействия муниципальных и региональных властей в целях максимального удовлетворения потребности населения в пассажирских перевозках и не исключают возможность внесения изменений как в муниципальную схему движения общественного транспорта, так и региональную схему движения межмуниципального транспорта.

Следующий пример, подтверждающий важность учета конституционно-правового толкования норм законодательства о транспортном обеспечении населения правоприменителями, – определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2022 г. № 189-О³. Интерес Конституционного суда Российской Федерации к отдельным нормам

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2024 г. № 3245-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы администрации Орловского муниципального округа Орловской области на нарушение ее конституционных прав пунктом 7 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29112024-n-3245-o/?ysclid=mcyhlfdtgh940415833> (дата обращения 11.07.2025).

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2022 г. № 189-О «По запросу Бийского районного суда Алтайского края о проверке конституционности пунктов 6 и 7 части 1 статьи 3 Федерального закона «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» во взаимосвязи со статьей 11 данного Федерального закона» [Электронный ресурс]. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-10022022-n-189-o/?ysclid=md03ppv9b504641723> (дата обращения 12.07.2025).

законодательства о транспортном обеспечении населения был связан с наличием в уже практически не действующем Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» положений, согласно которым административный центр муниципального района или муниципального округа может находиться в городе или поселке, расположенном на территории городского округа, то есть другого муниципального образования, имеющего с названными муниципальным районом или муниципальным округом общую границу.

Поскольку аналогичное положение сохранено и в Федеральном законе от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», то правовая позиция федерального органа конституционного правосудия относительно того, кто должен обеспечивать транспортное обслуживание населения на территории соответствующего муниципального района или муниципального округа до их административных центров, которые находятся за пределами границ данных муниципалитетов, сохраняет свою силу и до настоящего времени. Правовая же позиция состоит в следующем: поскольку отношения по организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом урегулированы Законом № 220-ФЗ, то именно этот правовой акт и определяет объективные критерии разграничения маршрутов регулярных перевозок по территориальному принципу. Следовательно, действующее законодательство в области обеспечения регулярных перевозок не устанавливает для органов местного самоуправления муниципального района полномочия по организации маршрутов регулярных перевозок за пределами границ муниципального района, включая организацию транспортного обслуживания населения по направлению к административному центру, находящемуся за пределами территории муниципального района, поскольку эти полномочия непосредственно возлагаются на органы исполнительной власти соответствующих субъектов Российской Федерации.

Данные нормативные положения предопределяют настоятельную необходимость конструктивного взаимодействия между органами местного самоуправления и органами государственной власти для наиболее эффективного решения вышеупомянутой ситуации в случае определения административного центра муниципального образования за пределами его границ, с тем чтобы интересы населения му-

ниципальных образований, вовлеченных в сложившуюся ситуацию, не были ущемлены ни при каких обстоятельствах.

В завершение краткого обзора практики федерального конституционного правосудия по вопросам конституционно-правового толкования норм, регламентирующих вопросы организации транспортного обслуживания населения, упомянем определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2023 г. № 2157-О⁴. Данное решение федерального органа конституционного правосудия затрагивает немаловажный вопрос в организации транспортного обслуживания населения – соблюдение норм допуска транспортных компаний к перевозке пассажиров, в том числе в части положений законодательства о конкуренции. Имеющаяся общедоступная статистика в части безопасности общественного транспорта настораживает. Так, в период с января по ноябрь 2023 года доля происшествий с пассажирским автотранспортом составила 69,9% от общего числа аварий с участием общественного транспорта всех видов, а доля пострадавших – 80,6%. За этот же временной промежуток в стране было совершено 2 461 ДТП по вине водителей автобусов лицензированных перевозчиков, в которых погибли 103 человека и 3 774 были ранены⁵.

Конституционный суд Российской Федерации в вышеупомянутом решении обозначил, что Закон № 220-ФЗ предусматривает проведение открытого конкурса на право получения свидетельств об осуществлении перевозок по одному или нескольким муниципальным маршрутам регулярных перевозок, межмуниципальным маршрутам регулярных перевозок или смежным межрегиональным маршрутам регулярных перевозок. Нормы закона устанавливают препятствия для недобросовестного поведения участника открытого конкурса и возможного нарушения прав других участников: в частности, если победитель открытого конкурса отказался от права на получение хотя бы одного

⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2023 г. № 2157-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Первая Транспортная Медиакомпания» на нарушение его конституционных прав частью 9 статьи 24 Федерального закона «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-ot-20072023-n-2157-o/?ysclid=md0478emsi47698071> (дата обращения 12.07.2024).

⁵ Названы самые опасные виды общественного транспорта России [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10998161> (дата обращения 12.07.2025).

свидетельства об осуществлении перевозок по предусмотренным конкурсной документацией маршрутам регулярных перевозок или не смог подтвердить наличие у него транспортных средств, предусмотренных его заявкой на участие в открытом конкурсе, право на получение свидетельств об осуществлении перевозок по данным маршрутам предоставляется участнику открытого конкурса, заявке на участие в открытом конкурсе которого присвоен второй номер. Также, если участник открытого конкурса, которому предоставлено право на получение свидетельств об осуществлении перевозок по предусмотренным конкурсной документацией маршрутам регулярных перевозок, отказался от права на получение хотя бы одного из свидетельств об осуществлении перевозок по данным маршрутам или не смог подтвердить наличие у него транспортных средств, предусмотренных его заявкой на участие в открытом конкурсе, такой конкурс признается несостоявшимся и назначается повторное проведение открытого конкурса. Такие «заградительные барьеры» в отношении недобросовестных участников конкурса на получение права осуществления перевозок пассажиров на регулярных маршрутах, по мнению Конституционного суда Российской Федерации, не выходят за пределы полномочий федерального законодателя, а создают надлежащие условия для предоставления качественных транспортных услуг и организации транспортного обслуживания населения, в том числе и путем поддержания конкуренции в данной сфере экономической деятельности.

Подводя итоги, следует признать, что при наличии почти 35-летней истории конституционного правосудия в России до сих пор не сложилось устойчивой и, что самое главное, «не-

перекаемой»⁶ традиции к применению норм законодательства в его конституционно-правовой интерпретации [8; 9; 10]. В правоприменении по-прежнему присутствует определенная «ведомственность», вплоть до преобладания «подведомственного» приоритета в принятии решений в рамках механизмов реализации законодательных норм. Вместе с тем в условиях возрастания динамизма правового регулирования правоотношений, крайне низкого уровня правосознания не только населения, но и представителей власти, особенно должностных лиц, именно решения Конституционного Суда Российской Федерации способны играть ключевую роль в конституционно-правовом обеспечении организации работы публичных органов власти по исполнению возложенных на них полномочий по организации транспортного обеспечения населения страны.

Несомненно, решения Конституционного суда Российской Федерации и изложенные в них правовые позиции позволяют добиваться полноценной защиты Конституции Российской Федерации, обеспечивать правовую определенность в реализации соответствующих норм, предотвращать коллизии и, наконец, формировать четкую правовую доктрину, обеспечивающую баланс интересов власти и общества, что в конечном итоге дает стимул для дальнейшего поступательного развития права, правоприменения как основы построения полноценного правового государства, в котором права и свободы человека являются высшей ценностью.

⁶ См.: Верховный суд проигнорировал Конституционный [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/02/03/907791-verhovnii-sud?ysclid=md04wnwnn5191143294> (дата обращения: 12.07.2025); В своей великой и несомненной мудрости: как исполняются решения КС [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.ru/story/214586/> (дата обращения: 12.07.2025).

Литература

1. **Дизер О.А., Кожевников О.А.** Организация транспортного обслуживания населения муниципального образования: правовое регулирование и механизм реализации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 65–76. – DOI 10.35750/2071-8284-2024-4-65-76. – EDN NTKZNY.
2. **Тихонов К.А.** О некоторых вопросах государственного регулирования перевозок транспортом общего пользования // Административное право и процесс. – 2020. – № 3. – С. 57–59. – DOI 10.18572/2071-1166-2020-3-57-59. – EDN SEGRZQ.
3. **Упоров И.В.** Полномочия органов местного самоуправления в сфере организации транспортного обслуживания населения // Наукосфера. – 2025. – № 3-2. – С. 266–271. – DOI 10.5281/zenodo.14998543. – EDN ENLHMХ.
4. **Рачек С.В., Грибанова А.В.** Совершенствование транспортного обслуживания населения муниципалитета в современных условиях // Естественно-гуманитарные исследования. – 2024. – № 3 (53). – С. 296–300. – EDN BOZESX.
5. **Сагинова О.В.** Методологические аспекты управления качеством транспортного обслуживания / О.В. Сагинова, И.В. Спиринов, Н.Б. Завьялова, Р.Р. Сидорчук // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2016. – Т. 7. – № 2 (26). – С. 28–37. – DOI 10.18184/2079-4665.2016.7.2.28.37. – EDN WEBСJY.
6. **Иванова А.В.** Совершенствование организации транспортного обслуживания населения на примере муниципального образования «город Ижевск» / Совершенствование государственного и муниципального управления в условиях формирования демократического правового государства: материалы VI Межвузовской студенческой научно-практической конференции, Ижевск, 19 апреля 2017 г. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2017. С. 133–141. – EDN YNKBDX.

7. **Абдурахимов Р.Ш.** Формы взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 1(205). – С. 15–19. – DOI 10.47643/1815-1337_2022_1_15. – EDN XUWVHE.
8. **Султанов А.Р.** За легализацию правовых позиций Конституционного Суда РФ // Вестник гражданского процесса. – 2024. – № 3. – С. 277–294.
9. **Киракосян А.Г.** Реализация решений Конституционного Суда Российской Федерации: проблемный аспект // Молодой ученый. – 2015. – № 21 (101). – С. 604–607.
10. **Кожевников О.А.** Когда в судах согласия нет, или Дело «О музыкальном имуществе» // Арбитражный и гражданский процесс. – 2008. – № 7. – С. 27–29. – EDN JSHASH.

References

1. **Dizer O.A., Kozhevnikov O.A.** Organizatsiya transportnogo obsluzhivaniya naseleniya munitsipal'nogo obrazovaniya: pravovoe regulirovaniye i mekhanizm realizatsii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2024. – № 4 (104). – С. 65–76. – DOI 10.35750/2071-8284-2024-4-65-76. – EDN NTKZNY.
2. **Tikhonov K.A.** O nekotorykh voprosakh gosudarstvennogo regulirovaniya perevozok transportom obshchego pol'zovaniya // Administrativnoye pravo i protsess. – 2020. – № 3. – С. 57–59. – DOI 10.18572/2071-1166-2020-3-57-59. – EDN SEGRZQ.
3. **Uporov I.V.** Polnomochiya organov mestnogo samoupravleniya v sfere organizatsii transportnogo obsluzhivaniya naseleniya // Naukosfera. – 2025. – № 3-2. – С. 266–271. – DOI 10.5281/zenodo.14998543. – EDN ENLHMX.
4. **Rachek S.V., Gribanova A.V.** Sovershenstvovanie transportnogo obsluzhivaniya naseleniya munitsipaliteta v sovremennykh usloviyakh // Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya. – 2024. – № 3 (53). – С. 296–300. – EDN BOZESX.
5. **Saginova O.V.** Metodologicheskie aspekty upravleniya kachestvom transportnogo obsluzhivaniya / O.V. Saginova, I.V. Spirin, N.B. Zav'yalova, R.R. Sidorchuk // MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie). – 2016. – Т. 7. – № 2 (26). – С. 28–37. – DOI 10.18184/2079-4665.2016.7.2.28.37. – EDN WEBCJV.
6. **Ivanova A.V.** Sovershenstvovanie organizatsii transportnogo obsluzhivaniya naseleniya na primere munitsipal'nogo obrazovaniya «gorod Izhevsk» / Sovershenstvovanie gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya v usloviyakh formirovaniya demokraticheskogo pravovogo gosudarstva: materialy VI Mezhvuzovskoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Izhevsk, 19 aprelya 2017 g. – Izhevsk: Izdatel'skii dom «Udmurtskii universitet», 2017. S. 133–141. – EDN YNKBDX.
7. **Abdurakhimov R.Sh.** Formy vzaimodeistviya organov mestnogo samoupravleniya s organami gosudarstvennoi vlasti // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2022. – № 1(205). – С. 15–19. – DOI 10.47643/1815-1337_2022_1_15. – EDN XUWVHE.
8. **Sultanov A.R.** Za legalizatsiyu pravovykh pozitsii Konstitutsionnogo Suda RF // Vestnik grazhdanskogo protsessa. – 2024. – № 3. – С. 277–294.
9. **Kirakosyan A.G.** Realizatsiya reshenii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii: problemnyi aspekt // Molodoi uchenyi. – 2015. – № 21 (101). – С. 604–607.
10. **Kozhevnikov O.A.** Kogda v sudakh soglas'ya net, ili Delo «O muzykal'nom imushchestve» // Arbitrazhnyi i grazhdanski protsess. – 2008. – № 7. – С. 27–29. – EDN JSHASH.

(статья сдана в редакцию 14.07.2025)

**ПРИЗНАК ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРАВОВОГО
КОНФЛИКТА, ПРЕДУСМОТРЕННОГО В СТАТЬЕ 6.1.1 КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЯХ**

**A SIGN OF PUBLIC DANGER OF A LEGAL CONFLICT STIPULATED
IN ART. 6.1.1 OF THE ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN
FEDERATION**

УДК 342.951

М.Е. ТРУФАНОВ,
доктор юридических наук, профессор
(Краснодарский университет МВД России,
Россия, Краснодар)
mihail.trufanov@mail.ru

MIKHAIL E. TRUFANOV,
Doctor of Law, Professor
(Krasnodar University of the Ministry
of the Interior of Russia,
Krasnodar, Russia)

Аннотация: статья посвящена анализу общественной опасности, свойственной физическому насилию, угрожающему здоровью и личной неприкосновенности граждан, в структуре административного правонарушения, предусмотренного в ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Исследованием акцентируется внимание на растущей социальной угрозе таких деяний, особенно в контексте семейно-бытовой агрессии и маргинального поведения. Актуальность проблемы подчеркивается ее эскалацией в условиях роста конфликтных ситуаций, где базовые правовые принципы часто игнорируются. Ключевым фактором распространения насилия выступает проблема отсутствия осознания ответственности за противоправные действия, пренебрежение нормами морали и законодательства, которые создают благоприятные условия для совершения побоев. Данный тип деяний имеет двойственную квалификацию. С одной стороны, он может трактоваться как уголовно наказуемые действия, предусмотренные ст. 116 и 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, с другой – как административный проступок, соответствующий ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Эта правовая дихотомия в долгосрочной перспективе приводит к девальвации человеческого здоровья и нормальных условий жизни. Отстаивается мнение о том, что общественная опасность побоев, влекущих административную ответственность, заключается в их потенциальной способности создавать условия для совершения более тяжких преступлений против здоровья и жизни человека. Данный аспект негативно сказывается на состоянии защищенности людей, соблюдении гарантий прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: административное правонарушение, общественная опасность, уголовная ответственность, меры административного наказания, побои, повторность правонарушения.

Для цитирования: Труфанов М.Е. Признак общественной опасности правового конфликта, предусмотренного в статье 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 4. – С. 10–15.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the public danger inherent in physical violence that threatens the health and personal integrity of citizens in the structure of an administrative offense provided for in art. 6.1.1 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. The study focuses on the growing social threat of such acts, especially in the context of domestic aggression and marginal behavior. The urgency of the problem is emphasized by its escalation in the context of growing conflict situations, where basic legal principles are often ignored. The key factor in the spread of violence is the problem of lack of awareness of responsibility for illegal actions, disregard for moral norms and legislation that create favorable conditions for the commission of beatings. This type of act has a dual qualification. On the one hand, it can be interpreted as criminally punishable actions provided for in Articles 116 and 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, on the other hand, as an administrative offense corresponding to Article 6.1.1 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. This legal dichotomy leads to a long-term devaluation of human health and normal living conditions. The opinion is defended that the public danger of beatings, which entail administrative responsibility, lies in their potential ability to

create conditions for the commission of more serious crimes against human health and life. This aspect negatively affects the state of human security and the observance of guarantees of human and civil rights and freedoms.

Keywords: administrative offense, public danger, criminal liability, administrative penalties, beatings, repeat offenses, administrative offense, public danger, criminal liability, administrative penalties, beatings, repeat offenses.

For citation: Trufanov M.E. A sign of public danger of a legal conflict stipulated in art. 6.1.1 of the Administrative Code of the Russian Federation // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 4. – P. 10–15.

Современный этап развития российского общества сопровождается тревожной тенденцией: при общей криминализации общественных отношений фиксируется рост правонарушений, связанных с применением физического насилия. Особое внимание вызывает увеличение эпизодов бытовых конфликтов, которые, несмотря на отсутствие признаков уголовно наказуемых деяний, дестабилизируют социальную обстановку. Этот феномен можно рассматривать как маркер системных проблем переходного периода. Либерализация собственности, не подкрепленная адекватными механизмами правовой и социальной адаптации, создает почву для конфронтации различных групп интересов. Подобные процессы требуют глубокого анализа взаимосвязи экономических преобразований, правового регулирования и динамики межличностных отношений в трансформирующемся социуме.

Исследование особенностей физического насилия как формы социального противостояния, возникающего из-за столкновения интересов и ценностных установок индивидов, выявляет важную закономерность. Первоначальные разногласия, приводящие к подобным инцидентам, могут казаться схожими как в случаях, подпадающих под уголовную ответственность, так и в ситуациях, регулируемых административным правом. Однако именно специфика развития конфликта (интенсивность эскалации, характер взаимодействия сторон и степень их вовлеченности) становится ключевым индикатором общественной опасности такого рода общественных отношений. К примеру, анализ проблемы показывает, что, несмотря на внешнее сходство причин возникновения бытовых столкновений, их правовая оценка напрямую зависит от динамики конфликтной ситуации. Факторы, такие как длительность противостояния, методы разрешения спора и намерения участников, формируют уникальную «траекторию» инцидента, определяя грань между различными видами юридической ответственности. Это подчеркивает необходимость комплексного подхода при оценке подобных случаев, учитывающего не только формальные признаки, но и социально-психологический контекст взаимодействий.

Рассматривая стандартный алгоритм правоприменительной практики, следует подчеркнуть важность соблюдения иерархии правовых норм. Первоочередной задачей выступает анализ обстоятельств на предмет соответствия критериям уголовно наказуемого деяния, регламентированного положениями о физическом насилии ст. 116 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Если установленные факты не образуют состав данной нормы, компетентный субъект правоприменения переходит к проверке условий, предусмотренных специальным составом (ст. 116.1 УК РФ), учитывающим повторность противоправных действий. Лишь при отсутствии оснований для уголовного преследования осуществляется переход к административно-правовой плоскости. На этом этапе анализируются признаки правонарушения, предусмотренного в ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Такая последовательность отражает принцип приоритетности уголовного законодательства в защите общественных отношений и обеспечивает дифференцированный подход к оценке деяний. Подобная методология предотвращает ошибки квалификации, исключая возможность преждевременного применения менее строгих мер ответственности без полноценной проверки тяжести инцидента. При этом, опираясь на мнение В.Н. Курченко о том, что «правонарушение – социальный и «правовой конструкт» [1, с. 19], считаем, что согласно действующему законодательству характеристика административного правонарушения в российской правовой системе имеет принципиальные особенности. Дело в том, что в отличие от преступлений квалификация административных правонарушений не связывается напрямую с категорией общественной опасности. Данный аспект специально исключен из нормативного определения, что создает существенное отличие в правовой природе этих видов деликтов. Однако, как отмечают некоторые специалисты [2; 3; 4; 5], это не означает полного отрицания потенциально вредоносного характера та-

ких действий – речь идет именно о формальном отсутствии данного признака в законодательной дефиниции. Такая законодательная конструкция позволяет дифференцировать меры государственного воздействия в зависимости от степени социальных последствий правонарушения, сохраняя при этом четкие критерии для правоприменительной практики в административно-правовой сфере.

В этой связи определенный интерес вызывает высказывание С.М. Зырянова: «...анализируя положения КоАП РФ, а равно КоАП РСФСР или проектов нового кодекса, мы попадаем в своего рода когнитивный диссонанс: с одной стороны, формально деяние не опасно, но, с другой стороны, оно уже очевидно опасное по существу» [6, с. 44]. Признавая юридическую четкость формулировок, важно отметить следующий аспект: базовые разногласия между гражданами на доконфликтной стадии действительно не создают угрозы правопорядку. Это объясняется тем, что подобные расхождения, сохраняя характер конструктивного несогласия, еще не приобретают свойств социально опасного противостояния. Само по себе присутствие разницы во взглядах или интересах становится проблемой лишь при переходе в фазу активного противодействия, когда стороны начинают использовать деструктивные формы контакта.

Таким образом, правовая оценка ситуации напрямую зависит от стадии развития межличностного столкновения и степени его воздействия на общественные отношения. Иначе говоря, физическое насилие в конфликтах выступает следствием глубинных разногласий между сторонами, где сама природа противоборствующих позиций формирует уникальный сценарий развития событий. Конфликтогенные факторы, лежащие в основе таких столкновений, задают вектор эскалации, превращая абстрактные противоречия в конкретные действия. Этот процесс демонстрирует, как латентное противостояние интересов материализуется в физической форме, отражая степень радикализации отношений между участниками. Соответственно, столкновения, возникающие на почве глубоких разногласий, подкрепленных антиобщественными предубеждениями, однозначно несут угрозу общественному благополучию.

Речь идет о ситуациях, где в основе конфликта лежат агрессивные установки, связанные с политическими взглядами, мировоззренческими позициями, этнической принадлежностью, вероисповеданием либо неприязнью к определенным категориям граждан. Подобные действия, направленные на унижение человеческого достоинства или причинение физических страданий, полностью соответствуют критериям уголовно наказуемого деяния. Их правовая оценка

связана с наличием признаков, закрепленных в нормах УК РФ.

Наряду с этим в соответствии с постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2021 г. «побои могут признаваться признаком и иных преступлений, которые запрещены самостоятельными нормами Уголовного кодекса Российской Федерации (статьи 131, 156, 161, 213 и др.)»¹. Как показывают исследования, большинство преступлений в семейно-бытовой сфере обусловлено комплексом типичных факторов, а первопричинами чаще всего выступают совместное распитие алкоголя обидчиком и жертвой, эмоциональная нестабильность на фоне личных отношений, а также деструктивные модели поведения. Нередко инциденты провоцируются вспышками ревности между партнерами, маргинальным образом жизни участников конфликта или эскалацией спонтанных разногласий. Особую группу риска составляют затяжные межличностные противостояния как между членами семьи, так и в соседском окружении.

Анализ правовых последствий противоправного поведения требует учета системных взаимосвязей между отраслями законодательства. Применительно к нормам о причинении физического насилия принципиальное значение приобретает оценка их социально опасной составляющей. Эта позиция подтверждается юридической логикой, вытекающей из решений высших судебных инстанций. Как представлено в вышеуказанной правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, дифференциация ответственности за побои базируется на двух ключевых аспектах.

Во-первых, административное и уголовное право рассматриваются как взаимодополняющие инструменты государственного принуждения, имеющие общую цель защиты правопорядка. Во-вторых, законодатель исходит из превентивного потенциала административных санкций: первичный случай применения насилия предполагает возможность коррекции поведения посредством административной ответственности. Такой подход демонстрирует, что общественная опасность деяния определяется не только объективными последствиями, но и прогнозируемой динамикой поведения правонарушителя. Уголовная ответственность резервируется для ситуаций, когда административного

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2021 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 16. – Ст. 2874.

воздействия оказалось недостаточно для предотвращения рецидива.

С целью подтверждения такого рода утверждений имеет смысл обратиться к анализу признака общественной опасности, свойственной противоправным действиям, указанным в ст. 6.1.1 КоАП РФ. По мнению Ю.С. Караваевой, «межотраслевая дифференциация ответственности за побои обеспечивается при их оценке как причиненных впервые или после наложения административного наказания: если меры административного реагирования за нанесение побоев оказались недостаточно эффективными, о чем объективно свидетельствует повторное насилие, то следует применение за это поведение более строгого по своей сути уголовного наказания» [7, с. 94]. В принципе соглашаясь с мнением ученого, будет уместным указать на следующие аспекты.

Прежде всего при анализе противоправных инцидентов, связанных со взаимным применением силы, ключевое значение имеет дифференциация уголовной и административной ответственности. Когда в ходе межличностного противостояния стороны совершают физическое воздействие, вызывающее болевые ощущения без признаков вреда здоровью (исключая критерии ст. 115 УК РФ и смежных норм), компетентному субъекту правоприменения следует учитывать особый правовой статус участников. В ситуациях, где действия формально подпадают под ст. 116.1 УК РФ, приоритетной становится квалификация по административному законодательству. Согласно ст. 6.1.1 КоАП РФ решающим фактором выступает состояние предыдущей наказанности одного из участников инцидента. Это требует от уполномоченного субъекта тщательной проверки правовой истории фигурантов перед выбором отрасли законодательства для применения.

Таким образом, даже при внешней схожести с уголовно наказуемым деянием первичным является установление административной преюдиции – факта ранее примененных мер воздействия к инициатору конфликта. Данный подход обеспечивает пропорциональность ответственности с учетом правового статуса лица. Именно повторность, как пишет Ю.Н. Румянцева, «указывает на устойчивость поведения виновного, склонность к разрешению конфликтов насильственным способом, неуважение к достоинству личности» [8, с. 117]. Невзирая на то что в этой ипостаси оно уже находится в условиях действия уголовно-правовой преюдиции, вступает в действие позиция п. 3 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2021 г., согласно которой «общественная опас-

ность повторного – в связи с предшествующим привлечением уже не к административной, а к уголовной ответственности – нанесения побоев не может оцениваться как снизившаяся. Напротив, повторность указывает на устойчивость поведения виновного, склонность к разрешению конфликтов насильственным способом, неуважение к достоинству личности»².

Во-вторых, комплекс мер административно-правового воздействия, предусмотренный санкцией ст. 6.1.1 КоАП РФ, включает в себя наиболее серьезные из перечня мер, предусмотренных в главе третьей указанного кодекса, среди которых – административный арест в максимальных пределах и обязательные работы. Третьей мерой в данной совокупности представлен административный штраф, по своим критериям превышающий в шесть раз размеры административного штрафа, установленного в отношении граждан ч. 1 ст. 3.5 (30 тыс. рублей).

Есть основания отметить, что такое репрессивное содержание в мерах административного наказания обусловлено значительным уровнем общественной опасности данного вида правонарушений. Для сравнения можно рассмотреть административное правонарушение, предусмотренное в ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ «Управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения». Его общественная опасность не вызывает сомнения, а наказанием за его совершение предусматривается административный штраф аналогичного размера с лишением специального права, но при этом административного ареста и обязательных работ не предполагается.

Отмеченная выше интегративная связь между признаками общественной опасности и наказуемости простых (неквалифицированных) побоев позволяет рассуждать в том ключе, который определен п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»³, где указано, что при определении меры ответственности в рамках адми-

² См.: п. 3 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2021 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 16. – Ст. 2874.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (с изменениями и дополнениями) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2005. – № 6.

нистративного производства судьям следует руководствоваться принципом законодательной определенности. Судья вправе избрать оптимальный вид наказания – от штрафных санкций до административного ареста – с учетом характера правонарушения и правового статуса нарушителя.

Как показывает исследование, проведенное И.В. Федоровой в 2019–2021 гг. с использованием более 300 дел об административных правонарушениях о привлечении к ответственности по вышеуказанной статье КоАП РФ, «наказанием, которое чаще всего назначалось мировыми судьями, был административный штраф. Минимальный размер административного штрафа применялся в 62,9% случаев. Наказание в виде обязательных работ составило 30,8%» [9, с. 41]. Реже, по тем же данным, назначалось наказание в виде административного ареста, что не всегда отвечает ожиданиям потерпевших и профессиональной убежденности должностных лиц, осуществляющих производство по данной категории дел.

Исследование характеристик физического насилия как формы межличностного противостояния, возникающего из-за противоречий в целях и взглядах субъектов, демонстрирует условность границ между смежными составами правонарушений. Первоначальный анализ показывает, что конфликтные предпосылки, ведущие к нанесению телесных повреждений, могут формально соответствовать как уголовно наказуемому деянию (ст. 116 УК РФ), так и административному проступку (ст. 6.1.1 КоАП РФ). Однако дифференциация правовых последствий становится возможной лишь при детальном изучении поведенческих паттернов участников – степени интенсивности противодействия, характера эскалации противоречий и особенностей реализации конфликтного потенциала. Эти факторы выступают ключевыми маркерами при квалификации инцидента, раскрывая качественные различия между внешне схожими ситуациями.

Важно осознавать, что противоправные действия, возникающие на почве межличностных разногласий, подкрепленных антиобщественными устремлениями или предубеждениями в отношении определенных категорий граждан, однозначно содержат компонент социальной угрозы. Речь идет о ситуациях, где базовые про-

тиворечия между сторонами усугубляются неприятием ценностей, связанных с гражданской позицией, мировоззрением, этнической принадлежностью, вероисповеданием либо принадлежностью к определенному сообществу. Подобные проявления полностью соответствуют критериям уголовно наказуемого деяния, регламентированного ст. 116 УК РФ, так как создают реальные предпосылки для дестабилизации общественных отношений.

Отдельные специалисты указывают на то, что «конфликт – это и есть противоречие, но противоречие на определенной стадии своего развития, которая не всегда обязательна» [10, с. 99]. Безусловно, это так. Противоречия, служащие предтечей побоям, превращаются в конфликт в условиях их крайнего обострения, то есть могут быть нанесены удары либо иные насильственные действия, причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий, предусмотренных в ст. 115 УК РФ.

Основываясь на логике предыдущих рассуждений, в заключение считаем уместным указать на два следующих аспекта.

Во-первых, если конфликт, сопровождаемый взаимной активностью сторон в виде нанесения побоев или совершения иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ и не актуализированных в признаках иных преступлений, квалифицируется по ст. 116.1 УК РФ, компетентному субъекту правоприменения необходимо ориентироваться прежде всего на признаки состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ, характеризующие его субъекта как лицо, которое на момент совершения этого деяния было подвергнуто административному наказанию. Именно повторность позволяет предполагать склонность к более опасному насильственному способу поведения.

Во-вторых, комплекс мер административно-правового воздействия, предусмотренный санкцией ст. 6.1.1 КоАП РФ, включает в себя наиболее серьезные из перечня мер, установленных в главе третьей указанного кодекса. Такое репрессивное содержание в мерах административного наказания обусловлено значительным уровнем общественной опасности данного вида правонарушения.

Литература

1. Курченко В.Н. Парадигма административной преюдиции в уголовном праве // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – № 2. – С. 10–20.
2. Дизер О.А., Сургутков В.И. Об общественной опасности отдельных административных правонарушений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 4 (40). – С. 319–320.

3. **Цуканов Н.Н.** Общественная опасность административного правонарушения: к вопросу о состоятельности гипотезы / Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 1. – Красноярск, 2019. С. 15–21.
4. **Беженцев А.А.** Преобладание признака вредности или общественной опасности в административном правонарушении: онтологический и гносеологический подходы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. – 2020. – № 1 (61). – С. 105–112.
5. **Александров А.Н., Дизер О.А., Недоступенко Т.А.** Формирование доктринального подхода к общественной опасности как признаку преступлений и административных правонарушений // Правоприменение. – 2024. – Т. 8. – № 4. – С. 93–102.
6. **Зырянов С.М.** Еще раз об общественной опасности административного правонарушения // Административное право и процесс. – 2017. – № 6. – С. 43–46.
7. **Караваяева Ю.С.** Межотраслевая дифференциация ответственности в уголовно-правовых нормах с признаками административной преюдиции: законодательный и правоприменительный подходы // Lex Russica. – 2022. – № 8. – С. 81–98. – DOI: 10.17803/1729-5920.2022.189.8.081-098.
8. **Румянцева Ю.Н.** Уголовно-правовая защита жертв домашнего насилия: дифференциация ответственности в зависимости от субъектного состава // Пролог: журнал о праве. – 2023. – № 3. – С. 112–119.
9. **Федорова И.В.** К вопросу о практике назначения административных наказаний за побои (на примере Усть-Куломского суда Республики Коми) // Вестник. Государство и право. – 2022. – № 1 (32). – С. 40–44.
10. **Кудрявцев С.В.** Конфликтологический анализ криминогенных ситуаций / Насилие, агрессия, жестокость. Криминально-психологическое исследование: сборник научных трудов; под ред. А.Р. Ратинова. – Москва: ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1990. С. 98–112.

References

1. **Kurchenko V.N.** Paradigma administrativnoi preyuditsii v ugovnom prave // Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. – 2018. – № 2. – С. 10–20.
2. **Dizer O.A., Surgutkov V.I.** Ob obshchestvennoi opasnosti ot del'nykh administrativnykh pravonarushenii // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii. – 2017. – № 4 (40). – С. 319–320.
3. **Tsukanov N.N.** Obshchestvennaya opasnost' administrativnogo pravonarusheniya: k voprosu o sostoyatel'nosti gipotezy / Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki: materialy XXII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2 ch. Ch. 1. – Krasnoyarsk, 2019. S. 15–21.
4. **Bezhtentsev A.A.** Preobladanie priznaka vrednosti ili obshchestvennoi opasnosti v administrativnom pravonarushenii: ontologicheskii i gnoseologicheskii podkhody // Vestnik TvGU. Seriya: Pravo. – 2020. – № 1 (61). – С. 105–112.
5. **Aleksandrov A.N., Dizer O.A., Nedostupenko T.A.** Formirovanie doktrinal'nogo podkhoda k obshchestvennoi opasnosti kak priznaku prestuplenii i administrativnykh pravonarushenii // Pravoprimenenie. – 2024. – Т. 8. – № 4. – С. 93–102.
6. **Zyryanov S.M.** Eshche raz ob obshchestvennoi opasnosti administrativnogo pravonarusheniya // Administrativnoe pravo i protsess. – 2017. – № 6. – С. 43–46.
7. **Karavaeva Yu.S.** Mezhotraslevaya differentsiatsiya otvetstvennosti v ugovno-pravovykh normakh s priznakami administrativnoi preyuditsii: zakonodatel'nyi i pravoprimenitel'nyi podkhody // Lex Russica. – 2022. – № 8. – С. 81–98. – DOI: 10.17803/1729-5920.2022.189.8.081-098.
8. **Rumyantseva Yu.N.** Uголовно-правовая защита жертв домашнего насилия: дифференциация ответственности в зависимости от субъектного состава // Пролог: журнал о праве. – 2023. – № 3. – С. 112–119.
9. **Fedorova I.V.** K voprosu o praktike naznacheniya administrativnykh nakazanii za poboi (na primere Ust'-Kulomskogo suda Respubliki Komi) // Vestnik. Gosudarstvo i pravo. – 2022. – № 1 (32). – С. 40–44.
10. **Kudryavtsev S.V.** Konfliktologicheskii analiz kriminogennykh situatsii / Nasilie, agressiya, zhestokost'. Kriminal'no-psikhologicheskoe issledovanie: sbornik nauchnykh trudov; pod red. A.R. Ratinova. – Moskva: VNIИ problem ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka, 1990. S. 98–112.

(статья сдана в редакцию 28.05.2025)

**УРЕГУЛИРОВАНИЕ СЛУЖЕБНЫХ СПОРОВ НА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ СУДА****SETTLEMENT OF OFFICIAL DISPUTES IN THE CIVIL SERVICE:
BASED ON COURT MATERIALS**

УДК 342

О.А. ДИЗЕР,

кандидат юридических наук,
(Омская академия
МВД России,
Россия, Омск)
oadizer-24@mail.ru

OLGA A. DIZER,

Candidate of Law
(Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Omsk, Russia)

Р.М. СТЕПКИН,

кандидат юридических наук, доцент
(Санкт-Петербургский университет
МВД России,
Россия, Санкт-Петербург)
stepkinr@list.ru

ROMAN M. STEPKIN,

Candidate of Law, Associate Professor
(Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
Saint Petersburg, Russia)

Аннотация: в период прохождения государственной службы между субъектами правоотношений могут возникать разногласия по вопросам, связанным не только с применением законодательства и нормативных актов, но и регулирующих прохождение государственной службы, в частности связанным с поступлением на государственную службу, ее прохождением и прекращением, а также относительно реализации прав и обязанностей между государственными служащими и государственными органами. В статье рассматриваются проблемные вопросы, затрагивающие прохождение государственной службы, при этом делается акцент на правах и свободах государственного служащего в рамках возникшего служебного спора и при его урегулировании. Авторами анализируются федеральные законы и нормативные акты, регулирующие прохождение государственной службы в их системной взаимосвязи и совокупности, применимые к проблемным отношениям в рамках разрешения служебного спора. На основе анализа правоприменительной практики в статье отмечены ключевые моменты и основные тенденции касательно урегулирования служебного спора в судебном порядке. Дана оценка спорным моментам, а также отмечены негативные аспекты, возникающие в ходе служебных споров с участием государственных служащих, и актуальные проблемы правоприменения при разрешении служебного спора в судебном порядке между государственными служащими и работодателем (государственными органами). При систематизации судебных решений обозначены ключевые компоненты, способные структурировать процедуру урегулирования служебного спора на государственной службе.

Ключевые слова: служебный спор, законодательство о государственной службе, статус государственного служащего, правоприменение, тенденции при рассмотрении служебного спора.

Для цитирования: Дизер О.А., Степкин Р.М. Урегулирование служебных споров на государственной службе: по материалам суда // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 4. – С.16–20.

Abstract: during the period of public service, there may be disagreements between subjects of legal relations on issues related not only to the application of legislation and regulations, but also on issues governing the passage of public service, in particular those related to admission to public service, its passage and termination, as well as regarding the exercise of rights and duties between civil servants. and government agencies. The article examines problematic issues affecting the passage of public service, while focusing on the rights and freedoms of a civil servant in the context of an office dispute and its settlement. The author analyzes the federal laws and regulations governing the passage of public service in their systemic interrelation and collectively applicable to problematic relationships in the framework of resolving an official dispute. Based on the analysis of law enforcement practice, the article highlights the key points and main trends regarding the settlement of an official dispute in court. The assessment of controversial issues is given, as well as the negative aspects that arise during official disputes involving civil servants. Based on a detailed analysis, the most pressing problems

of law enforcement that arise when resolving an official dispute in court between civil servants and an employer (government agencies) are noted. Based on the systematization of court decisions, key components are identified that can structure the procedure for resolving an official dispute in the civil service.

Keywords: service dispute, legislation on civil service, status of a civil servant, law enforcement, trends in the consideration of an official dispute.

For citation: Dizer O.A., Stepkin R.M. Settlement of official disputes in the civil service: based on court materials // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 4. – P.16–20.

Служба в органах внутренних дел Российской Федерации, являясь разновидностью государственной службы, обладает рядом особенностей, позволяющих говорить о ее уникальности. Одним из ключевых отличий является ее особый характер, направленный на защиту жизни, здоровья, прав и свобод граждан, обеспечение общественного порядка и борьбу с преступностью. Вопросы прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации в настоящее время регламентируются несколькими десятками нормативных правовых актов разного уровня [1, с. 4].

Конституция Российской Федерации, закрепив в качестве высшей ценности человека его права и свободы, углубила содержание и расширила систему его основных прав и свобод. В ст. 23 Основного Закона закреплено, что «каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и достоинства». Возможность такой защиты основана на гарантированном ст. 47 Конституции Российской Федерации праве каждого гражданина «обращаться для обеспечения и восстановления нарушенных прав в соответствующие органы, в том числе в суд». Право полицейского отстаивать свои законные права на честь и достоинство, базирующееся на конституционной норме, является важным в системе гарантий правовой защиты в системе органов внутренних дел. Эти гарантии представляют собой предусмотренные законодательством юридические средства, механизмы и процедуры, обеспечивающие эффективное исполнение сотрудниками полиции возложенных на них обязанностей на высоком профессиональном уровне [2, с. 21].

На сегодняшний день, согласно обзорам судебных дел, можно констатировать, что служебные споры на государственной службе не являются редкостью. Они могут возникать в соответствии со ст. 72 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – За-

кон о службе в ОВД)¹ ввиду разногласий между государственными служащими и работодателем (государственными органами) по вопросам прохождения службы, применения законодательства и нормативных актов, регулирующих государственную службу. Как показывает судебная практика, самыми распространенными категориями дел, разрешаемых на государственной службе в ходе служебных споров, являются:

1. Прием на государственную службу: оспаривание результатов конкурсов, отказ в приеме на службу, незаконное увольнение в период испытательного срока. Так, например, при разрешении дела гражданина Б., обратившегося с иском к территориальному органу внутренних дел по субъекту Российской Федерации о признании незаконным решения об отказе в приеме на службу в органы внутренних дел (далее – ОВД), по материалам дела установлено, что решение было принято руководителем, наделенным полномочиями по рассмотрению документов, представленных гражданином, поступающим на службу в органы внутренних дел. Такое решение ответчика (руководителя) было основано на данных, полученных по результатам проверки достоверности сообщенных гражданином сведений, а также исходя из информации, полученной от подразделения собственной безопасности МВД России. Кроме того, акцент был сделан и на оценке личных и деловых качеств истца. Исходя из этого, суд пришел к выводу, что права Б. на доступ к службе в органах внутренних дел нарушены ответчиком не были, ввиду того что право отбора кандидатов действующим законодательством отнесено к компетенции уполномоченного руководителя².

¹ Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прохождением службы федеральными государственными служащими (сотрудниками органов внутренних дел, сотрудниками органов уголовно-исполнительной системы, сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации, сотрудниками иных органов, в которых предусмотрена федеральная государственная служба [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vsrfl.ru/files/24404/?ysclid=mdy3f7yytv744564342>

2. Прохождение государственной службы: перевод на другую должность, изменение существенных условий службы, привлечение к дисциплинарной ответственности, аттестация, присвоение квалификационных и специальных званий. Необходимо отметить, что наиболее распространенной категорией рассматриваемых в суде дел являются дела о привлечении сотрудников ОВД к дисциплинарной ответственности. Отметим, что суды при вынесении решения по данной категории дел акцентируют внимание на том, что ответственность возможна лишь в случае установления вины в нарушении служебной дисциплины. Так, например, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с выводами суда первой инстанции, указав, что судом первой инстанции не применены в системной взаимосвязи и совокупности изложенные в мотивировочной части нормативные положения, подлежащие применению к спорным отношениям, и не дана надлежащая оценка обстоятельствам дела, касающимся установления вины П. во вмененных ему нарушениях.

С учетом приведенных обстоятельств Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала необоснованным вывод суда первой инстанции о наличии вины³.

3. Прекращение государственной службы: увольнение по различным основаниям (сокращение штата, несоответствие занимаемой должности, совершение дисциплинарного проступка и т.д.), оспаривание оснований и порядка увольнения. Продолжая обзор судебной практики, отметим дело об увольнении гражданина А., обратившегося в суд с иском о признании увольнения незаконным и восстановлении на службе в органах внутренних дел Российской Федерации. Как отмечено в мотивировочной части дела, А. проходил службу в ОВД и был уволен по п. 9 ч. 3 ст. 82 Закона о службе в ОВД⁴ в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел. А. считал увольнение незаконным, поскольку не были учтены соразмерность примененного взыскания

и совершенного проступка. В ходе рассмотрения дела судом установлено, что основанием к увольнению А. со службы в органах внутренних дел послужило заключение служебной проверки территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации, из которого следует, что сотрудниками полиции задержан находившийся в отпуске А., который в грубой форме, выражаясь нецензурной бранью, требовал от наряда полиции не задерживать граждан Республики Узбекистан для проверки соблюдения правил въезда в Российскую Федерацию и режима проживания в Российской Федерации, угрожая принять меры к сотрудникам полиции после выхода из отпуска. В ходе проведенной служебной проверки установлено, что А. нарушил положения Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: совершил проступок, порочащий честь сотрудника полиции, в связи с чем подлежит увольнению. Однако суд первой инстанции, равно как и суд апелляционной инстанции, отметил, что при проведении проверки не были установлены обстоятельства совершения проступка, включая смягчающие или отягчающие ответственность сотрудника ОВД России, из этого был сделан вывод о том, что мера ответственности в виде увольнения применена к А. без учета тяжести совершенного проступка и степени вины, а также прежнего поведения истца и его отношения к службе. Тем не менее Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, сославшись на ч. 4 ст. 7 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»⁵, отметила, что сотрудник полиции как в служебное, так и во внеслужебное время должен воздерживаться от любых действий, которые могут вызвать сомнение в его беспристрастности или нанести ущерб авторитету полиции, а также на п. 6 ч. 1 ст. 50 Закона о службе в ОВД, указав на то, что на сотрудника ОВД в случае нарушения им служебной дисциплины может налагаться дисциплинарное взыскание в виде увольнения со службы в органах внутренних дел по соответствующим основаниям. Обоснование этому послужило то, что служба в органах внутренних дел является особым видом государственной службы, которая направлена на реализацию публичных интересов. Из содержания нормативных положений и их системной взаимосвязи Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала вывод судебных инстанций о несоразмерности примененного к А.

³ Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прохождением службы федеральными государственными служащими (сотрудниками органов внутренних дел, сотрудниками органов уголовно-исполнительной системы, сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации, сотрудниками иных органов, в которых предусмотрена федеральная государственная служба [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vsrf.ru/files/24404/?ysclid=mdy3f7yytv744564342>

⁴ Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

дисциплинарного взыскания в виде увольнения со службы в органах внутренних дел не соответствующим положениям Закона о службе в ОВД. В связи с чем Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции [3].

Также следует отметить, что осуществление служебных полномочий в условиях вводимых экстраординарных режимов, в том числе и в качестве ответа на внешнюю агрессию, возможно лишь при наличии соответствующих юридических норм, дополнительно регламентирующих отдельные элементы прохождения рассматриваемого вида государственной службы [4, с. 184].

Если сотрудник отказывается без уважительных причин от прохождения службы в особых условиях, то он подлежит увольнению со службы в органах внутренних дел, а контракт с ним расторгается в соответствии с п. 13 ч. 2 ст. 82 Закона о Службе в ОВД. Сотрудник, уволенный в связи с отказом без уважительных причин от прохождения службы в особых условиях, сохраняет право на получение единовременного пособия в размере от двух до семи окладов денежного содержания при увольнении со службы, а также на медицинское обеспечение и санаторно-курортное лечение в силу отсутствия специальных ограничений. Что касается выплаты за нереализованный в текущем году отпуск, то для такого сотрудника она производится пропорционально отработанному времени. Изложенное в полной мере позволяет говорить о необходимости формулирования и нормативного закрепления перечня уважительных причин для увольнения при прохождении службы в особых условиях или обстоятельности, которые в определенных условиях можно считать таковыми. Подобный шаг будет способствовать устранению правовой неопределенности, а также повышению защиты прав и законных интересов сотрудников органов внутренних дел [5, с. 132–133].

4. Оплата труда и социальные гарантии: невыплата или неполная выплата заработной платы, премий, надбавок, отказ в предоставлении отпусков, льгот и компенсаций. Кроме того, остро стоит вопрос, связанный с порядком освобождения сотрудника органов внутренних дел от выполнения служебных обязанностей в связи с временной нетрудоспособностью. Так, судами делается акцент на механизме реализации сотрудником органов внутренних дел права на освобождение от выполнения служебных обязанностей в связи с временной нетрудоспособностью, который установлен специальными правовыми нормами, в частности ч. 1 ст. Закона о службе в ОВД, а также приказом МВД России от 24 апреля 2019 г. № 275

«Об отдельных вопросах медицинского обеспечения и санаторно-курортного лечения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, граждан Российской Федерации, уволенных со службы в органах внутренних дел Российской Федерации, граждан Российской Федерации, уволенных со службы в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также членов их семей и лиц, находящихся на их иждивении, в медицинских организациях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации»⁶. Таким образом, временная нетрудоспособность сотрудника органов внутренних дел должна быть подтверждена документами, выданными медицинскими учреждениями системы МВД России, к которым прикреплен сотрудник, либо документами, выданными иными медицинскими учреждениями, но зарегистрированными в медицинском учреждении системы МВД России по месту прикрепления на медицинское обслуживание [6, с. 19–20]. Следует отметить, что ч. 1 ст. 65 Закона о службе в ОВД претерпела изменения в связи с вступившими в законную силу 5 февраля 2025 г. дополнениями к ч. 11, где законодатель заострил внимание на том факте, что обращение в медицинскую организацию частной системы здравоохранения возможно в исключительных обстоятельствах, требующих объективно обращения сотрудника в случаях отсутствия по месту службы, месту жительства или иному месту нахождения сотрудника медицинских организаций федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел либо при отсутствии в них отделений соответствующего профиля, специалистов либо специального медицинского оборудования⁷.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. При разрешении служебных споров на государственной службе судами обращается внимание на соблюдение сроков исковой давности,

⁶ Приказ МВД России от 24 апреля 2019 г. № 275 «Об отдельных вопросах медицинского обеспечения и санаторно-курортного лечения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, граждан Российской Федерации, уволенных со службы в органах внутренних дел Российской Федерации, граждан Российской Федерации, уволенных со службы в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также членов их семей и лиц, находящихся на их иждивении, в медицинских организациях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См.: Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

грамотное определение предмета и оснований иска, сбор и представление доказательств, а также на правильное составление искового заявления. Отметим, что тенденция в принятии судами решений такова, что акцент делается, во-первых, на соблюдении процедур при принятии решений, затрагивающих вопросы прохождения государственной службы государственными служащими, во-вторых, на вопросах, касающихся защиты прав государственных служащих, в частности случаев

незаконного увольнения или привлечения к дисциплинарной ответственности. При этом учитывается специфика государственной службы при рассмотрении споров, связанных с исполнением служебных обязанностей и соблюдением служебной дисциплины. Необходимо отметить, что судами всех инстанций уделяется огромное внимание оценке соразмерности наказания совершенному проступку при вынесении решения по делам о дисциплинарных взысканиях.

Литература

1. Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации: курс лекций / Ванюшин Я.Л., Ванюшина И.Н., Дизер О.А. [и др.]. – 3-е изд., доп. – Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2022. – 340 с.
2. **Бучакова М.А., Дизер О.А., Александров А.Н.** Теория и практика судебной защиты чести и достоинства, деловой репутации сотрудников органов внутренних дел // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2016. – № 2. – С. 20–24.
3. **Бублик И.Г., Селиванов А.С., Федоренко Г.Б.** Судебные споры, связанные с расторжением служебного контракта с участковым уполномоченным полиции: учебное пособие. – Барнаул, 2021. – 40 с.
4. **Дизер О.А.** О совершенствовании чрезвычайного законодательства, регламентирующего защиту государства от внешней агрессии // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 5 (117). – С. 183–191.
5. **Дизер О.А.** Увольнение сотрудников органов внутренних дел, проходящих службу в особых условиях / Реализация Конституции: состояние и перспективы: материалы IX Международной научно-практической конференции. – Омск, 2025. С. 131–133.
6. **Степкин Р.М., Дизер О.А.** Правовое регулирование медицинского обеспечения сотрудников полиции в Российской Федерации // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2024. – № 4 (58). – С. 19–24.
7. **Бялт В.С., Косолапов А.Д., Миронкина О.Н.** Социальные гарантии в органах внутренних дел Российской Федерации: учебное наглядное пособие. – Санкт-Петербург, 2020. – 140 с.
8. **Сизов И.Ю.** Отдельные аспекты судебной практики, связанной с увольнением должностных лиц из органов внутренних дел по основаниям совершения проступка, порочащего честь сотрудника ОВД // Актуальные проблемы административного права и процесса. – 2018. – № 2. – С. 55–59.
9. **Богатырева Л.И.** Правовое регулирование и организационные основы стимулирования деятельности сотрудников органов предварительного следствия в системе МВД России: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2022. – 270 с.
10. **Евстафиади Я.К.** Административно-правовое регулирование государственной службы сотрудников органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2017. – 28 с.

References

1. Gosudarstvennaya sluzhba v organakh vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii: kurs lektsii / Vanyushin Ya.L., Vanyushina I.N., Dizer O.A. [i dr.]. – 3-e izd., dop. – Tyumen': Tyumenskii institut povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii, 2022. – 340 s.
2. **Buchakova M.A., Dizer O.A., Aleksandrov A.N.** Teoriya i praktika sudebnoi zashchity chesti i dostoinstva, delovoi reputatsii sotrudnikov organov vnutrennikh del // Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti. – 2016. – № 2. – S. 20–24.
3. **Bublik I.G., Selivanov A.S., Fedorenko G.B.** Sudebnye spory, svyazannye s rastorzheniem sluzhebnoho kontrakta s uchastkovym upolnomochennym politzii: uchebnoe posobie. – Barnaul, 2021. – 40 s.
4. **Dizer O.A.** O sovershenstvovanii chrezvychainogo zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego zashchitu gosudarstva ot vneshnei agressii // Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). – 2024. – № 5 (117). – S. 183–191.
5. **Dizer O.A.** Uvol'nenie sotrudnikov organov vnutrennikh del, prokhodyashchikh sluzhbu v osobykh usloviyakh / Realizatsiya Konstitutsii: sostoyanie i perspektivy: materialy IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Omsk, 2025. S. 131–133.
6. **Stepkin R.M., Dizer O.A.** Pravovoe regulirovanie meditsinskogo obespecheniya sotrudnikov politzii v Rossiiskoi Federatsii // Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti. – 2024. – № 4 (58). – S. 19–24.
7. **Byalt V.S., Kosolapov A.D., Mironkina O.N.** Sotsial'nye garantii v organakh vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii: uchebnoe naglyadnoe posobie. – Sankt-Peterburg, 2020. – 140 s.
8. **Sizov I.Yu.** Otdel'nye aspekty sudebnoi praktiki, svyazannoi s uvol'neniem dolzhnostnykh lits iz organov vnutrennikh del po osnovaniyam soversheniya prostupka, porochashchego chest' sotrudnika OVD // Aktual'nye problemy administrativnogo prava i protsessa. – 2018. – № 2. – S. 55–59.
9. **Bogatyreva L.I.** Pravovoe regulirovanie i organizatsionnye osnovy stimulirovaniya deyatel'nosti sotrudnikov organov predvaritel'nogo sledstviya v sisteme MVD Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. – Moskva, 2022. – 270 s.
10. **Evstafiadi Ya.K.** Administrativno-pravovoe regulirovanie gosudarstvennoi sluzhby sotrudnikov organov vnutrennikh del: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Krasnodar, 2017. – 28 s.

(статья сдана в редакцию 14.08.2025)

К ПРАВОВОЙ СУЩНОСТИ УТИЛИЗАЦИОННОГО СБОРА В ОТНОШЕНИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

TO THE LEGAL ESSENCE OF THE RECYCLING FEE IN RELATION TO VEHICLES

УДК 342.7

А.А. ЗАТОЛОКИН,
кандидат юридических наук, доцент
(Краснодарский университет МВД России,
Россия, Краснодар)
kiap_krdu@mvd.ru

ALEXANDER A. ZATOLOKIN,
Candidate of Law, Associate Professor
(Krasnodar University
of the Ministry of the Interior of Russia,
Krasnodar, Russia)

Аннотация: в работе рассматривается правовая природа утилизационного сбора применительно к транспортным средствам. Особое внимание уделяется анализу мнений различных исследователей относительно совершенствования администрирования утилизационного сбора в отношении транспортных средств и самоходных машин. Акцентируется внимание на значимости рассматриваемых вопросов как для экспертного сообщества, так и для автолюбителей. Дедуцируются проблемные моменты, возникающие при взимании данного неналогового дохода бюджета Российской Федерации. Проводится ретроспективный анализ организационно-правового развития процедур взимания утилизационного сбора в отношении транспортных средств. Обоснованно выделяются периоды организационно-правового становления института утилизационного сбора в отношении транспортных средств. Кратко анализируются итоги каждого из выделенных четырех периодов становления рассматриваемого института. Делаются выводы об изменении первоначально взятого вектора в вопросах целей применения такой меры, как утилизационный сбор в отношении транспортных средств. Отмечается, что со временем вектор сместился от безопасности экологии к пополнению бюджета. Обосновываются возможные направления совершенствования взимания утилизационного сбора наряду со снижением социальной напряженности, возникшей в связи с его применением. Вносятся предложения в правовую и организационную основу взимания утилизационного сбора в отношении транспортных средств.

Ключевые слова: утилизационный сбор, экологическая безопасность, процедурные вопросы, фискальные платежи, правила возмездности.

Для цитирования: Затолокин А.А. К правовой сущности утилизационного сбора в отношении транспортных средств // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 4. – С. 21–25.

Abstract: the paper considers the legal nature of the recycling fee in relation to vehicles. Special attention is paid to the analysis of the opinions of various researchers regarding the improvement of the administration of recycling collection in relation to vehicles and self-propelled vehicles. Attention is focused on the importance of the issues under consideration both for the expert community and for motorists. The problematic issues that arise when collecting this non-tax income from the budget of the Russian Federation are deduced. A retrospective analysis of the organizational and legal development of recycling collection procedures for vehicles is being conducted. The periods of organizational and legal formation of the institute of recycling collection in relation to vehicles are reasonably distinguished. The results of each of the identified four periods of the institution's formation are briefly analyzed. Conclusions are drawn about the change in the initial vector regarding the purposes of applying such a measure as a recycling fee for vehicles. It is noted that over time, the vector has shifted from environmental safety to budget replenishment. Possible directions for improving the collection of the recycling fee are substantiated along with reducing the social tension that has arisen in connection with its application. Proposals are being made on the legal and organizational basis for the collection of a recycling fee for vehicles.

Keywords: disposal fee, environmental safety, procedural issues, fiscal payments, rules of retaliation.

For citation: Zatolokin A.A. To the legal essence of the recycling fee in relation to vehicles // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 4. – P. 21–25.

Разнообразные вопросы, связанные с введением утилизационного сбора, процедурой взимания и постоянным повышением ставки, вызывают интерес как в научном экспертном сообществе, так и в сугубо обывательских кругах.

В научных публикациях неоднократно обсуждались вопросы утилизационного сбора. Так, в работе В.Б. Мантусова и Ф.А. Золотницкого дедуцированы многие проблемные моменты, связанные с взиманием утилизационного сбора в Российской Федерации [1, с. 29]. Исследователь М.С. Гордиенко в своей работе рассматривает вопросы утилизационного сбора с позиций фискальных платежей, а также приходит к выводам о накопившихся проблемах в сфере природоохранных мероприятий и переработке бытовых и промышленных отходов [2, с. 25].

Кроме описания проблем в научной литературе утилизационный сбор регулярно становится предметом критики и обсуждения депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Так, согласно публикации в «Парламентской газете» «Госдума может обратиться к Правительству, чтобы изменить новые правила оплаты утильсбора для иномарок или отсрочить их действие. Причина – многочисленные жалобы автовладельцев, у которых из-за вступивших в силу изменений в порядке оплаты резко выросла стоимость ввезенного в страну авто, зачастую на несколько сотен тысяч рублей»¹.

Кроме экспертного и депутатского сообщества вопросы утилизационного сбора имеют важное значение и для обывателей, поскольку его ставка напрямую влияет на конечную стоимость транспортного средства, что, в свою очередь, отражается на бюджете россиян, приобретающих автомобиль. Наряду со всем перечисленным важность рассматриваемых вопросов определяется и императивностью уплаты утилизационного сбора, поскольку без отметки о его взимании невозможно зарегистрировать транспортное средство.

В связи с важностью и общественной значимостью указанных вопросов в настоящей статье будет предпринята попытка научного анализа и осмысления существующих правовых и организационных механизмов взимания утилизационного сбора в

целях выработки путей их совершенствования.

Для более объективной оценки правовой сущности утилизационного сбора в отношении транспортных средств проведем небольшой ретроспективный анализ, хорошо зарекомендовавший себя как один из наиболее эффективных методов научного анализа [3, с. 13]. Результаты анализа представим в виде периодизации организационно-правового становления института утилизационного сбора в отношении транспортных средств.

Первый период, который условно назовем периодом формирования правовой базы, берет свое начало в 1998 году с принятием Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89 «Об отходах производства и потребления» (далее – Закон об отходах)². Закон об отходах оказался новаторским для своего времени, поскольку позволил восполнить имеющиеся правовые пробелы в сферах работы с отходами производства и потребления, лицензирования соответствующей деятельности, установления требований к проектированию, строительству, реконструкции, консервации и ликвидации предприятий, осуществляющих работу с отходами. Кроме того, Закон об отходах установил основные принципы экономического регулирования в области обращения с отходами и вывел на первое место вопросы экологической безопасности, которая является одной из составляющей национальной безопасности Российской Федерации [4, с. 262]. Данный период создал правовую базу, позволил закрепить обязанности хозяйствующих субъектов при работе с отходами, а также установил правовые механизмы взаимоотношения государства и субъектов рассматриваемой деятельности.

Второй период – период распространения правовых положений об отходах на транспортные средства – ознаменовался внесением поправок в Закон об отходах в 2012 году³. Согласно внесенным изменениям обязанность по уплате утилизационного сбора стала распространяться

² Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».

³ Федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 128-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» и статью 51 Бюджетного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».

¹ Госдума разберется с новыми правилами оплаты утильсбора [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pnp.ru/economics/gosduma-razberetsya-s-novymi-pravilami-oplaty-utilisbora.html> (дата обращения: 25.07.2025).

на каждое колесное транспортное средство как произведенное в Российской Федерации, так и ввезенное в страну. Поправки предусматривали исключения, а именно: обязанность по уплате утилизационного сбора не распространялась на транспортные средства, принадлежащие дипломатическим и консульским учреждениям, лицам, участвующим в реализации Госпрограммы по добровольному переселению соотечественников [5, с. 89], беженцам, а также на транспортные средства, относящиеся к категории раритетных автомобилей и ввезенные в рамках особой экономической зоны, действующей в Калининградской области.

Внесение изменений по распространению действия соответствующих положений Закона об отходах на транспортные средства совпало со снижением импортных пошлин на ввозимые в Российскую Федерацию транспортные средства. Изначально предполагалось, что отечественные производители будут обеспечивать утилизацию произведенных ими транспортных средств, а зарубежные производители должны уплачивать утилизационный сбор из-за отсутствия мощностей по утилизации на территории Российской Федерации. В последующем работа по утилизации на отечественных предприятиях была заменена субсидиями, получаемыми из средств, уплаченных в рамках утилизационного сбора. Иными словами, распространение требований Закона об отходах на транспортные средства стало своеобразной мерой по поддержанию отечественного производителя в его конкурентной борьбе с иностранными производителями транспортных средств, поставляющих более дешевые автомобили на территорию страны в рамках механизмов Всемирной торговой организации (далее – ВТО) [6, с. 641]. Второй период узаконил применение утилизационного сбора в отношении транспортных средств и стал скрытым механизмом по поддержанию отечественного производителя.

Третий период – период превращения утилизационного сбора в квазифискальный платеж (налог). В 2013 году международные концерны, обеспокоенные попытками протекционизма в отношении отечественных производителей, обратились с данным вопросом в международный суд ВТО. Под давлением международных организаций было принято решение осуществлять взимание утилизационного сбора как с ввозимых транспортных средств, так и с производимых на территории Российской Федерации. Администрированием платежей в рамках утилизационного сбора были наделены Федеральная таможенная служба (в отношении ввозимых транспортных средств) и Федеральная налоговая служба (в отношении транспортных средств, произведенных на терри-

тории страны). При этом был введен механизм субсидирования отечественного производителя за счет средств, собираемых в рамках утилизационного сбора, о котором уже упоминалось в ранее опубликованных результатах исследований на аналогичную тематику [7, с. 61].

Четвертый период связан с совершенствованием механизмов пополнения бюджета за счет утилизационного сбора, в том числе с повышением его ставки. Рассматриваемый этап берет начало в 2021 году, когда впервые была повышена ставка утилизационного сбора. В 2024 году утилизационный сбор также был проиндексирован на 70–85%, помимо этого была введена долгосрочная шкала индексации утилизационного сбора⁴. По словам А.А. Алиханова, возглавляющего Минпромторг России, повышение ставки утилизационного сбора может принести десятки миллионов рублей⁵.

Четвертый период заложил правовую основу для дальнейшего перманентного повышения тарифов утилизационного сбора в целях пополнения бюджета Российской Федерации. При этом кроме пополнения бюджета утилизационный сбор влияет на конечную стоимость транспортных средств, поскольку он увеличивает стоимость как на производимые, так и на ввозимые транспортные средства [8, с. 7].

Таким образом, проведенный ретроспективный анализ демонстрирует, что изначально вопросы утилизационного сбора в отношении транспортных средств лежали в плоскости борьбы за экологию, в последующем рассматривались исключительно с позиций протекционизма в отношении отечественных производителей транспортных средств и в конечном счете преобразовались в квазифискальный платеж, задача которого заключается в пополнении бюджета.

В настоящее время утилизационный сбор в отношении транспортных средств чрезмерно отклонился от изначально заявленных целей (при этом его применение вызывает обоснованные нарекания со стороны как экспертов, так и простых автовладельцев), в связи с этим назрела необходимость в совершенствовании данного института. Для улучшения системы утилизационного сбора в отношении транспортных средств необходимо вернуться к ранее обозначенным целям его введения, напрямую указанным в тексте Закона об отходах, а именно: «...в целях предотвращения вредного воздействия отходов производства и потребления на здоровье человека и окружающую среду, а также вовлечения таких отходов в хозяйственный оборот

⁴ Постановление Правительства России от 13 сентября 2024 г. № 1255 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».

⁵ Власти собрались довести утильсбор до 10 миллионов рублей [Электронный ресурс]. – URL: <https://lenta.ru/news/2025/09/30/desyatochka/> (дата обращения: 25.07.2025).

в качестве дополнительных источников сырья». Имеющийся «перекос» фискальной функции над функцией обеспечения экологической безопасности отмечался ранее в научной литературе [9, с. 187].

Для достижения изначально обозначенной и закрепленной в правовой норме цели следует решить следующие первостепенные задачи:

1. Создание промышленных предприятий, в том числе на базе существующих мощностей автопроизводителей на территории Российской Федерации, позволяющих обеспечить следующий цикл технических действий:

- прием на утилизацию транспортных средств;
- утилизация отходов (транспортных средств);
- вовлечение таких отходов в хозяйственный оборот в качестве дополнительных источников сырья.

2. Разработка нормативного акта – административного регламента по предоставлению государственной услуги о приеме на утилизацию транспортных средств, бывших в употреблении. В качестве субъектов реализации государственной услуги должны выступать промышленные предприятия, получившие соответствующую аккредитацию в Министерстве промышленности и торговли Российской Федерации. Контроль за реализацией соответствующей государственной услуги должно осуществлять Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии.

3. Исключение императивности в вопросах уплаты утилизационного сбора, предусматривающей при этом стимулирующие выплаты, льготы, низкие процентные ставки и т.д. при покупке нового автомобиля лицом, сдавшим свой бывший в употреблении автомобиль на утилизацию либо же уплатившим утилизационный сбор. Иными словами, сдача автомобиля на утилизацию либо уплата утилизационного сбора должна иметь равносильное правовое значение. При этом лицо, ранее уплатившее утилизационный сбор, а в последующем сдавшее транспортное средство на утилизацию, должно получить обратно уплаченные денежные средства, то есть утилизационный сбор должен носить возмездный характер. Справедливости ради следует отметить, что в настоящее время в процесс взимания утилизационного сбора заложена компенсационная функция [10, с. 13], однако она распространяется лишь на автопроизводителей, и то с большим процентом локализации производства на территории Российской Федерации. Нам же представляется возможным реализовать возмездность и в вопросах уплаты утилизационного сбора. В то же время следует интенсифицировать выработку правоприменительной практики по привлечению к административной ответственности лиц, виновных в хранении брошенного, разукomплектованного транспортного средства вне специально

отведенного для этого места. Правовую основу в решении обозначенной проблемы должно играть региональное законодательство об административных правонарушениях, устанавливая санкции с учетом актуальности проблемы в том или ином субъекте Российской Федерации. Вопросы привлечения к административной ответственности по приведенному составу довольно успешно решаются на региональном уровне, например статьей 30 Закона Санкт-Петербурга «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге», предусматривающей административную ответственность за хранение разукomплектованного транспортного средства вне специально отведенного для этого места⁶; статьей 3.31 Закона Белгородской области «Об административных правонарушениях на территории Белгородской области», определяющей административную ответственность за нарушение благоустройства территории, связанное с эксплуатацией и хранением транспортных средств⁷.

Деятельность по перемещению, хранению и утилизации также урегулирована на региональном уровне: пример – постановление Правительства Москвы от 23 сентября 2014 г. № 569-ПП «О Порядке выявления, перемещения, временного хранения и утилизации брошенных, в том числе разукomплектованных, транспортных средств в городе Москве»⁸.

Следует распространить приведенные выше нормативные правовые акты регионального значения в качестве передового опыта для иных субъектов Российской Федерации, не имеющих соответствующего правового регулирования. Реализация предложенных мер позволит нивелировать имеющиеся претензии к процедуре уплаты утилизационного сбора в отношении транспортных средств, сделав ее более транспарентной и понятной как для граждан, так и для хозяйствующих субъектов.

Таким образом, возвращение существующего вектора в подходах к государственной политике по взиманию утилизационного сбора от фискальной функции к функции предотвращения вредного воздействия отходов производства и потребления на здоровье человека позволит снизить социальную напряженность, возникшую при реализации рассматриваемого института, вернет данную

⁶ Закон Санкт-Петербурга от 31 мая 2010 г. № 273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».

⁷ Закон Белгородской области от 4 июля 2002 г. №35 «Об административных правонарушениях на территории Белгородской области» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».

⁸ Постановление Правительства Москвы от 23 сентября 2014 г. № 569-ПП «О Порядке выявления, перемещения, временного хранения и утилизации брошенных, в том числе разукomплектованных, транспортных средств в городе Москве» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».

деятельность к ее истокам и приведет ее в соответствие с фундаментальными нормативными правовыми актами. При этом вопросы пополнения бюджета могут быть решены за счет введения таможенных пошлин в отношении транспортных средств, ввозимых на территорию Российской Федерации. Иными словами, разграничение

вопросов борьбы за экологию и пополнение бюджета станет залогом совершенствования государственной деятельности по утилизации транспортных средств и снижения вредного воздействия отходов производства и потребления (бывших в употреблении транспортных средств) на здоровье человека.

Литература

1. **Мантусов В.Б., Золотницкий Ф.А.** Совершенствование администрирования утилизационного сбора в отношении колесных транспортных средств и самоходных машин, импортируемых в Российскую Федерацию // Вестник Российской таможенной академии. – 2017. – № 1. – С. 29–34.
2. **Гордиенко М.С.** Утилизационный сбор в системе фискальных неналоговых платежей Российской Федерации // Налоги и налогообложение. – 2019. – № 10. – С. 25–29.
3. **Труфанов М.Е.** Бланкетность норм административного права: учебное пособие. – Краснодар: «Краснодарский университет МВД России», 2015. – 62 с.
4. **Абравитова Ю.И., Липский Н.А., Хайрусов Д.С.** Экологическая экспертиза в системе мер обеспечения экологической безопасности // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 9 (172). – С. 261–264.
5. **Затолокин А.А.** Сравнительно-правовой анализ мер государственного реагирования на миграционную проблему в странах-реципиентах // Общество и право. – 2025. – № 1 (91). – С. 89–93.
6. **Степанова Л.В., Полухин И.В.** Утилизационный сбор как ответная мера на вступление во Всемирную торговую организацию // Решетневские чтения. – 2012. – Т. 2. – С. 641–642.
7. **Кравцова С.А., Лобанова Н.Л.** Утилизационный сбор: пополнение бюджета или обеспечение экологической безопасности? // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2019. – № 1 (35). – С. 59–64.
8. **Чириканова Е.А.** Утилизационный сбор как элемент стоимости автотранспортных средств // Автомобильная промышленность. – 2021. – № 6. – С. 7–10.
9. **Кияшко Е.Ю.** Актуальные проблемы взимания утилизационного сбора таможенными органами Российской Федерации // Вестник Российской таможенной академии. – 2024. – № 4 (69). – С. 187–196.
10. **Копина А.А.** Проблемы реализации компенсационной функции утилизационного сбора // Финансовое право. – 2017. – № 8. – С. 10–14.

References

1. **Mantusov V.B., Zolotnitskii F.A.** Sovershenstvovanie administrirovaniya utilizatsionnogo sbora v otnoshenii kolesnykh transportnykh sredstv i samokhodnykh mashin, importiruemykh v Rossiiskuyu Federatsiyu // Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii. – 2017. – № 1. – S. 29–34.
2. **Gordienko M.S.** Utilizatsionnyi sbor v sisteme fiskal'nykh nenalogovykh platezhei Rossiiskoi Federatsii // Nalogi i nalogooblozhenie. – 2019. – № 10. – S. 25–29.
3. **Trufanov M.E.** Blanketnost' norm administrativnogo prava: uchebnoe posobie. – Krasnodar: «Krasnodarskii universitet MVD Rossii», 2015. – 62 s.
4. **Abravitova Yu.I., Lipskii N.A., Khairusov D.S.** Ekologicheskaya ekspertiza v sisteme mer obespecheniya ekologicheskoi bezopasnosti // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. – 2022. – № 9 (172). – S. 261–264.
5. **Zatolokin A.A.** Sravnitel'no-pravovoi analiz mer gosudarstvennogo reagirovaniya na migratsionnyu problemu v stranakh-retsipientakh // Obshchestvo i pravo. – 2025. – № 1 (91). – S. 89–93.
6. **Stepanova L.V., Polukhin I.V.** Utilizatsionnyi sbor kak otvetnaya mera na vstuplenie vo Vsemirnyuyu torgovuyu organizatsiyu // Reshetnevskie chteniya. – 2012. – T. 2. – S. 641–642.
7. **Kravtsova S.A., Lobanova N.L.** Utilizatsionnyi sbor: popolnenie byudzheta ili obespechenie ekologicheskoi bezopasnosti? // Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri. – 2019. – № 1 (35). – S. 59–64.
8. **Chirikanova E.A.** Utilizatsionnyi sbor kak element stoimosti avtotransportnykh sredstv // Avtomobil'naya promyshlennost'. – 2021. – № 6. – S. 7–10.
9. **Kiyashko E.Yu.** Aktual'nye problemy vzimaniya utilizatsionnogo sbora tamozhennymi organami Rossiiskoi Federatsii // Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii. – 2024. – № 4 (69). – S. 187–196.
10. **Kopina A.A.** Problemy realizatsii kompensatsionnoi funktsii utilizatsionnogo sbora // Finansovoe pravo. – 2017. – № 8. – S. 10–14.

**ПОРЯДОК ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ,
ЗАФИКСИРОВАННЫЕ В АВТОМАТИЧЕСКОМ РЕЖИМЕ****THE PROCEDURE FOR BRINGING TO ADMINISTRATIVE
RESPONSIBILITY FOR OFFENSES RECORDED IN AUTOMATIC MODE**

УДК 340.132.1

А.В. КАРАГОДИН,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
karagodin@mail.ru

ALEKSANDR V. KARAGODIN,

Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Е.А. ПЕРЕВЕРЗЕВ,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
pereverzevea1976@gmail.com

EVGENII A. PEREVERZEV,

Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в статье рассматриваются отдельные аспекты порядка и условий использования полученных в результате фиксации специальными техническими средствами в автоматическом режиме материалов нарушений в сфере дорожного движения для привлечения к ответственности виновных лиц.

Отмечается, что нормами действующего законодательства закрепляется упрощенный порядок производства по делам об административных правонарушениях данной категории в случае фиксации нарушений Правил дорожного движения техническими средствами, работающими в автоматическом режиме. Несмотря на установленный порядок производства по делам данной категории, должностное лицо, в чьем производстве находится дело, должно следовать нормам законодательства об административных правонарушениях, требующим всестороннего, полного, объективного и своевременного выяснения всех обстоятельств дела и справедливого решения по нему.

Ввиду этого авторы считают, что ограниченность материалов, на основании которых выносится постановление, требует от должностного лица проверки информации, содержащейся в поступивших материалах, на предмет соответствия государственного регистрационного знака марке автомобиля, фотоизображение которого представлено, информирования владельца данного средства о выявленном правонарушении с его участием, установления того, кто управлял им в момент фото- и видеозаписи.

Анализ складывающейся на сегодняшний день практики привлечения к ответственности, когда в основу положены результаты автоматической фиксации правонарушений в рассматриваемой области общественных отношений, позволил авторам прийти к выводу о необходимости детальной регламентации действий должностных лиц по их проверке с точки зрения объективности и достаточности для вынесения постановления по делу.

Ключевые слова: транспортное средство, технические средства, видеофиксация, автоматический режим, правонарушение.

Для цитирования: Карагодин А.В., Переверзев Е.А. Порядок привлечения к административной ответственности за правонарушения, зафиксированные в автоматическом режиме // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 4. – С. 26–31.

Abstract: the article examines certain aspects of the procedure and conditions for the use of materials obtained as a result of automatic recording of traffic violations by special technical means in order to bring the perpetrators to justice.

It is noted that the norms of the current legislation establish a simplified procedure for proceedings

in cases of administrative offenses of this category, in the case of violations of traffic rules by technical means operating in automatic mode. Despite the established procedure for proceedings in cases of this category, the official in charge of the case must follow the norms of legislation on administrative offenses, requiring a comprehensive, complete, objective and timely clarification of all the circumstances of the case and a fair decision on it.

In this regard, the authors believe that the limited materials on the basis of which the decision is being made require an official to verify the information contained in the received materials for compliance of the state registration plate with the make of the car, the photographic image of which is presented, inform the owner of this vehicle about the detected offense with his participation, establish who was driving it at the time photos and videos.

An analysis of the current practice of bringing to justice, based on the results of automatic recording of offenses in the field of public relations under consideration, allowed the authors to conclude that it is necessary to regulate in detail the actions of officials to verify them from the point of view of objectivity and sufficiency for making a decision on the case.

Keywords: vehicle, technical means, video recording, automatic mode, offense.

For citation: Karagodin A.V., Pereverzev E.A. The procedure for bringing to administrative responsibility for offenses recorded in automatic mode // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 4. – P. 26–31.

Обращаясь к вопросу порядка привлечения к административной ответственности за правонарушения, зафиксированные в автоматическом режиме, прежде всего необходимо отметить, что с каждым годом наблюдается рост количества правонарушений в сфере дорожного движения, выявляемых с использованием технических средств. Так, всего за 2024 год было вынесено более 255 млн постановлений по делам об административных правонарушениях за нарушение Правил дорожного движения, причем 93% из них были оформлены автоматически с помощью дорожных камер¹.

Как справедливо отмечают С.Н. Антонов и В.В. Кузин, грамотное использование работающих в автоматическом режиме средств фото-видеофиксации соответствующих нарушений, наряду с другими направлениями повышения дорожно-транспортной дисциплины, является одним из наиболее перспективных и, безусловно, способствует предупреждению совершения (особенно систематического) административных деликтов в области дорожного движения [1].

При этом также следует согласиться с А.Д. Дымберовым, который подчеркивает, что применение технических средств автоматической фиксации правонарушений создает реальные возможности снижения уровня латентности правонарушений, обеспечения реализации принципа неотвратимости наказания, исключения элементов субъективизма при выявлении правонарушений, сокращения числа конфликтных ситуаций, возникающих между сотрудниками Госавтоинспекции и водителями, соблюдения

прав и законных интересов участников дорожного движения [2].

Фиксация административного правонарушения работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи, как это предусмотрено п. 4 ч. 1 ст. 28.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), выступает в качестве одного из поводов к возбуждению дела об административном правонарушении.

При этом обязательным условием использования результатов данной фиксации в качестве такого повода является то, что специальные технические средства должны иметь свидетельства о прохождении поверки и соответствовать требованиям законодательства, предъявляемым к специальным техническим средствам.

Напомним, что под автоматическим режимом понимается работа соответствующего технического средства без какого-либо непосредственного воздействия на него человека, когда такое средство размещено в установленном порядке в стационарном положении либо на движущемся по утвержденному маршруту транспортном средстве и осуществляет фиксацию в зоне своего обзора всех административных правонарушений, для выявления которых оно предназначено, независимо от усмотрения того или иного².

В качестве субъекта, привлекаемого к ответственности за совершенные с использованием транспортных средств правонарушения, выяв-

¹ ГИБДД в 2024 году возбудила более 255 млн дел о нарушениях ПДД [Электронный ресурс]. – URL: // <https://www.kommersant.ru/doc/7514030> (дата обращения: 05.05.2025).

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации от 2019 г. № 9 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vsrfru/files/28293/>

ленные в рассматриваемой сфере с использованием функционирующих в автоматическом режиме технических средств, выступают, как закрепил законодатель, собственники (владельцы) данных транспортных средств (ч. 1 ст. 2.6.1 КоАП РФ).

Содержание принципа презумпции невиновности говорит о том, что привлекаемое лицо не обязано доказывать свою невиновность, это является значимым условием реализации административной ответственности. При этом из данного правила законодательством об административных правонарушениях предусмотрено исключение, согласно которому, если правонарушение выявлено с использованием технических средств, функционирующих в автоматическом режиме, в том числе и в рассматриваемой сфере, лицо, привлекаемое к ответственности (в нашем случае владелец либо собственник транспортного средства), должно доказать свою невиновность (примечание к ст. 1.5 КоАП РФ).

В административно-правовой практике Российской Федерации автоматизированная фиксация правонарушений начала применяться с 1 июля 2008 г. Это событие повлекло радикальные для своего времени законодательные перемены, связанные с внесением изменений в традиционный для правовой системы России принцип презумпции невиновности [3].

На основании поступившей видеoinформации, которая относится согласно ст. 26.7 КоАП РФ к документам, уполномоченное должностное лицо не составляет протокол об административном правонарушении в отношении собственника (владельца) транспортного средства, ставшего предметом административного правонарушения, а сразу выносит постановление по делу без его вызова.

Таким образом, результаты автоматической фиксации техническими средствами правонарушений в рассматриваемой сфере общественных отношений либо подтвержденная информация, поступившая от собственника либо владельца транспортного средства, о том, что в момент фиксации административного правонарушения транспортное средство находилось во владении или в пользовании другого лица, будут являться основанием для рассмотрения дела об административном правонарушении в упрощенном порядке (ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ). Для рассмотрения дела в таком порядке необходимо, чтобы административное правонарушение было совершено с использованием транспортного средства, которое должно быть зарегистрировано в установленном порядке в Госавтоинспекции, то есть иметь государственный регистрационный знак. Также требуется, чтобы правонарушение было

закреплено специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме.

Как известно, процесс реализации административной ответственности начинается с выяснения вопроса о том, было ли совершено административное правонарушение [4]. Применительно к предмету рассмотрения ответом на указанный выше вопрос является информация, содержащаяся в поступившем видеоматериале, включающая сведения об административном правонарушении (место, время его совершения), а также о событии административного правонарушения, то есть о противоправном деянии (например, нарушение правил применения ремней безопасности и иные).

Представляется, что при вынесении постановления по делу должностному лицу необходимо оценивать, являются ли содержащиеся в поступившей видеoinформации (которая, как мы отметили, относится согласно КоАП РФ к документам) данные достаточными для его вынесения. При этом следует подчеркнуть, что при рассмотрении и разрешении дел об административных правонарушениях в области дорожного движения в случае их фиксации работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами должностные лица не освобождаются от соблюдения требований ст. 24.1; 26.11 и других статей КоАП РФ, предусматривающих обеспечение всестороннего, полного, объективного и своевременного выяснения всех обстоятельств и справедливого разрешения дел об административных правонарушениях³.

Согласно требованиям, закрепленным в ст. 26.1 КоАП РФ, установив наличие события административного правонарушения, правоприменитель должен определить лицо, совершившее противоправное деяние, его виновность в этом, смягчающие и отягчающие вину обстоятельства, исключающие производство по делу, иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, а также причины и условия совершения административного правонарушения.

В нашем случае законодатель закрепил, что собственник (владелец) транспортного средства, реализуя право на обжалование вынесенного в отношении него постановления по делу об административном правонарушении, вправе представить доказательства своей невиновности и может быть освобожден от административной ответственности, если в ходе рассмотрения

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2010 г. № 1621-О-О (документ опубликован не был) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

жалобы на постановление по делу об административном правонарушении будут подтверждены данные о том, что в момент фиксации административного правонарушения транспортное средство находилось во владении или в пользовании другого лица либо к данному моменту выбыло из его обладания в результате противоправных действий других лиц (ч. 2 ст. 2.6.1 КоАП РФ).

Существенным моментом, по нашему мнению, является то, что на этапе вынесения постановления по делу юрисдикционный орган, по сути, не устанавливает лицо, совершившее правонарушение, и его виновность, а собственник транспортного средства фактически лишается возможности доказать свою невиновность и может это сделать только на стадии обжалования вынесенного по делу постановления. В этой связи, как представляется, возникают некоторые противоречия в части соответствия общему порядку привлечения к административной ответственности (в нашем случае собственника транспортного средства).

Практика показывает, что в настоящее время достаточно часто предметом обжалования в суде выступают постановления по делам об административных правонарушениях, зафиксированных в автоматическом режиме, вынесенных в порядке ст. 28.6 КоАП РФ, то есть в отсутствие лица, привлекаемого к административной ответственности, и без составления протокола об административном правонарушении. Другими словами, установить лицо, совершившее правонарушение, его виновность, если оно не является собственником транспортного средства, возможно только после рассмотрения жалобы собственника транспортного средства на вынесенное в отношении него в особом порядке постановление по делу об административном правонарушении и его отмены.

Согласно п. 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» в случае несогласия с вынесенным в отношении собственника (владельца) транспортного средства постановлением о назначении административного наказания за правонарушение, выявленное и зафиксированное работающими в автоматическом режиме техническими средствами, при реализации своего права на обжалование данного постановления он освобождается от административной ответственности при условии, что в ходе рассмотрения жалобы будут подтверждены содержащиеся в ней данные о том, что в момент фиксации административного правонарушения транспортное средство нахо-

дилось во владении или в пользовании другого лица либо к данному моменту выбыло из его обладания в результате противоправных действий других лиц (ч. 2 ст. 2.6.1, примечание к ст. 1.5 КоАП РФ). Собственник обязан представить доказательство своей невиновности⁴.

Применительно к рассматриваемым правонарушениям для привлечения к административной ответственности законодатель, по сути дела, допускает установление только наличия события административного правонарушения, что с учетом положений, определяющих задачи, порядок и условия производства по делу об административном правонарушении, представляется неверным. По нашему мнению, ограниченность материалов, лежащих в основе вынесенного постановления, требует от должностного лица проверки информации, содержащейся в поступивших материалах, по имеющимся базам данных на предмет соответствия государственного регистрационного знака марке транспортного средства, фотоизображение которого зафиксировано в видеоматериалах, уведомления собственника данного транспортного средства [5] о зафиксированном противоправном деянии с участием принадлежащего ему транспортного средства, принятия мер к установлению лица, управлявшего транспортным средством в момент его фиксации.

Подобное уведомление позволит собственнику транспортного средства еще на начальном этапе производства по делу об административном правонарушении реализовать право о доказательстве своей невиновности и тем самым исключит нарушение его права на защиту. Кроме того, если собственником транспортного средства, с участием которого зафиксировано правонарушение, окажется субъект, не подлежащий административной ответственности (прокурор, судья), его уведомление позволит исключить производство по делу. Это будет возможно при получении соответствующего уведомления и сообщения в кратчайшие сроки, которые должны быть предусмотрены действующим законодательством, о своем особом правовом статусе должностному лицу, к которому поступили на рассмотрение материалы о зафиксированном правонарушении.

С учетом отмеченного также необходимо обратить внимание на то, что перечень обязанностей должностных лиц при поступлении к ним результатов эксплуатации комплексов автоматической фиксации правонарушений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения и последующей их проверке отсутствует. В связи с

⁴ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации от 2019 № 9 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vsrif.ru/files/28293/>

этим следует регламентировать порядок проверки объективности и достаточности поступающих материалов, полученных в результате эксплуатации комплексов автоматической фиксации правонарушений, предусмотрев при этом алгоритм действий соответствующих должностных лиц [6].

Задача сотрудника Госавтоинспекции, обрабатывающего результаты применения комплексов автоматической фиксации правонарушений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, должна заключаться в проверке информации, содержащейся в поступившем видеоматериале, включающей все необходимые сведения об административном правонарушении, в частности:

- об определении правильности государственного регистрационного знака транспортного средства, его принадлежности зафиксированному транспортному средству;
- об уведомлении собственника транспортного средства о зафиксированном противоправном деянии с участием принадлежащего ему автомобиля;
- о принятии мер к установлению лица, управлявшего транспортным средством в момент фиксации правонарушения, и иных обстоятельств,

имеющих значение для правильного разрешения дела.

Все отмеченное, безусловно, потребует определенных затрат, прежде всего временных, усложнит производство по рассматриваемым правонарушениям, но при этом будет соответствовать целям и задачам такого производства, определенным законодателем, не будет допускать ущемления прав участников данного процесса, тем самым снизит количество пересмотров дел этой категории.

В целом усложнение процедуры привлечения к ответственности за рассматриваемые правонарушения, зафиксированные в автоматическом режиме, свидетельствует о необходимости уточнения соответствующих норм законодательства об административных правонарушениях, закрепляющих порядок и условия производства по делам об административных правонарушениях за нарушение Правил дорожного движения, зафиксированных данным образом, сроки давности привлечения к административной ответственности за них, правила их исчисления.

Литература

1. Антонов С.Н., Кузин В.В. Ответственность за систематическое совершение административных правонарушений в области дорожного движения: история, проблемы, перспективы // Административное право и процесс. – 2012. – № 9. – С. 26–31.
2. Дымберов А.Д. Административно-правовые аспекты организации деятельности по использованию специальных технических средств автоматической фиксации правонарушений при надзоре за дорожным движением // Административное право и процесс. – 2018. – № 1. – С. 45–48.
3. Калюжный Ю.Н. Отдельные вопросы судебной практики оценки судом доказательств в случае фиксации административного правонарушения в области дорожного движения техническими приборами, работающими в автоматическом режиме // Администратор суда. – 2018. – № 3. – С. 32–35.
4. Дизер О.А. Административная ответственность за совершение правонарушений, связанных с потреблением наркотических средств или психотропных веществ // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2013. – № 3 (54). – С. 32–35.
5. Лизунов А.С., Харитонов А.О., Красавин Н.Н. Отдельные аспекты привлечения к административной ответственности лиц за совершение правонарушений, зафиксированных с использованием средств фото-, видеофиксации, работающих в автоматическом режиме // Адвокатская практика. – 2023. – № 4. – С. 51–55.
6. Головки В.В., Исаев М.М. Проблемы и перспективы использования цифровых технологий при фиксации административных правонарушений в области дорожного движения // Безопасность дорожного движения. – 2023. – № 2. – С. 27–33.
7. Климович Е.В. О критериях применимости автоматической фиксации к административным правонарушениям в области дорожного движения // Вестник Омской юридической академии. – 2017. – № 4. – С. 60–64.
8. Паньшин Д.Л. Некоторые аспекты совершенствования правоприменительной деятельности ГИБДД МВД России при фиксации административных правонарушений техническими средствами фото-, киносъемки и видеозаписи // Административное и муниципальное право. – 2013. – № 11. – С. 1032–1035.
9. Калюжный Ю.Н. Основные законодательные инициативы, связанные с фиксацией административных правонарушений в области дорожного движения техническими средствами // Российская юстиция. – 2019. – № 4. – С. 67–70.
10. Лексашов С.Э. Автоматизация процесса фиксации правонарушений в области таможенного дела в зарубежных странах // Административное право и процесс. – 2024. – № 1. – С. 57–60.
11. Головки В.В., Бекмурзинова К.К. Применение цифровых технологий в процессе доказывания по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения в Российской Федерации и других странах – участниках Содружества Независимых Государств // Безопасность дорожного движения. – 2025. – № 1. – С. 37–41.

References

1. Antonov S.N., Kuzin V.V. *Responsibility for systematic commission of administrative offenses in the field of road traffic: history, problems, perspectives* // *Administrative law and process*. – 2012. – No 9. – S. 26–31.
2. Dymberov A.D. *Administrative-law aspects of organization of activity on use of special technical means of automatic fixation of offenses at supervision of road traffic* // *Administrative law and process*. – 2018. – No 1. – S. 45–48.

3. **Kalyuzhnyi Yu.N.** Otdel'nye voprosy sudebnoi praktiki otsenki sudom dokazatel'stv v sluchae fiksatsii administrativnogo pravonarusheniya v oblasti dorozhnogo dvizheniya tekhnicheskimi priborami, rabotayushchimi v avtomaticheskom rezhime // Administrator suda. – 2018. – № 3. – S. 32–35.
4. **Dizer O.A.** Administrativnaya otvetstvennost' za sovershenie pravonarushenij, svyazannykh s potrebleniem narkoticheskikh sredstv ili psikhotropnykh veshchestv // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 2013. – № 3 (54). – S. 32–35.
5. **Lizunov A.S., Kharitonov A.O., Krasavin N.N.** Otdel'nye aspekty privlecheniya k administrativnoi otvetstvennosti lits za sovershenie pravonarushenii, zafiksirovannykh s ispol'zovaniem sredstv foto-, videofiksatsii, rabotayushchikh v avtomaticheskom rezhime // Advokatskaya praktika. – 2023. – № 4. – S. 51–55.
6. **Golovko V.V., Isaev M.M.** Problemy i perspektivy ispol'zovaniya tsifrovyykh tekhnologii pri fiksatsii administrativnykh pravonarushenii v oblasti dorozhnogo dvizheniya // Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya. – 2023. – № 2. – S. 27–33.
7. **Klimovich E.V.** O kriteriyakh primenimosti avtomaticheskoi fiksatsii k administrativnym pravonarusheniyam v oblasti dorozhnogo dvizheniya // Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii. – 2017. – № 4. – S. 60–64.
8. **Pan'shin D.L.** Nekotorye aspekty sovershenstvovaniya pravoprimenitel'noi deyatel'nosti GIBDD MVD Rossii pri fiksatsii administrativnykh pravonarushenii tekhnicheskimi sredstvami foto-, kinos»emki i videozapisi // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. – 2013. – № 11. – S. 1032–1035.
9. **Kalyuzhnyi Yu.N.** Osnovnye zakonodatel'nye initsiativy, svyazannye s fiksatsiei administrativnykh pravonarushenii v oblasti dorozhnogo dvizheniya tekhnicheskimi sredstvami // Rossiiskaya yustitsiya. – 2019. – № 4. – S. 67–70.
10. **Leksashov S.E.** Avtomatizatsiya protsessa fiksirovaniya pravonarushenii v oblasti tamozhennogo dela v zarubezhnykh stranakh // Administrativnoe pravo i protsess. – 2024. – № 1. – S. 57–60.
11. **Golovko V.V., Bekmurzinova K.K.** Primenenie tsifrovyykh tekhnologii v protsesse dokazyvaniya po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh v oblasti dorozhnogo dvizheniya v Rossiiskoi Federatsii i drugikh stranakh – uchastnikakh Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv // Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya. – 2025. – № 1. – S. 37–41.

(статья сдана в редакцию 27.05.2025)

**КРИОСОХРАНЕНИЕ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА ПОСЛЕ СМЕРТИ:
ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ****CRYOPRESERVATION OF THE HUMAN BODY AFTER DEATH:
LEGAL AND ETHICAL ISSUES**

УДК 342.721

Е.В. МИРОШНИКОВ,кандидат экономических наук
(Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Россия, Белгород)
miroshnikov@bsuedu.ru**EVGENY V. MIROSHNIKOV,**Candidate of Economic Sciences
(Belgorod State National Research University,
Russia, Belgorod)**Н.С. САМОФАЛОВА**(Белгородский областной суд,
Россия, Белгород)
samofalovanatalya@yandex.ru**NATAL'YA S. SAMOFALOVA**(Belgorod Regional Court,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в статье рассматриваются научные, технологические, правовые и этические аспекты криосохранения человеческого тела после смерти. Быстрое развитие биотехнологий и появление инновационных методов замораживания тела с перспективой его возможного оживления ставят под сомнение традиционные подходы к распоряжению телом, основанные на установленных формах погребения, и выявляют существенные правовые пробелы, требующие совершенствования правового регулирования в указанной области. В настоящее время законодательство большинства стран, включая Россию, не учитывает специфику крионики, что приводит к правовым пробелам и неопределенности статуса тела в состоянии криоконсервации. В то же время зарубежный опыт демонстрирует наличие ряда механизмов защиты посмертных прав, что позволяет рассматривать возможность адаптации подобных решений в отечественной правовой системе. Особое внимание уделено биоэтическим проблемам, связанным с добровольностью принятия решения о криосохранении, возможностью реализации посмертных прав человека, а также справедливостью доступа к данной технологии. Авторы подчеркивают необходимость дополнения действующего законодательства с признанием криосохранения видом погребения, а равно и способом распоряжения телом человека после смерти, разработки четких критериев безопасного применения криогенных технологий и принятия федерального закона, который бы обеспечивал защиту интересов граждан и регулировал вопросы юридического статуса тела, находящегося в состоянии криоконсервации. Такой междисциплинарный подход способствует формированию нового понимания понятий жизни, смерти и посмертных прав человека, открывая перспективы для дальнейшего развития крионики как научной и практической области человеческой деятельности.

Ключевые слова: распоряжение телом человека после смерти, криосохранение, крионика, посмертные права человека, погребение, биоэтика.

Для цитирования: Мирошников Е.В., Самофалова Н.С. Криосохранение тела человека после смерти: правовые и этические проблемы // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 4. – С. 32–38.

Abstract: the article examines the scientific, technological, legal, and ethical aspects of human body cryopreservation after death. The rapid development of biotechnology and the emergence of innovative methods for freezing the body with the prospect of its possible revival challenge traditional approaches to body disposition based on established burial practices and reveal significant legal gaps that require improvements in regulatory frameworks. Currently, the legislation of most countries, including Russia, does not consider the specifics of cryonics, leading to legal ambiguities and uncertainty regarding the status of a body in cryopreservation. At the same time, international experience demonstrates the existence of various

mechanisms for protecting posthumous rights, suggesting the possibility of adapting such solutions within the domestic legal system. Special attention is given to bioethical issues related to the voluntary decision-making process for cryopreservation, the feasibility of implementing posthumous human rights, and the fairness of access to this technology. The authors emphasize the necessity of supplementing existing legislation by recognizing cryopreservation as a burial method and a form of body disposition after death, developing clear criteria for the safe application of cryogenic technologies, and adopting a federal law that would protect citizens' interests and regulate the legal status of a body in cryopreservation. Such an interdisciplinary approach contributes to the formation of a new understanding of life, death, and posthumous human rights, opening prospects for the further development of cryonics as a scientific and practical field of human activity.

Keywords: disposition of the human body after death, cryopreservation, cryonics, posthumous human rights, burial, bioethics.

For citation: Miroshnikov E.V., Samofalova N.S. Cryopreservation of the human body after death: legal and ethical issues // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 4. – P. 32–38.

Актуальность заявленной темы исследования обусловлена рядом факторов. Криосохранение человека после смерти представляет собой направление, в котором научные, технологические, правовые и этические вопросы переплетаются в единую проблематику, требующую комплексного изучения и решения. В условиях стремительного развития биотехнологий и появления инновационных методов, позволяющих замораживать тело с целью последующего возможного восстановления жизнедеятельности, возникает необходимость переосмысления традиционных подходов к распоряжению телом после смерти. Традиционное законодательство, основанное на установленных формах погребения, не учитывает специфику крионики, что создает правовые пробелы и неопределенность, способные затормозить развитие данной области науки.

Отметим, что крионика как направление медицины развивается начиная со второй половины XX века. Первым криопациентом в 1966 году стал американский профессор психологии Джеймс Бедфорд [1, с. 4].

На сегодняшний день наблюдается рост интереса к вопросам, связанным с посмертными правами человека [2; 3; 4]. Во многом это обусловлено развитием технологий и потенциальным ростом спектра возможностей для вмешательства в посмертное существование человека. Возможность криозаморозки человека после смерти ставит перед обществом и государством проблемы биоэтического и правового характера, начиная с вопроса о том, должны ли охраняться права человека после его смерти и если должны, то каким образом.

Исследователи отмечают, что существующие нормы законодательства, регулирующие вопросы захоронения, требуют дополнения

новыми положениями, которые бы признали криосохранение равноправным видом распоряжения телом, а также обеспечили бы защиту посмертных прав граждан. При этом особое внимание уделяется необходимости согласования интересов государства, научного сообщества и частных лиц, поскольку процедура криосохранения затрагивает не только технические аспекты глубокой заморозки, но и вопросы биосовместимости, безопасности хранения, лицензирования специализированных учреждений, а также соблюдения биоэтических норм, связанных с волеизъявлением граждан относительно своего тела после смерти.

Зарубежный опыт предоставляет ценные сведения в области правового регулирования интересов умершего для анализа и последующей адаптации в отечественном законодательстве. В ряде стран существуют отдельные механизмы защиты прав умерших лиц: четко установленные процедуры по отношению к телу человека после его смерти, наличие этических правил научного использования останков, а также управление цифровыми данными покойных. Практика зарубежных стран демонстрирует, что в некоторых юрисдикциях вопросы крионики решаются на региональном уровне, где особое внимание уделяется прозрачности предоставляемых услуг, информированному согласию клиентов и соблюдению медицинских стандартов, что может служить примером для адаптации в отечественной правовой системе.

Комплексное рассмотрение заявленной проблемы позволит разработать предложения по внесению изменений в существующее законодательство, определить критерии безопасного применения криогенных технологий и обеспечить защиту интересов граждан, выражающих желание сохранить свое тело для возможного

будущего восстановления жизнедеятельности. Такой междисциплинарный подход не только стимулирует развитие крионики как научной и практической области, но и способствует формированию нового понимания посмертных прав человека, открывая перспективы для переосмысления традиционных представлений о жизни, смерти и юридическом статусе человека после смерти.

На сегодняшний день у покойного человека есть всего одно право относительно своего тела после смерти – право распорядиться им. Такое распоряжение должно быть сформулировано им еще при жизни. Согласно ст. 3 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» (далее ФЗ «О погребении и похоронном деле») погребение может осуществляться путем предания останков земле (захоронение в могилу, склеп), огню (кремация с последующим захоронением урны с прахом) и воде (захоронение в воду)¹.

Е.В. Мирошников и О.Ю. Орловская указывали, что «особенно актуальной проблема недостаточной регламентации криозаморозки становится ввиду того, что на данный момент в России уже существует научно-исследовательская организация «КриоРус», предоставляющая подобную услугу на коммерческой основе» [5, с. 225]. Согласно данным, опубликованным на официальном сайте компании, суть криозаморозки сводится к следующему: еще при жизни будущей «клиент» компании заключает с ней договор на посмертное криосохранение. После того как человек умирает, по данному договору его тело охлаждают до определенной температуры, затем помещают в контейнер с жидким азотом, где тело будет находиться до тех пор, пока человечество не разработает и внедрит технологию, которая позволит разморозить и вновь оживить человека².

Согласно действующему российскому законодательству человек утрачивает все свои имущественные и иные права со своей смертью, чем и обусловлено существование процедуры наследования. Вместе с тем следует признать, что развитие технологии криосохранения тела хотя и теоретически, но подразумевает, что носитель прижизненных прав все еще продолжает ими обладать и возможно когда-нибудь

сможет ими воспользоваться вновь. Как отмечает Е.К. Соколова, это обуславливает наличие некой правовой неурегулированности прав покойного, особенно в сфере имущественных отношений, а также не совсем ясного статуса местонахождения его тела [6, с. 223]. Полагаем, что криостат (дьюар), в котором хранится тело в период криосохранения, должен рассматриваться как место захоронения тела, так как согласно официальному договору, заключаемому с компанией «КриоРус», криосохранение возможно только после юридической регистрации смерти лица.

Другими словами, заморозке подвергается уже мертвое тело, которое и с медицинской, и с юридической точки зрения признано таковым. Следовательно, представляется возможным согласиться с Е.В. Мирошниковым и О.Ю. Орловской, которые предлагают «дополнить ст. 3 ФЗ «О погребении и похоронном деле» новым видом погребения, а криостат признать местом погребения и закрепить этот факт в ч. 1 ст. 4 того же закона. Представляется возможным предположить, что... дополнение в действующем законодательстве позволит уточнить содержание данной услуги в правовом поле, а также установить ясные правила и требования для организации и проведения криосохранения» [5, с. 226].

Кроме того, как справедливо отмечает Д.А. Матанцев, также «возникает вопрос о правовом режиме тела криопациента. Хотя сама идея крионики исходит из того, что биологические процессы в тканях умершего лица в результате данных технологий находятся в стадии анабиоза, биологическая смерть снимает вопрос возможной правосубъектности такого лица. Поэтому можно рассуждать о теле криопациента лишь как об объекте права. Если распространять на него положения об органах и тканях, можно говорить о специфических вещах как об объектах гражданских прав. Но признание за телом правового режима вещи неизбежно порождает другой вопрос – кому принадлежит данная вещь?» [7, с. 512].

В Российской Федерации в настоящее время правовой основой крионики являются два федеральных закона. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»³ предусматривает возможность использования тела, органов и тканей умершего человека для медицинских, научных и учебных целей. При этом необходимо отметить, что криоконсервация не является

¹ Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 146.

² Есть ли права у человека после смерти, обсудили молодые ученые. Санкт-Петербургский государственный университет [Электронный ресурс]. – URL: <https://spbu.ru/news-events/novosti/est-li-prava-u-cheloveka-posle-smerti-obsudili-molodye-uchenye> (дата обращения: 22.01.2025).

³ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

медицинской услугой, а относится к сфере научной деятельности, которая, в свою очередь, регулируется Федеральным законом от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»⁴, предоставляющим право организациям «заниматься научными исследованиями и экспериментами, в том числе в области крионики» [8].

Таким образом, возможность криосохранения тела человека порождает многообразие квалификаций данного процесса и его результата с правовой точки зрения. Так, криосохранение можно рассматривать одновременно как один из видов погребения (пусть и не закрепленный в настоящее время в законодательстве), как способ сохранения тела, а также как способ распоряжения телом человека после смерти. Кроме того, в связи с криосохранением актуализируется проблема признания и защиты посмертных прав человека.

Говоря об этической составляющей криосохранения тела человека после смерти, необходимо также отметить наличие ряда нерешенных вопросов. Биоэтические проблемы криосохранения тела человека после смерти связаны с уважением к воле и достоинству личности. В первую очередь возникает вопрос об осознанном согласии: решение о криосохранении должно приниматься добровольно при жизни, поскольку процесс предполагает длительное хранение тела без гарантии будущей реанимации. Кроме того, криосохранение ставит под сомнение традиционное понимание смерти, что может вести к размыванию границ между жизнью и смертью и превращению естественного процесса ухода из жизни в коммерческий продукт. Важным аспектом является и справедливость доступа к данной технологии, поскольку ее высокая стоимость может ограничивать возможность использования только для «избранных». Также остаются открытыми вопросы конфиденциальности и возможного несанкционированного использования биологического материала в научных или коммерческих целях. Все указанные проблемы, на наш взгляд, также требуют дальнейшего всестороннего обсуждения и разработки четких этических норм, способных обеспечить защиту прав и интересов всех участников процесса криосохранения.

В отношении зарубежного опыта криосохранения как способа распоряжения телом человека после смерти отметим, что кроме России фактическая возможность криосохранения тела

предусмотрена в двух странах – США и Китае. В целом оказание услуг по криосохранению в зарубежных государствах законодательно не запрещено, за исключением канадской провинции Британская Колумбия, где оказание соответствующих услуг запрещается, но при этом возможно заключать договоры на их оказание за пределами провинции, а также вывозить за ее пределы криопациентов [9, с. 33].

В США крионика не регулируется на федеральном уровне, однако в некоторых штатах, где практикуется такая процедура, существуют собственные нормативные правовые акты, затрагивающие отдельные аспекты криосохранения. Например, в штате Аризона размещено одно из крупнейших крионических учреждений в мире – Alcor Life Extension Foundation [10, с. 113]. Отдельных нормативных правовых актов, регламентирующих права умерших после криосохранения, в штате нет, однако законодательство Аризоны требует, чтобы компания в своей деятельности руководствовалась законами, регламентирующими медицинскую деятельность и деятельность моргов. В штате Мичиган также разрешена крионика, там расположен институт крионики (Cryonics Institute)⁵. Законодательство штата устанавливает, что крионические компании должны четко объяснять свои услуги и риски клиентам, а также соблюдать нормы, связанные с захоронением, однако при этом правовые акты штата не содержат ответа на вопросы, какими правами обладает умерший и какие из них он может реализовать после своей смерти [11, с. 48].

В Китае криогенной заморозкой тел умерших занимается компания Yinfeng Biological Group. При этом отдельных нормативных правовых актов, которые регулировали бы данный процесс, также нет⁶. На сегодняшний день компания руководствуется медицинскими критериями и стандартами, установленными Министерством здравоохранения КНР. При этом интересен тот факт, что в Китае криозаморозка также рассматривается не как способ погребения, а именно как способ сохранения тела после смерти. При этом вопросы относительно прав умершего после смерти и правового статуса тела покойного в состоянии криоконсервации остаются открытыми и неурегулированными законодательно.

⁵ Заморозь меня после смерти: правовые аспекты крионики [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.ru/story/220936/?ysclid=m3xdwzz6w2208278296> (дата обращения: 25.01.2025).

⁶ В Китае проведена первая процедура криогенной заморозки: простым языком о науке, природных явлениях и технологических достижениях [Электронный ресурс]. – URL: https://news.rambler.ru/other/37714331/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 25.01.2025).

⁴ Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 35. – Ст. 4137.

В Великобритании также отсутствуют отдельные нормативные правовые акты, регламентирующие права человека после смерти. Здесь имел место весьма любопытный прецедент, когда 14-летняя девочка добилась через суд права на заморозку своего тела после смерти. Подробности дела, а также имя девочки не разглашались, так как дело было связано с несовершеннолетней, однако судебный процесс широко освещался в СМИ.

Так, подросток, чьи данные в СМИ обозначались как J.S., болела редкой формой рака. Она выразила желание быть подвергнутой криосохранению после смерти, однако мнения ее родителей разделились: если мать поддерживала дочь, то отец был категорически против. Это породило юридический конфликт, который рассматривался Высоким судом Англии (His Majesty's High Court of Justice in England). В результате требования девочки были удовлетворены в полном объеме. Вскоре после вынесения решения суда она скончалась, а ее тело было направлено в США в штат Аризона, где и подверглось криосохранению. Это решение суда стало одним из наиболее резонансных в стране, поддерживав право человека на выбор крионики как способа распоряжения своим телом после смерти, несмотря на существующие юридические и этические проблемы. Судья особо отметил уникальность и трагичность обстоятельств дела, подчеркнув, что данное решение не может считаться общим прецедентом для будущих дел аналогичного характера⁷.

Таким образом, мы можем констатировать, что в настоящее время в России и других государствах отсутствует конкретная нормативная правовая основа криосохранения тела человека после смерти, недостаточно урегулирован статус тела, подвергнутого криоконсервации, а также не решены проблемы в области прав человека после его смерти. Полагаем, что в целях преодоления указанных пробелов, помимо внесения предложенных ранее дополнений в ФЗ «О погребении и похоронном деле» в части признания криосохранения способом погребения, а криостата – местом захоронения, на национальном уровне должен быть принят федеральный закон, который регламентировал бы порядок криосохранения тела как одного из способов распоряжения телом человека после смерти и одновременно способа сохранения тел умерших. Представляется возможным предложить следующий проект федерального закона о криосохранении.

⁷ 14-year-old girl who died of cancer wins right to be cryogenically frozen [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theguardian.com/science/2016/nov/18/teenage-girls-wish-for-preservation-after-death-agreed-to-by-court> (дата обращения: 22.01.2025).

Проект федерального закона «О криогенной заморозке тел умерших (криосохранении)»

Глава 1. Общие положения

Статья 1. Цель и задачи настоящего федерального закона

1. Настоящий федеральный закон регулирует правоотношения, связанные с криогенной заморозкой тела человека после его смерти.

2. Задачами настоящего федерального закона являются установление правовых основ для осуществления криогенной заморозки, гарантирование прав и свобод человека, обеспечение этических и научных стандартов в регулируемой области.

Статья 2. Основные понятия

В целях настоящего федерального закона применяются следующие основные понятия:

«криогенная заморозка (криосохранение)» – процесс глубокой заморозки и последующего сохранения тела умершего человека с целью возможного возвращения к жизни в будущем;

«контракт на криогенную заморозку» – договор между физическим лицом и организацией, предоставляющей услуги по криогенной заморозке;

«биологический материал» – ткани и органы умершего тела, сохраненные с использованием криогенных технологий.

Глава 2. Право на криогенную заморозку. Условия и порядок проведения криогенной заморозки

Статья 3. Право на криогенную заморозку

1. Каждое дееспособное лицо имеет право на основе заключения контракта на криогенную заморозку распоряжаться своим телом после смерти.

2. Решение о криосохранении тел умерших несовершеннолетних и недееспособных лиц имеют право принимать законные представители несовершеннолетнего или недееспособного лица.

Статья 4. Условия проведения криогенной заморозки

1. Криогенная заморозка может быть проведена только после официального подтверждения смерти в установленном законом порядке.

2. Необходимо предварительное письменное согласие самого лица либо законных представителей несовершеннолетнего или недееспособного лица на проведение криогенной заморозки, оформленное договором с организацией, осуществляющей криогенную заморозку.

Статья 5. Процедура криогенной заморозки

1. Процедуру криогенной заморозки должны проводить сертифицированные учреждения, имеющие соответствующую лицензию на применение криогенных технологий.

2. Криогенная заморозка должна соответствовать установленным медицинским и тех-

ническим стандартам, гарантировать безопасность процесса.

Глава 3. Организации, предоставляющие услуги по криогенной заморозке

Статья 6. Лицензирование и сертификация

1. Организации, предоставляющие услуги по криогенной заморозке, действуют на основании лицензии, выданной федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере здравоохранения.

2. Указанные в пункте 1 настоящей статьи организации обязаны гарантировать соблюдение стандартов качества и безопасности хранения замороженных тел.

Статья 7. Обязанности организаций, предоставляющих услуги по криогенной заморозке

1. Хранение тел должно осуществляться в условиях, предотвращающих их повреждение.

2. Организации, предоставляющие услуги по криогенной заморозке, обязаны вести учет находящихся у них замороженных тел с их идентификацией и сопровождающей документацией.

3. Организации, предоставляющие услуги по криогенной заморозке, обязаны предоставлять отчетность в контролирующие органы.

Глава 4. Правовые и этические аспекты криогенной заморозки

Статья 8. Этические нормы

1. Процедура криогенной заморозки должна соответствовать этическим стандартам, уважать достоинство и волю человека.

2. Запрещается использование замороженных тел или их биологического материала для научных экспериментов, а также в коммерческих целях, не предусмотренных законом, или без предварительного согласия заинтересованных лиц.

Статья 9. Ответственность за нарушение закона

1. Нарушение положений настоящего закона влечет за собой привлечение к юридической ответственности в соответствии с действующим законодательством.

2. Лица и организации, виновные в неправильном или незаконном проведении криогенной заморозки, несут ответственность за причиненный ущерб.

Глава 5. Заключительные положения

Статья 10. Вступление закона в силу

Настоящий федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

Литература

1. **Акентьева С.В.** Некоторые правовые аспекты правоотношений по криосохранению / Актуальные вопросы цивилистики: материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, Улан-Удэ, 14 мая 2021 г.; отв. ред. Р.А. Балдаева. – Улан-Удэ: издательство Бурятского государственного университета, 2021. С. 3–9.
2. **Богдан В.В.** Брак Post Mortem: размышление о законопроекте о признании фактических брачных отношений // Труды Института государства и права РАН. – 2024. – Т. 19. – № 3. – С. 106–124.
3. **Ломовцева Я.Р.** Особенности защиты личных неимущественных прав после смерти гражданина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 3-2 (78). – С. 203–206.
4. **Серов А.П.** Права личности после смерти // Вестник Самарской гуманитарной академии. – 2020. – № 2 (25). – С. 149–151.
5. **Мирошников Е.В., Орловская О.Ю.** Распоряжение телом человека после смерти: правовые аспекты современных технологий // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 6 (234). – С. 225–227.
6. **Соколова Е.К.** Кого в России интересует будущее бессмертия? // Сибирские исторические исследования. – 2021. – № 1. – С. 222–225.
7. **Матанцев Д.А.** Правовые проблемы применения криотехнологий / Интеграция науки в условиях глобализации и цифровизации: материалы XIII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Том Часть 1. – Ростов-на-Дону, 2021. С. 511–514.
8. **Ефимкова К.С.** Организационно-правовые основы крионики: материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2020» / отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов [Электронный ресурс]. – Москва: МАКС Пресс, 2020. – URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2020/index.htm
9. **Эртель Л.А., Ефимкова Е.С.** Крионика: организационно-правовые и этические аспекты // Федеральный научно-практический журнал. – 2019. – № 2. – С. 30–36.
10. **Кулицкая Л.И.** Крионика как альтернативная форма погребения: правовой аспект // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2016. – № 1. – С. 112–115.
11. **Матанцев Д.А.** Развитие правосубъектности в условиях научно-технического прогресса // Труды Академии управления МВД России. – 2021. – № 4 (60). – С. 41–50.

References

1. **Akent'eva S.V.** Nekotorye pravovye aspekty pravootnoshenii po kriosokhraneniyu / Aktual'nye voprosy tsivilistiki: materialy ezhegodnoi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ulan-Ude, 14 maya 2021 g.; отв. red. R.A. Baldaeva. – Ulan-Ude: izdatel'stvo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta, 2021. S. 3–9.

2. **Bogdan V.V.** Brak Post Mortem: razmyshlenie o zakonproekte o priznanii fakticheskikh brachnykh otnoshenii // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. – 2024. – T. 19. – № 3. – S. 106–124.
3. **Lomovtseva Ya.R.** Osobennosti zashchity lichnykh neimushchestvennykh prav posle smerti grazhdanina // Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. – 2023. – № 3-2 (78). – S. 203–206.
4. **Serov A.P.** Prava lichnosti posle smerti // Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. – 2020. – № 2 (25). – S. 149–151.
5. **Miroshnikov E.V., Orlovskaya O.Yu.** Rasporyazhenie telom cheloveka posle smerti: pravovye aspekty sovremennykh tekhnologii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2024. – № 6 (234). – S. 225–227.
6. **Sokolova E.K.** Kogo v Rossii interesuet budushchee bessmertiya? // Sibirskie istoricheskie issledovaniya. – 2021. – № 1. – S. 222–225.
7. Matantsev D.A. Pravovye problemy primeneniya kriotekhnologii / Integratsiya nauki v usloviyakh globalizatsii i tsifrovizatsii: materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2 ch. Tom Chast' 1. – Rostov-na-Donu, 2021. S. 511–514.
8. **Efimkova K.S.** Organizatsionno-pravovye osnovy krioniki: materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «LOMONOSOV-2020» / otv.red. I.A. Aleshkovskii, A.V. Andriyanov, E.A. Antipov [Elektronnyi resurs]. – Moskva: MAKS Press, 2020. – URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2020/index.htm
9. **Ertel' L.A., Efimkova E.S.** Krionika: organizatsionno-pravovye i eticheskie aspekty // Federal'nyi nauchno-prakticheskii zhurnal. – 2019. – № 2. – S. 30–36.
10. **Kulitskaya L.I.** Krionika kak al'ternativnaya forma pogrebeniya: pravovoi aspekt // Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskii zhurnal. – 2016. – № 1. – S. 112–115.
11. **Matantsev D.A.** Razvitie pravosub»ektnosti v usloviyakh nauchno-tekhnicheskogo progressa // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2021. – № 4 (60). – S. 41–50.

(статья сдана в редакцию 26.02.2025)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО
ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ АКТАМ НЕЗАКОННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА
НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНЫХ
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ**

**ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES TO COUNTER ACTS
OF ILLEGAL INTERVENTION AT TRANSPORT FACILITIES UNDER
SPECIAL ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGIMES**

УДК 342

О.В. ПАНФИЛОВА,
кандидат юридических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
olga-gusar@yandex.ru

OLGA V. PANFILOVA,
Candidate of Law
Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

А.М. ШЕБАНОВ
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина
Россия, Белгород)
aleksander.shebanov@gmail.com

ALEXANDER M. SHEBANOV
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: объекты транспортной инфраструктуры имеют важнейшее значение для государств как в экономическом развитии, так и в стратегическом обеспечении. При введении специальных административно-правовых режимов увеличивается нагрузка и уровень ответственности на сотрудников органов внутренних дел, деятельность которых направлена на обеспечение общественной безопасности и охрану общественного порядка на объектах железнодорожного, воздушного и водного транспорта. Деятельность органов внутренних дел по противодействию актам незаконного вмешательства на объектах транспорта в условиях специальных административно-правовых режимов включает в себя широкий спектр мер, обеспечивающих безопасность и соблюдение правопорядка. В Российском правопорядке административно-правовые режимы играют ключевую роль. На муниципальном, региональном и федеральном уровнях существует достаточное количество административно-правовых средств, которые позволяют обеспечивать защиту и безопасность общественных отношений, права и свободы человека. В статье рассматривается деятельность органов внутренних дел на транспорте по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры в условиях проведения специальной военной операции; приводятся статистические данные и проблемы деятельности транспортной полиции по осуществлению своих должностных обязанностей в условиях специальных административно-правовых режимов.

Ключевые слова: специальные административно-правовые режимы, общественный порядок, общественная безопасность, органы внутренних дел на транспорте, транспортная полиция, специальная военная операция.

Для цитирования: Панфилова О.В., Шебанов А.М. Деятельность органов внутренних дел по противодействию актам незаконного вмешательства на объектах транспорта в условиях специальных административно-правовых режимов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 4. – С. 39–44.

Abstract: transport infrastructure facilities are of great importance for states both in economic development and in strategic support. With the introduction of special administrative and legal regimes, the workload and level of responsibility of employees of internal affairs agencies, whose activities are aimed at ensuring public

safety and maintaining public order at rail, air and water transport facilities, increases. The activities of internal affairs agencies to counteract acts of illegal interference at transport facilities under special administrative-legal regimes include a wide range of measures aimed at ensuring security and maintaining law and order. In the Russian legal order, administrative-legal regimes play a critical role. In the Russian legal order, administrative-legal regimes play a vital role. At the municipal, regional and federal levels, there is a huge number of administrative-legal means that allow ensuring the protection and security of public relations, human rights and freedoms. The article examines the activities of internal affairs agencies in transport to protect public order and ensure public safety at transport facilities and transport infrastructure, in the context of a special military operation; the article provides statistical data and problems of the activities of the transport police in carrying out their official duties under special administrative and legal regimes.

Keywords: special administrative and legal regimes, public order, public safety, internal affairs bodies in transport, transport police, special military operation.

For citation: Panfilova O.V., Shebanov A.M. Activities of internal affairs bodies to counter acts of illegal intervention at transport facilities under special administrative and legal regimes // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 4. – P. 39–44.

В современных условиях организация охраны общественного порядка на объектах транспортной инфраструктуры органами внутренних дел в рамках проведения специальной военной операции является сложной задачей, требующей принятия многоплановых решений, использования значительного количества сил и средств, привлечения компетентных специалистов различного профиля [1, с. 112].

Под воздействием административно-правовых режимов подпадают следующие общественные отношения:

- возникающие в рамках обеспечения обороны страны, государственной безопасности, охраны государственной границы;
- в сфере инновационной деятельности государства;
- регулирующие конституционные права и свободы граждан;
- отношения социально-экономического характера, складывающиеся в связи с реализацией стратегических задач государства.

Данный перечень не является исчерпывающим, однако представляется наиболее уместным. Если классифицировать режимы по степени их участия в обеспечении национальной безопасности, то их можно разделить на следующие категории:

- обеспечение безопасности государства (государственной тайны);
- режим обеспечения безопасности государства и общественного порядка (пребывание иностранных граждан на территории Российской Федерации);
- режимы охраны общественного порядка (порядок оборота огнестрельного оружия, взрывчатых и ядовитых веществ);
- административно-правовые режимы, направленные на достижение целей в иных отрас-

лях управления (таможенный режим, санитарный режим и др.);

– комплексный административно-правовой режим (эпидемия, военная угроза) [2, с. 184].

Среди основных направлений деятельности органов внутренних дел на транспорте в условиях специальных административно-правовых режимов выделяются следующие:

1. Профилактика и предупреждение. Данные мероприятия включают в себя проведение информационно-пропагандистских кампаний, направленных на повышение осведомленности граждан о правилах поведения на объектах транспорта и мерах безопасности; взаимодействие с администрацией объектов транспорта для разработки и реализации совместных планов обеспечения безопасности, а также оценки рисков и разработки планов реагирования на потенциальные угрозы.

2. Выявление и предотвращение актов незаконного вмешательства. Это направление подразумевает проведение оперативно-разыскных мероприятий, направленных на выявление и пресечение лиц, причастных к подготовке и совершению актов незаконного вмешательства; использование технических средств, таких как системы видеонаблюдения, металлодетекторы, газоанализаторы, рентгенотелевизионные установки и т.д., для контроля и обеспечения безопасности на объектах транспортного комплекса; контроль за соблюдением правил поведения на объектах транспорта, в том числе за соблюдением пропускного режима.

3. Реагирование на акты незаконного вмешательства. Это обеспечение оперативной реакции на сообщения о произошедших актах незаконного вмешательства; организация эвакуации людей из опасной зоны, если это необходимо, а

также принятие мер по задержанию и привлечению к ответственности лиц, причастных к совершению актов незаконного вмешательства.

4. Обеспечение правопорядка и законности. Сотрудники органов внутренних дел на транспорте в соответствии с законодательством обеспечивают соблюдение прав граждан, в том числе права на свободу передвижения и неприкосновенность частной жизни; устанавливают обстоятельства совершенных актов незаконного вмешательства и привлекают виновных лиц к ответственности в соответствии с законом; в случае необходимости и в рамках своих полномочий обеспечивают сохранность имущества и бесперебойной работы объектов транспорта.

Специальные административно-правовые режимы, в которых органы внутренних дел на транспорте осуществляют свои обязанности, включают режим повышенной готовности (вводится в случаях повышенной опасности или угрозы терроризма); ограниченный режим допуска лиц (вводится в зонах транспортной безопасности или на отдельных объектах транспорта), а также специальный режим безопасности (может быть введен на особо охраняемых объектах транспорта).

Деятельность органов внутренних дел, в том числе и на объектах транспорта, в условиях специальных административно-правовых режимов имеет свои специфические особенности. Следует отметить, что в связи с проведением специальной военной операции и введения режима контртеррористической операции (далее – КТО) в некоторых субъектах Российской Федерации по причине закрытия авиационного сообщения с некоторыми регионами существенно возросла нагрузка на железнодорожное сообщение, а следовательно – и риски актов незаконного вмешательства в деятельность инфраструктуры. Важнейшим условием стабильности функционирования транспорта, от которого напрямую зависит защита здоровья и жизни граждан, является правопорядок. Так, например, в рамках введения режима контртеррористической операции на территориях Белгородской, Курской и Брянской областей сотрудники полиции, выполняя служебные задачи, наделены полномочиями по ограничению прав и свобод населения. Рассматриваемая мера является вынужденной и служит средством обеспечения безопасности граждан. Сущность ограничений прав и свобод граждан в условиях правового режима КТО, по нашему мнению, заключается во временном приостановлении либо запрете ряда действий. Эти меры направлены на предупреждение нарушений общественного порядка,

обеспечение нормальной жизнедеятельности населения.

Как правило, на период действия режима КТО осуществляется проверка у граждан документов, удостоверяющих их личность, ограничивается движение транспортных средств и пешеходов на улицах, дорогах, отдельных участках местности и т.д. Перечень мер и временных ограничений при введении режима КТО определен ст. 11 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Содержание режима КТО обусловлено его целями: пресечение и раскрытие террористического акта, минимизация его последствий и защита жизненно важных интересов личности, общества и государства. Решения о проведении контртеррористической операции и о ее прекращении принимает руководитель федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности либо по его указанию иное должностное лицо федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности, либо руководитель территориального органа федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности, если руководителем федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности не принято иное решение [3, с. 19].

Введение необходимых мер и временных ограничений в условиях специальных административно-правовых режимов, в частности при введении режима КТО, требует увеличения не только численности сотрудников полиции, но и строгого соблюдения основополагающего принципа законности при осуществлении ими своих профессиональных обязанностей. Так, для защиты объектов транспортной инфраструктуры, а также недопущения совершения противоправных действий органы внутренних дел несут службу следующими способами: патрулирование по установленному маршруту на территории объектов на железнодорожном, воздушном и водном транспорте (вокзалы, аэропорты, причалы, перроны и т.д.); выставление постов в залах ожидания, билетных кассах, перронах при отправлении и встрече поездов, блокпостов и заслонов; патрулирование в нарядах сопровождения поездов дальнего и пригородного сообщения, мобильных (объездных) группах.

Компетенция органов внутренних дел по противодействию актам незаконного вмешательства на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры в условиях специальных административно-правовых режимов определяется как совокупность нормативных правовых актов и актов, которые могут приниматься непосредственно при возникновении таких ситуаций. Зада-

чами территориальных органов МВД России на транспорте по осуществлению деятельности по противодействию актам незаконного вмешательства в условиях специальных административно-правовых режимов в первую очередь являются обеспечение личной безопасности граждан; безопасности на объектах транспортной инфраструктуры; своевременное выявление и пресечение совершения преступлений и административных правонарушений, а также оказание в случае необходимости помощи и содействия в рамках закона иным должностным лицам, обеспечивающим транспортную безопасность.

Так, за 12 месяцев 2024 г. на объектах транспорта по центральному федеральному округу совершено 48 актов незаконного вмешательства, а с начала проведения специальной военной операции – свыше 150 актов незаконного вмешательства путем поджога средств централизации и блокировки.

Для стабилизации оперативной обстановки и недопущения совершения на объектах транспортной инфраструктуры экстремистских и террористических проявлений, а также для защиты наиболее важных объектов транспортной инфраструктуры ежедневно организуется работа мобильных (объездных) групп, в которые входят сотрудники оперативных подразделений полиции, охраны общественного порядка и специалисты-кинологи со служебно-разыскными собаками, натренированными на обнаружение взрывчатых веществ и взрывных устройств, осуществляющие обследование станций, участков железнодорожных путей, мостов.

Следует отметить, что режим специальной военной операции по своей содержательной сущности близок к режиму военного положения, поскольку, как и последний, направлен на создание правовых, военных, экономических, социальных и иных условий по противодействию реальной угрозе агрессии против Российской Федерации, созданию идеальной модели, препятствующей ее осуществлению [4, с. 85]. Особенностью процедурного механизма СВО является то, что он регулируется как нормами конституционного, так и административного права. В этой связи согласимся с точкой зрения И.Л. Бачило о том, «что институт правового режима в праве является межотраслевым и применяется к самым разным сферам правового регулирования и объектам правовых отношений» [5].

В настоящее время в условиях проведения СВО МВД России разрабатывает дополнительные меры, направленные на обеспечение правопорядка на объектах железнодорожного, воздушного транспорта при следовании отдельных категорий граждан. К такой категории можно

отнести так называемых воинских пассажиров, к которым, согласно федеральному законодательству, относят офицеров, прапорщиков, мичманов и курсантов военизированных профессиональных организаций и военных образовательных организаций высшего образования (включая курсантов до заключения контракта о прохождении военной службы), сержантов и старшин, солдат и матросов, проходящих военную службу по призыву, сержантов и старшин, солдат и матросов, проходящих военную службу по контракту¹.

Рост попыток провоза военными служащими, следующими из зоны проведения специальной военной операции, различного рода оружия и боеприпасов, злоупотребление ими в пути следования алкогольной продукцией, курение в общественных местах и вызывающее поведение усложняют работу сотрудников транспортной полиции. В этой связи очевидна необходимость повышения эффективности несения службы, в том числе в части выявления предметов и веществ, запрещенных к перевозке, усиленная переподготовка и трансформация специфики работы нарядов полиции в условиях проведения специальной военной операции. В приграничных регионах возникает потребность более плотного взаимодействия нарядов полиции с подразделениями Министерства обороны Российской Федерации, связанная с необходимостью дополнительной защиты стратегических объектов транспорта, и в первую очередь железнодорожного и воздушного.

С целью оперативного реагирования на деструктивные действия со стороны проезжающих воинских пассажиров, а также возникшие конфликтные ситуации с участием пассажиров в пассажирских поездах на железнодорожных вокзалах и железнодорожных станциях территориальные органы МВД России на транспорте организуют:

- взаимодействие между дежурными службами по обмену значимой информацией, в том числе посредством защищенной телефонной связи, для осуществления мониторинга обстановки на объектах железнодорожного транспорта и транспортных средствах;
- привлечение к несению службы на железнодорожных вокзалах и железнодорожных станциях

¹ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 27 декабря 2017 г. № 815 «Об определении Порядка, случаев и особенностей оформления, выдачи и использования воинских перевозочных документов, отчетности по ним и организации контроля за их использованием и установлении категорий проезда военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей на железнодорожном, воздушном, водном и автомобильном (за исключением такси) транспорте» (ред. от 14 января 2025 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

военнослужащих, включенных в состав гарнизонных патрулей, в целях своевременного реагирования на чрезвычайные происшествия в период нахождения, посадки и высадки отдельных категорий пассажиров. Предусматривается проведение совместных инструктажей заступающих нарядов и патрулей в органах внутренних дел на транспорте для координации деятельности наружных сил и обмена значимой информацией;

– проработку дополнительных мест несения службы транспортной полиции и дежурных подразделений Министерства обороны Российской Федерации с целью оперативного реагирования в случае поступления обращений;

– установление порядка действия поездной бригады в случае выявления нарушения общественного порядка воинскими пассажирами и в отношении воинских пассажиров, а также возникновения экстренной ситуации и необходимости вызова сотрудников полиции на станцию, на которой обслуживаемый поезд не имеет остановки по утвержденному графику.

Также Главное управление на транспорте МВД России осуществляет взаимодействие с Главным управлением военной полиции Минобороны России по обеспечению правопорядка на объектах транспорта в период передвижения военнослужащих и мобилизованных граждан. В рамках взаимодействия Минобороны России информирует о результатах проведенных оперативно-профилактических мероприятий по пресечению фактов вывоза из зоны боевых действий и распространения на территории Российской Федерации некоторыми лицами оружия, его основных частей и боеприпасов без разрешительных документов.

При проведении досмотровых мероприятий во взаимодействии с работниками транспортной безопасности в 2023 г. выявлено 1 060 фактов обнаружения предметов, запрещенных к гражданскому обороту, изъято 8 810 патронов, 1 133 штык-ножа, 66 гранат и 22 запала к ним, 6 взрывателей, 8 пистолетов, 6 автоматов и 63 магазина к ним, 1 мина, 1 ружье. Также обеспечивался правопорядок в период прибытия специальных бортов МЧС России, организованных для вывоза граждан из зоны палестино-израильского конфликта. Работа по отработке вывозных рейсов проводилась непосредственно сотрудниками специализированного подразделения охраны общественного порядка МВД России.

Повышенное внимание уделяется обеспечению правопорядка критически важных и потенциально опасных объектов железнодорожного транспорта. В этих целях продолжатся работа «объездных» групп органов внутренних дел на транспорте. Поддержание общественного по-

рядка и обеспечение общественной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры обеспечивается дополнительными мерами безопасности на автодорожной и железнодорожной частях транспортного перехода через Керченский пролив, а также на паромной переправе морских портов «Керчь» и «Кавказ». Так, по итогам 2023 г. нарядами полиции на транспортном переходе выявлено 42 преступления. Составлено 1 714 административных материалов. Изъято из оборота 3 114 единиц боеприпасов, 18 гранат, 7 автоматов, 2 пистолета.

В настоящее время на вооружении в органах внутренних дел на транспорте состоят различные технические средства, предназначенные для обнаружения следов взрывчатых, наркотических и ядовитых веществ, для быстрой идентификации неизвестных веществ, средства подавления и обнаружения беспилотных летательных аппаратов, а также система биометрической идентификации лиц. Здесь следует отметить применение органами внутренних дел на транспорте государственной автоматизированной информационной системы «Сфера» (далее – ГАИС «Сфера»), которая уже положительно себя зарекомендовала. Комплекс ГАИС «Сфера» активно применяется на таких объектах транспортной инфраструктуры, как железнодорожные вокзалы и станции (входные/выходные группы), аэропорты (входные/выходные группы), аэроэкспрессы, автовокзалы (входные группы), порты и причалы (входные/выходные группы), контрольно-пропускные группы (входные/выходные группы), а также в метрополитене (входные/выходные группы). В настоящее время ГАИС «Сфера» внедрена на 3 799 объектах транспортной инфраструктуры в 25 субъектах Российской Федерации. Так, по состоянию на март 2025 г. с помощью данной системы было выявлено и задержано на объектах транспортной инфраструктуры 17 111 лиц, находящихся в розыске.

Подводя итоги, необходимо отметить, что органам внутренних дел необходимо акцентировать внимание на мониторинге оперативной обстановки на объектах транспортной инфраструктуры, особенно в приграничных регионах, на усилении контроля за состоянием миграционной среды, на проведении дополнительных мер, направленных на повышение защищенности объектов транспорта, и выявлении в информационном и цифровом пространстве публикаций террористического и экстремистского характера.

Основное значение введенных специальных административно-правовых режимов на территории Российской Федерации направлено на защиту государства и граждан от внешних или внутренних угроз. Выполнение задач, стоящих

в современных условиях перед органами внутренних дел на железнодорожном, воздушном и водном транспорте по охране общественного порядка на объектах транспортного комплекса, требуют для своего успешного разрешения пол-

ного использования всех сил подразделений и служб, их совместной деятельности, а также взаимодействия не только между ними, но и иными службами, в функции которых входит обеспечение транспортной безопасности.

Литература

1. **Гришковец А.А.** Административная деятельность ОВД: учебник / А.А. Гришковец, А. В. Куракин, А. В. Зубач [и др.]. – 1-е изд. – Москва: Юрайт, 2020. – 521 с.
2. **Новиков А.О.** Правовые режимы в административном праве // Modern Science. – 2022. – № 5-3. – С. 184–186.
3. **Киреев М.П., Балаева Д.Р.** К вопросу о выполнении полномочий сотрудниками органов внутренних дел в условиях проведения контртеррористических операций // Академическая мысль. – 2020. – № 1 (10). – С. 18–21.
4. **Кокорев А.Н.** Административно-правовой режим специальной военной операции // Вестник экономической безопасности. – 2023. – № 5. – С. 83–86.
5. **Бачило И.Л.** Информационное право Российской Федерации: учебник для вузов. – 2-е изд. – Москва: Юрайт, 2011. – 522 с.
6. **Зиборов О.В., Павличев И.С.** Нормативная основа деятельности ОВД в особых условиях // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 2. – С. 82–85.
7. **Александров А.Н.** Административные правонарушения в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности на объектах железнодорожного, воздушного и водного транспорта / А.Н. Александров, С.Н. Котарев, М.Е. Боталова [и др.]. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2025. – 63 с.
8. **Столбина Л.В., Панфилова О.В., Быхтина Н.В.** Отдельные аспекты обеспечения авиационной безопасности: международный опыт // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2020. – № 1. – С. 66–72.
9. **Панфилова О.В.** Административные правонарушения, совершаемые на объектах транспорта / Актуальные вопросы административного права и процесса: электронный сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Белгород, 22 марта 2024 г. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина, 2024. – EDN ANSCKN
10. **Белецкий Н.В.** Совершенствование форм и методов борьбы с незаконной миграцией на транспорте / Актуальные вопросы деятельности территориальных органов МВД России на транспорте: материалы Международной научно-практической конференции, Белгород, 31 мая 2024 г. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. – EDN KWWCFT.

References

1. **Grishkovets A.A.** Administrativnaya deyatel'nost' OVD: uchebnik / A.A. Grishkovets, A. V. Kurakin, A. V. Zubach [i dr.]. – 1-e izd. – Moskva: Yurait, 2020. – 521 s.
2. **Novikov A.O.** Pravovye rezhimy v administrativnom prave // Modern Science. – 2022. – № 5-3. – S. 184–186.
3. **Kireev M.P., Balaeva D.R.** K voprosu o vypolnenii polnomochii sotrudnikami organov vnutrennikh del v usloviyakh provedeniya kontrterroristicheskikh operatsii // Akademicheskaya mysl'. – 2020. – № 1 (10). – S. 18–21.
4. **Kokorev A.N.** Administrativno-pravovoi rezhim spetsial'noi voennoi operatsii // Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti. – 2023. – № 5. – S. 83–86.
5. **Bachilo I.L.** Informatsionnoe pravo Rossiiskoi Federatsii: uchebnik dlya vuzov. – 2-e izd. – Moskva: Yurait, 2011. – 522 s.
6. **Ziborov O.V., Pavlichev I.S.** Normativnaya osnova deyatel'nosti OVD v osobykh usloviyakh // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2018. – № 2. – S. 82–85.
7. **Aleksandrov A.N.** Administrativnye pravonarusheniya v oblasti okhrany obshchestvennogo poryadka i obespecheniya obshchestvennoi bezopasnosti na ob'ektakh zheleznodorozhnogo, vozdušnogo i vodnogo transporta / A.N. Aleksandrov, S.N. Kotarev, M.E. Botalova [i dr.]. – Belgorod: Belgorodskii yuridicheskii institut MVD Rossii imeni I.D. Putilina, 2025. – 63 s.
8. **Stolbina L.V., Panfilova O.V., Bykhtina N.V.** Otdel'nye aspekty obespecheniya aviatsionnoi bezopasnosti: mezhdunarodnyi opyt // Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti. – 2020. – № 1. – S. 66–72.
9. **Panfilova O.V.** Administrativnye pravonarusheniya, sovershaemye na ob'ektakh transporta / Aktual'nye voprosy administrativnogo prava i protsesssa: elektronnyi sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Belgorod, 22 marta 2024 g. – Belgorod: Belgorodskii yuridicheskii institut MVD RF im. I.D. Putilina, 2024. – EDN ANSCKN
10. **Beletskii N.V.** Sovershenstvovanie form i metodov bor'by s nezakonnoi migratsiei na transporte / Aktual'nye voprosy deyatel'nosti territorial'nykh organov MVD Rossii na transporte: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Belgorod, 31 maya 2024 g. – Belgorod: Belgorodskii yuridicheskii institut MVD Rossii imeni I.D. Putilina, 2024. – EDN KWWCFT.

(статья сдана в редакцию 16.06.2025)

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КИБЕРТЕРРОРИЗМУ – ПРИОРИТЕТНОЕ
НАПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****COUNTERACTION TO CYBERTERRORISM IS A PRIORITY
DIRECTION IN THE SPHERE OF ENSURING NATIONAL SECURITY
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

УДК 343.72

П.Н. КОБЕЦ,
доктор юридических наук, профессор
(Всероссийский научно-исследовательский
институт МВД России,
Россия, Москва)
pkobets37@rambler.ru

PETER N. KOBETS,
Doctor of Law, Professor
NRI of the Ministry of Interior of Russia,
Moscow, Russia)

Аннотация: статья посвящена совершенствованию мер, направленных на противодействие кибертеррору, который сегодня активизируется вследствие развития процессов сближения физического и виртуального миров. В 2020-х годах стремительное развитие информационно-телекоммуникационных сетей выступает в качестве одного из факторов увеличения количества террористических преступлений, совершаемых в киберпространстве. С каждым годом сдерживание и противодействие кибератакам международного террора превращается в одну из важнейших проблем правоохранителей. В связи с этим последующая востребованность разработки проблемных аспектов борьбы с кибертерроризмом не вызывает сомнения. По этой причине целью проведенного исследования стал анализ борьбы с кибертеррором и предложения по дальнейшему совершенствованию данной деятельности. В ходе исследования автор приходит к выводу, что по мере усиления технологической зависимости процессы слияния физического и виртуального миров становятся все более активными. Специалистами по информационной безопасности фиксируется рост угроз, связанных с кибертерроризмом. Поэтому одной из наиболее важных задач в рассматриваемой сфере должно стать радикальное изменение стратегии борьбы с кибертеррором. В частности, в статье делается акцент на том, что стратегии профилактики кибертеррора должны быть нацелены на устранение коренных причин данной противоправной деятельности, а не ее симптомов. Предложено рассмотреть возможность создания и последующего принятия законодательных актов, регулирующих уголовное право в указанной сфере. Автором высказывается необходимость в безопасной и надежной электронной операционной среде как для государственного, так и для частного секторов. При этом деятельность отечественных правоохранителей должна включать в себя не только выявление потенциальных угроз кибертеррора, но и принятие мер по блокированию путей данных преступных проявлений. В дальнейшем основные подходы к борьбе с кибертеррором должны быть основаны на укреплении международного сотрудничества посредством обмена информацией с правоохранителями дружественных Российской Федерации стран. В заключение автором предложено продолжать разрабатывать новые методы борьбы с кибертерроризмом.

Ключевые слова: противодействие преступности, кибертерроризм, международный терроризм, киберпространство, системы безопасности, кибератаки, профилактика, проведение исследований, национальная безопасность, правоохранительные органы.

Для цитирования: Кобец П.Н. Противодействие кибертерроризму – приоритетное направление в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 4. – С. 45–51.

Abstract: the article is devoted to improving measures aimed at countering cyberterrorism, which is intensifying today as a result of the development of the processes of convergence of the physical and virtual worlds. In the context of the 2020s, rapidly developing information and telecommunication networks act as one of the factors increasing the number of terrorist crimes committed in cyberspace. Every year, deterrence and counteraction to cyberattacks of international terrorism is becoming one of the most important problems of law enforcement agencies. In this regard, the subsequent demand for the development of problematic aspects of the fight against cyberterrorism is beyond doubt. For this reason, the purpose of the study was to analyze the fight against cyberterrorism and proposals for further improvement of this activity. In the course of the study, the author comes to the conclusion that as he delves into technological dependence, the processes of convergence of the physical and virtual worlds also intensify. Information security specialists record an increase in threats caused by cyberterrorist threats. Therefore, one of the most important tasks in the area under consideration should be a radical change in the strategy for combating cyberterrorism. In particular, the author emphasizes that cyberterrorism prevention strategies should be aimed at eliminating the root causes of this illegal activity, rather than its symptoms. It is also proposed to study the issue of developing and legislatively adopting the necessary norms of criminal legislation in the area under consideration. The author expresses the need to create a safe and reliable electronic operating environment for both the public and private sectors. At the same time, the activities of domestic law enforcement agencies should include not only identifying potential threats of cyberterrorism, but also taking measures to block the paths of these criminal manifestations. In the future, the main approaches to combating cyberterrorism should be based on strengthening international cooperation through the exchange of information with law enforcement agencies of countries friendly to the Russian Federation. In conclusion, the author proposes to continue developing new methods for combating cyberterrorism.

Keywords: combating crime, cyberterrorism, international terrorism, cyberspace, security systems, cyberattacks, prevention, research, national security, law enforcement agencies.

For citation: Kobets P.N. Counteraction to cyberterrorism is a priority direction in the sphere of ensuring national security of the Russian Federation // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 4. – P. 45–51.

С наступлением нового тысячелетия международный терроризм, террористическая преступность постоянно изменяются и эволюционируют. И, несмотря на то что мотивы терроризма фактически остаются прежними, общество сталкивается с новыми и неизвестными ему прежде разновидностями террористических угроз [1, с. 161]. В настоящее время в большинстве государств мира все чаще говорится о необходимости предупреждения таких разновидностей террора, как биологический [2, с. 225], химический [3, с. 135], информационный и, конечно же, кибертерроризм [4, с. 151], который развивается вместе с развитием киберпреступности [5, с. 47]. Как отмечают российские ученые, «объектом кибертерроризма является безопасность людей и различных материальных объектов; жизнь, здоровье, свобода конкретных лиц или их персонально не определенных групп; нормальное функционирование и физическая целостность тех или иных предметов и сооружений (например, имущества, принадлежащего терроризируемым лицам, учреждениям и т.п.), это объекты непосредственного насильственного воздействия» [6, с. 91]. Важно отметить, что в «большинстве случаев сегодня кибертеррори-

сты стремятся не только запугивать общество посредством киберугроз, но и принуждать правительства или различные организации к достижению собственных целей» [7, с. 53], а также осуществлять акты кибертеррора, используя, как правило, различные слабозащищенные компьютерные сети и иное оборудование. В целом кибертерроризм можно определить как совершение террористических актов посредством использования киберпространства и различных цифровых и компьютерных ресурсов.

Сегодня в большинстве стран мира специалистами по информационной безопасности фиксируется значительный рост проблем, обусловленных кибертеррористическими угрозами, поэтому многие правоохранительные зарубежные службы обеспокоены фактом ежегодного увеличения кибертеррористических атак. В том числе важно отметить, что анализ кибертеррористических угроз свидетельствует о том, что сумму причиненного вреда ввиду его существенного размера весьма непросто оценить, однако совершенно очевидно, что вред от подобной деятельности может быть колоссальным. И, как полагают отечественные эксперты, подобная критическая ситуация может возникнуть в любой момент [8, с. 23]. Именно по этой причине

борьба с современным кибертеррором становится все более актуальной проблемой, затрагивающей вопросы национальной безопасности.

С каждым годом сдерживание и противодействие кибератакам международного террора превращается в одну из важнейших проблем отечественных правоохранителей. Глава российского государства В.В. Путин, проводя заседание Совета безопасности Российской Федерации 20 мая 2022 г., отметил, что «количество кибератак на российскую информационную инфраструктуру все последние годы постоянно растет... по сути, против России развязана настоящая агрессия и война в информационном пространстве»¹. Президент также не раз отмечал, что «в сложившихся условиях нужна долгосрочная и выверенная стратегия действий по защите национальных интересов в цифровой сфере, основанная на прогнозировании ситуации, на учете потенциальных рисков для общества и государства и, конечно, опирающаяся на самые передовые технологии и технологические решения»². С этими высказываниями трудно не согласиться. По мнению Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, кибероружие опаснее и страшнее ядерного оружия, и человечество еще эту опасность не осознало³. Специалистами Центра общественных связей ФСБ России прямо указывается на то, что страны НАТО применяют новые виды кибероружия, используя для масштабных хакерских атак на Россию сетевую инфраструктуру Украины⁴. 30 мая 2025 г. в комментарии сотрудников посольства Российской Федерации в Лондоне отмечается, что планы Лондона по развитию кибероружия угрожают милитаризацией информационного пространства с прицелом на Россию, а также косвенно подтверждают роль Британии в цифровой агрессии против Российской Федерации⁵.

¹ Путин заявил, что против России развязана война в киберпространстве [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/politika/14686131?ysclid=maaobertzn142573760> (дата обращения: 05.06.2025).

² Путин призвал создать стратегию по борьбе с киберпреступностью [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20210224/putin-1598783523.html> (дата обращения: 05.06.2025).

³ Лукашенко считает, что кибероружие опаснее ядерного [Электронный ресурс]. – URL: https://ria.ru/20220319/kiberoruzhie1779012477.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения 05.06.2025).

⁴ ФСБ обвинила Запад в скрытом применении новых видов кибероружия [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/6437ca8c9a79476a687ed12e?ysclid=mbjari4y3j469706196> (дата обращения: 05.06.2025).

⁵ В посольстве России прокомментировали планы Лондона по кибероружию [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20250530/vleikobritaniya-2020064372.html?ysclid=mbjaihdprk463510188> (дата обращения: 05.06.2025).

Для понимания специфики угрозы, которую представляет кибертерроризм, необходимо рассмотреть конкретные примеры его проявления. [9, с. 30]. Так, например, кибертеррористы могут удаленно, при помощи компьютерных программ, получить доступ к системам управления переработкой опасных химических отходов на различных предприятиях химической промышленности, изменить уровни охлаждения ядерных реакторов на объектах атомной промышленности, а также совершать и другие акции на объектах топливно-энергетического комплекса и даже предприятиях пищевой промышленности. Кроме того, существует угроза проникновения кибертеррористов на военные объекты и предприятия. При этом преступникам не обязательно находиться на этих предприятиях, чтобы совершать террористические действия [10, с. 105].

Международным кибертеррористам, обладающим высокой хакерской квалификацией, вероятно, под силу совершить атаки на системы управления воздушным движением и изменить настройки в технической аппаратуре авиадиспетчеров, что незамедлительно приведет к столкновению гражданских авиалайнеров. И это весьма реалистичные сценарии, поскольку высококвалифицированные кибертеррористы, предположительно, в состоянии произвести взлом системы управления в самих авиалайнерах. Подобные атаки возможны и на железнодорожных линиях, а также автомобильном транспорте – везде, где установлено компьютерное оборудование [11, с. 45].

Также возможно предположить, что кибертеррористам высокой квалификации под силу нарушить штатную работу банков, международных финансовых центров, осуществляющих платежные операции, фондовых бирж. В сложившейся ситуации общество рискует окончательно потерять доверие к финансовым и экономическим системам. При этом весьма маловероятен незамедлительный арест кибертеррористов, поскольку преступники в момент совершения преступления в большинстве случаев находятся на других континентах. Тем не менее атаки кибертеррористов могут приводить к дестабилизации мировой финансовой системы.

К большому сожалению, вышеперечисленные сценарии возможных кибератак международных террористов не являются фантастикой. Все они могут быть осуществимы в реальной жизни, тем более что некоторые из указанных инцидентов уже происходили в разных странах [12, с. 2]. Становится совершенно очевидно, что в отличие от других видов терроризма кибертерроризму чрезвычайно сложно и трудно противодействовать без надлежащего опыта борьбы с рассматриваемым явлением, знанием личностных особенностей

субъектов рассматриваемой преступности, ну и, конечно же, понимания мышления кибертеррористов. Тем более, что это, как правило, молодые и образованные люди, которые попадают в ряды террористических групп по различным причинам. Это новое поколение, отлично разбирающееся в компьютерных технологиях, программах и телекоммуникационных сетях, обладает «талантом» совершения актов кибертерроризма, которым с каждым годом все сложнее противодействовать.

В настоящее время ряд методов борьбы с кибертерроризмом, которые специалисты вырабатывали для противодействия другим видам террористических угроз, зачастую не работают, поскольку они неэффективны против кибертеррористических атак международных террористов. Это обусловлено тем, что представители международных террористических групп, участвующих в кибертеррористических атаках, не атакуют гражданское население на грузовиках со взрывчаткой, не используют отравляющий газ, а также тротильные шашки, привязанные к телам религиозных фанатиков – шахидов, эти адепты международного террора атакуют людей в тех местах, где они наиболее уязвимы, а именно в точках соприкосновения физического и виртуального миров [13, с. 32].

По мере того как общество все больше ориентируется на технологические достижения и углубляется в цифровую зависимость, процессы интеграции физического и виртуального пространств ускоряются. С увеличением зависимости от интернета вещей эти процессы становятся еще более сложными. Человечество стремительно движется вперед в области глобализации, с которой оно неизбежно сталкивается. Это приводит к тому, что общество все больше зависит от конвергенции физического и виртуального пространств. При этом, как отмечают отечественные специалисты, доступность «виртуальных пространств для государственного и частного секторов позволила в XXI столетии киберпреступности стать повседневым явлением» [14, с. 11]. Кроме того, российские эксперты – специалисты по борьбе с кибертеррором говорят о том, что в террористической организации многие из вновь набранных членов могут повысить свой социальный статус, поскольку на террористический путь становятся лица, не нашедшие себе применения вследствие утраты жизненных ориентиров. Попав к террористам, такие индивиды психологически обрабатываются и окончательно становятся приверженцами террора. Нередки случаи, когда террористы практикуют запугивание потенциальных членов террористических организаций, вовлекают их в совершение тяжких преступлений и в дальнейшем шантажируют, создают наркотическую зависимость и др. Также немаловажно

отметить, что кибертеррористы постоянно совершенствуют формы и методы преступной деятельности, стремясь как можно дальше уйти от современных методов борьбы с ними, чтобы быть на шаг впереди правоохранителей.

Именно по этой причине специалистам – сотрудникам правоохранительных органов важно овладеть всеми необходимым навыками борьбы с проявлениями современного кибертеррора. В Российской Федерации подготовке специалистов в сфере борьбы с кибертерроризмом уделено особое внимание, поскольку на основании п. 45 «Концепции противодействия терроризму»⁶ от 5 октября 2009 г. среди приоритетных направлений кадровой политики России выступает деятельность по подготовке кадров в специфических областях борьбы с терроризмом и, как следствие, кибертерроризмом. В то же время в дальнейшей перспективе правоохранителям следует изучить возможные новые приемы кибертеррористов, технологии и преступные схемы в сфере международных террористических кибератак [4, с. 155].

Не обладая надежной защитой киберпространства от атак международного террора, нельзя гарантировать безопасность страны. Более того, обеспечение надежной защиты от кибертеррора является основополагающим и занимает центральное место при формировании конкурентоспособности страны на международной арене. Поэтому в дальнейшем основные подходы к борьбе с кибертеррором должны быть основаны на укреплении международного сотрудничества путем совершенствования законодательства о киберпреступности, повышения эффективности работы правоохранительных органов и обмена информацией с правоохранителями дружественных Российской Федерации стран. Также немаловажно опираться и на прошлые усилия в области международного взаимодействия с такими странами, увеличивая ресурсы и расширяя возможности по использованию киберследователей, в первую очередь именно в тех областях, где обозначенные угрозы являются наиболее серьезными и наносят максимальный ущерб. Таким образом обозначенное международное сотрудничество в борьбе с кибертерроризмом должно быть еще более целенаправленным, устойчивым и перспективным.

Важное значение имеет совершенствование законодательных мер в рассматриваемой сфере. Вместе с тем отечественная система мер в сфере противодействия международному кибертеррору должна быть поддержана всем национальным

⁶ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 г.) [Электронный ресурс]. Доступ СПС «КонсультантПлюс».

сообществом: правительству и государственному сектору на национальном и местном уровне надлежит обеспечить безопасность всего российского общества. Только совершенная и эффективная система мер по обеспечению кибербезопасности может положить начало новой динамике в сфере противодействия кибертерроризму. В частности, «необходимо проработать вопрос о разработке и законодательном принятии необходимых уголовно-правовых норм, которые бы предусматривали ответственность за нарушения в сфере идентификации и защиты персональных данных, потому как сегодня эта проблема чрезвычайно актуальна, поскольку такая система идентификации позволяет просматривать основные характеристики и условия использования цифровых платформ, и услуг используемых платежных средств» [15, с. 16]. Также важно отметить, что, как отмечают эксперты, «система идентификации также позволяет пользователям получать информацию о потенциальной передаче информации третьим лицам в рамках этой защиты, а поскольку компетентные государственные службы должны обеспечивать безопасность персональных терминалов, эффективность их деятельности также может зависеть от принятых норм уголовного законодательства в сфере противодействия кибертеррору» [16 с. 67].

В том числе немаловажно, чтобы специалисты в сфере борьбы с кибертеррором как можно результативнее выявляли вредоносную деятельность, осуществляемую изолированными, высоко подготовленными террористами – хакерами, используя для этого постоянно совершенствуемые передовые аналитические возможности и методы [17, с. 51]. Правоохранительный персонал для борьбы с кибертеррором должен состоять из хорошо обученных лиц в сфере компьютерных информационных технологий. Такой подход во многом, наряду с мощными вычислительными ресурсами, позволит обеспечивать обработку больших объемов информационных данных для выявления кибертеррористических угроз, а также использовать эти информационные данные для упреждающего реагирования на угрозы кибертеррора.

Совершенно очевидно, что с развитием кибертехнологий и их внедрением в российское общество в сложных телекоммуникационных сетях будет появляться все больше уязвимостей и угроз, которые могут быть использованы международным кибертеррором [18, с. 165]. Поэтому стратегии профилактики кибертеррора должна быть нацелены на устранение коренных причин данной противоправной деятельности, а не на устранение симптомов. Обозначенные усилия следует поддерживать, расширять и интернационализировать совместно в сотрудничестве с дружественными России странами. В частно-

сти, необходимо проработать вопрос о возможности создания профилактической программы в рассматриваемой сфере. Часть этой программы вполне может включать в себя внедрение практик международного сотрудничества правоохранительных органов.

В целях борьбы с кибертеррором необходимо стремиться к тому, чтобы крупное оборудование, обеспечивающее функционирование киберсетей электронной связи с внутренними структурами, расположенными в Российской Федерации, проектировалось, разрабатывалось и управлялось из центров, находящихся внутри страны [19 с. 181]. То же самое относится и к большинству жизненно важных средств связи и защиты данных российских операторов. Для противодействия кибертеррору в том числе немаловажно, чтобы деятельность всех предприятий, использующих цифровые технологии и телекоммуникационные сети, в обязательном порядке основывалась на использовании приложений по обработке данных, размещенных в неконтролируемых виртуальных пространствах, поддерживаемых физическими инфраструктурами, расположенными только на национальной территории и подпадающими под действие российского законодательства.

В целях снижения воздействия международного кибертеррора на российское общество следует продолжать разработку, формирование и реализацию разного рода стратегий, которые бы содействовали повышению надежности стабильности и защищенности отечественного информационного пространства, информационных платформ и информационно-управленческих систем. В том числе важно повышать осведомленность российского населения о всех возможных способах совершения международными террористами кибератак [20 с. 40].

Немаловажным также является совершенствование разного рода методик, направленных на психологическую поддержку граждан после совершенных кибератак. Значимым фактором минимизации воздействия международного кибертеррора может стать развитие сотрудничества между службами безопасности частного сектора и государственных структур для обмена разного рода информационными данными в рассматриваемой сфере и последующей координации в совместной работе, направленной на предотвращение и нейтрализацию актов кибертерроризма.

Дальнейший анализ и осмысливание психологических процессов, связанных с кибертеррором, также будет способствовать гораздо лучшей оценке современной мотивации международного кибертеррора и послужит хорошей основой для совершенствования имеющихся способов борьбы с данным явлением. Также нельзя допу-

скасть, чтобы концентрация онлайн-сервисных платформ была в руках лишь нескольких заинтересованных частных компаний, поскольку изменения как в области технологий, так и в экономических моделях усиливают потерю контроля в национальном киберпространстве. В противном случае при возникающем кризисе доступ к целым разделам киберпространства может быть оспорен. Все вышеозначенное требует в первую очередь поддержания сильной и конкурентоспособной национальной промышленности в специализированной области продуктов и услуг в сфере кибербезопасности [21, с. 80].

В заключение необходимо подчеркнуть, что в центре внимания всех государственных органов, заинтересованных в активной борьбе с кибертеррором, должны находиться и разрабатываться следующие проблемные вопросы: укрепление правоохранительного потенциала и быстрое реагирование ключевых субъектов борьбы с кибертеррором на все потенциальные угрозы; повышение осведомленности о проблемах кибертеррористической безопасности во всех сферах; развитие навыков в области электронной кибербезопасности и увеличение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в

области кибертеррористической безопасности; совершенствование деятельности и оказание помощи в оперативном реагировании на кибертеррористические события национального значения; поддержание передовых научных исследований в рассматриваемой сфере; поощрение цифровых инноваций и развитие навыков и знаний в обществе в области кибертеррористических угроз для позиционирования страны в качестве мирового лидера в области кибербезопасности; дальнейшее развитие координации и инициатив в сфере кибертеррористической безопасности, включая исследование и разработку проблемных вопросов борьбы с кибертеррором, а также совершенствование навыков заинтересованных лиц в области ИТ-безопасности.

Кроме того, для повышения эффективности борьбы с кибертеррором необходимо создание в стране безопасной и надежной электронной операционной среды как для государственного, так и для частного секторов. В будущем крайне важно динамично разрабатывать новые методы борьбы с кибертерроризмом, так как они должны постоянно обновляться и адаптироваться для эффективного противодействия кибертеррору.

Литература

1. Обзор II Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности. Памяти А.А. Прохожева» (РАНХиГС, Москва, 21 апреля 2023 г.) / О.Ф. Акбашев, К.В. Алексеев, В.П. Беркут [и др.] // Транспортное право и безопасность. – 2023. – № 4 (48). – С. 158–191.
2. **Кобец П.Н.** Опасность совершения актов биологического терроризма / Противодействие экстремизму и терроризму: философские, психологические, социологические, и политологические аспекты: материалы X Международной научно-практической конференции, Краснодар, 24 ноября 2023 г. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2023. С. 224–232.
3. **Кобец П.Н.** Основные направления по устранению потенциальных уязвимостей в сфере безопасности, вызванных химическим терроризмом // Юристы-Правоведы. – 2025. – № 1 (112). – С. 134–139.
4. **Воронов А.М.** Обзор III Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности. Десять лет Закону о стратегическом планировании в Российской Федерации» (РАНХиГС, Москва, 19 апреля 2024 г.) / А.М. Воронов, С.И. Гирько, Д.В. Ирошников [и др.] // Транспортное право и безопасность. – 2024. – № 3 (51). – С. 141–159.
5. **Карпова Д.Н.** Киберпреступность: глобальная проблема и ее решение // Власть. – 2014. – № 8. – С. 46–50.
6. **Возжеников А.В., Выборнов М.А., Поляков К.И.** Международный терроризм: борьба за геополитическое господство / под общ. ред. д-ра полит. наук А.В. Возженикова. – Москва: РАГС, 2005. – 526 с.
7. **Кобец П.Н.** Специально-криминологические меры предупреждения терроризма в условиях России середины второго десятилетия XXI столетия / Актуальные проблемы современного мира в разрезе общественных наук: сборник научных трудов. Том Выпуск 2. – Воронеж: Воронежский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2014. С. 52–56.
8. **Абрамова А.Г.** Современные проблемы осуществления защиты персональных данных в сети: основополагающие принципы защиты персональных данных // Регион и мир. – 2020. – Т. 11. – № 4. – С. 21–25.
9. **Кобец П.Н.** Современное состояние правоохранительного сотрудничества государств – участников СНГ в сфере противодействия терроризму и экстремизму / Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Москва, 16 ноября 2023 г. – Москва: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2023. С. 27–32.
10. **Федулов В.И.** Компьютерный терроризм как инновация современного высокотехнологичного общества // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. – 2007. – № 1. – Т. 2. – С. 103–107.
11. **Кобец П.Н.** Актуальные проблемы противодействия терроризму на объектах транспортного комплекса / Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXVII Международной научно-практической конференции, Иркутск, 3 июня 2022 г. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 43–46.
12. **Бочарников И.В.** Информационное противодействие терроризму в современных условиях // Электронный научный журнал «Проблемы безопасности». – 2013. – № 3 (21). – С. 2–3.
13. **Жаворонкова Т.В.** Использование сети интернет террористическими и экстремистскими организациями // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 3 (178). – С. 30–36.
14. **Воронин Ю.А., Майоров А.В.** Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. – № 1. – С. 7–16.

15. **Майоров А.В., Уторов О.Р.** Управленческие аспекты политики противодействия терроризму в России // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – № 1 (16). – С. 24–31.
16. **Норов У.С.** Противодействие экстремизму и терроризму: законодательство и практика // Государственная служба. – 2012. – № 2 (76). – С. 66–68.
17. **Кобец П.Н.** Необходимость совершенствования сотрудничества в сфере противодействия международному терроризму / Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 15 февраля 2024 г. – Москва: АНО ДПО «ЦПРОН», 2024. С. 45–53.
18. Предупреждение преступности в России: монография / Ю.М. Антонян, М.М. Бабаев, Ю.Г. Касперович [и др.]; под ред. профессора Ю.М. Антоняна. – Москва: ОАО «Можайский полиграфический комбинат», 2014. – 344 с.
19. **Чекунов И.Г.** Киберпреступность: понятие, классификация, современные вызовы и угрозы // Молодые ученые. – 2012. – № 3. – С. 178–186.
20. **Алпеев А.С.** Терминология безопасности: кибербезопасность, информационная безопасность // Вопросы кибербезопасности. – 2014. – № 5 (8). – С. 39–42.
21. **Маслакова Е.А.** Кибертерроризм как новая форма терроризма // Наука и практика. – 2015. – № 2. – С. 79–81.

References

1. Obzor II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Pravovoe obespechenie natsional'noi bezopasnosti. Pamyati A.A. Prokhozheva» (RANKhiGS, Moskva, 21 aprelya 2023 g.) / O.F. Akbashev, K.V. Alekseev, V.P. Berkut [i dr.] // Transportnoe pravo i bezopasnost'. – 2023. – № 4 (48). – С. 158–191.
2. **Kobets P.N.** Opasnost' soversheniya aktov biologicheskogo terrorizma / Protivodeistvie ekstremizmu i terrorizmu: filosofskie, psikhologicheskie, sotsiologicheskie, i politologicheskie aspekty: materialy X Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Krasnodar, 24 noyabrya 2023 g. – Krasnodar: Krasnodarskii universitet MVD Rossii, 2023. S. 224–232.
3. **Kobets P.N.** Osnovnye napravleniya po ustraneniyu potentsial'nykh uyazvimostei v sfere bezopasnosti, vyzvannykh khimicheskim terrorizmom // Yurist»-Pravoved». – 2025. – № 1 (112). – С. 134–139.
4. **Voronov A.M.** Obzor III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Pravovoe obespechenie natsional'noi bezopasnosti. Desyat' let Zakonu o strategicheskome planirovanii v Rossiiskoi Federatsii» (RANKhiGS, Moskva, 19 aprelya 2024 g.) / A. M. Voronov, S.I. Gir'ko, D.V. Iroshnikov [i dr.] // Transportnoe pravo i bezopasnost'. – 2024. – № 3 (51). – С. 141–159.
5. **Karпова D.N.** Kiberprestupnost': global'naya problema i ee reshenie // Vlast'. – 2014. – № 8. – С. 46–50.
6. **Vozzhenikov A.V., Vybornov M.A., Polyakov K.I.** Mezhdunarodnyi terrorizm: bor'ba za geopoliticheskoe gosподство / pod obshch. red. d-ra polit. nauk A.V. Vozzhenikova. – Moskva: RAGS, 2005. – 526 s.
7. **Kobets P.N.** Spetsial'no-kriminologicheskie mery preduprezhdeniya terrorizma v usloviyakh Rossii serediny vtorogo desyatiletiya XXI stoletiya / Aktual'nye problemy sovremennogo mira v razreze obshchestvennykh nauk: sbornik nauchnykh trudov. Tom Vypusk 2. – Voronezh: Voronezhskii TsNTI – filial FGBU «REA» Minenergo Rossii, 2014. S. 52–56.
8. **Abramova A.G.** Sovremennye problemy osushchestvleniya zashchity personal'nykh dannykh v seti: osnovopolagayushchie printsipy zashchity personal'nykh dannykh // Region i mir. – 2020. – Т. 11. – № 4. – С. 21–25.
9. **Kobets P.N.** Sovremennoe sostoyanie pravookhranitel'nogo sotrudnichestva gosudarstv – uchastnikov SNG v sfere protivodeistviya terrorizmu i ekstremizmu / Aktual'nye problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva v bor'be s prestupnost'yu: sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 16 noyabrya 2023 g. – Moskva: Moskovskii universitet MVD Rossii im. V.Ya. Kikotyа, 2023. S. 27–32.
10. **Fedulov V.I.** Komp'yuternyi terrorizm kak innovatsiya sovremennogo vysokotekhnologichnogo obshchestva // Vestnik MGOU. Seriya: Yurisprudentsiya. – 2007. – № 1. – Т. 2. – С. 103–107.
11. **Kobets P.N.** Aktual'nye problemy protivodeistviya terrorizmu na ob'ektakh transportnogo kompleksa / Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh: sbornik materialov XXVII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Irkutsk, 3 iyunya 2022 g. – Irkutsk: Vostochno-Sibirskii institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, 2022. S. 43–46.
12. **Bocharnikov I.V.** Informatsionnoe protivodeistvie terrorizmu v sovremennykh usloviyakh // Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Problemy bezopasnosti». – 2013. – № 3 (21). – С. 2–3.
13. **Zhavoronkova T.V.** Ispol'zovanie seti internet terroristicheskimi i ekstremistskimi organizatsiyami // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – № 3 (178). – С. 30–36.
14. **Voronin Yu.A., Maiorov A.V.** Teoreticheskie osnovy formirovaniya sistemy protivodeistviya prestupnosti v Rossii // Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. – 2013. – № 1. – С. 7–16.
15. **Maiorov A.V., Utorov O.R.** Upravlencheskie aspekty politiki protivodeistviya terrorizmu v Rossii // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. – 2018. – № 1 (16). – С. 24–31.
15. **Norov U.S.** Protivodeistvie ekstremizmu i terrorizmu: zakonodatel'stvo i praktika // Gosudarstvennaya sluzhba. – 2012. – № 2 (76). – С. 66–68.
17. **Kobets P.N.** Neobkhodimost' sovershenstvovaniya sotrudnichestva v sfere protivodeistviya mezhdunarodnomu terrorizmu / Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i mirovogo soobshchestva v epokhu tsifrovizatsii: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 15 fevralya 2024 g. – Moskva: АНО ДПО «TsRON», 2024. С. 45–53.
18. Предупреждение преступности в России: монография / Ю.М. Антонян, М.М. Бабаев, Ю.Г. Касперович [и др.]; под ред. профессора Ю.М. Антоняна. – Москва: ОАО «Мозгайский полиграфический комбинат», 2014. – 344 с.
19. **Chekunov I.G.** Kiberprestupnost': ponyatie, klassifikatsiya, sovremennye vyzovy i ugrozy // Molodye uchenye. – 2012. – № 3. – С. 178–186.
20. **Alpееv A.S.** Terminologiya bezopasnosti: kiberbezopasnost', informatsionnaya bezopasnost' // Voprosy kiberbezopasnosti. – 2014. – № 5 (8). – С. 39–42.
21. **Maslakova E.A.** Kiberterrorizm kak novaya forma terrorizma // Nauka i praktika. – 2015. – № 2. – С. 79–81.

**ПОНЯТИЕ СИТУАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ****CONCEPT OF CRIMINAL INVESTIGATION SITUATION**

УДК 34.343.

Л.Е. ЧИСТОВА,
доктор юридических наук
(Московский университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
Московский университет имени С.Ю. Витте,
Россия, Москва)
tchistova-lubov@yandex.ru

LIUBOV E. CHISTOVA,
Doctor of Law
(Kikot Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia;
Moscow Witte University,
Moscow, Russia)

Аннотация: в статье исследуются проблемы одной из важных категорий криминалистики – ситуации расследования. Отмечается ее решающее значение при разработках методик расследования различных видов преступлений. Анализируется проблема смешения понятий «ситуация расследования» и «следственная ситуация» в научной литературе. Акцентируется внимание на важности выработки самостоятельного определения этой категории в связи с ее неоценимой значимостью для расследования преступлений, поскольку от правильной и адекватной оценки сложившейся обстановки, в которой оно протекает, зависит не только определение дальнейшего направления расследования, но и нейтрализация и устранение негативных факторов, влияющих на его содержание. В связи с этим подчеркивается ведущая роль следователя в принятии соответствующих решений, влияющих на полноту, всесторонность и объективность выявления всех обстоятельств конкретного преступного события. На основе анализа существующих точек зрения по исследуемой проблеме автор предлагает собственное определение ситуации расследования и обращает внимание на ее сущность. Особое внимание уделяется практической значимости исследования: разработанные положения могут быть непосредственно применены сотрудниками правоохранительных органов для оптимизации своей деятельности, а также использоваться в дальнейшем научном изучении этого вопроса.

Ключевые слова: расследование преступлений, ситуация расследования, следственная ситуация, деятельность правоохранительных органов, обстановка расследования.

Для цитирования: Чистова Л.Е. Понятие ситуации расследования по уголовным делам // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 4. – С. 52–56.

Abstract: the article explores the problems of one of the important categories of criminology – investigation situations. Its crucial importance is noted in the development of methods for investigating various types of crimes. The problem of confusing the concepts of «investigative situation» and «investigative situation» in the scientific literature is analyzed. Attention is focused on the importance of developing an independent definition of this category due to its invaluable importance for the investigation of crimes, since a correct and adequate assessment of the current situation in which it takes place depends not only on determining the further direction of the investigation, but also on neutralizing and eliminating negative factors affecting its content. In this regard, the leading role of the investigator is emphasized in making appropriate decisions that affect the completeness, comprehensiveness and objectivity of identifying all the circumstances of a particular criminal event. Based on the analysis of existing points of view on the problem under study, the author offers his own definition of the investigation situation and draws attention to its essence. Special attention is paid to the practical significance of the research: the developed provisions can be directly applied by law enforcement officers to optimize their activities, as well as used in further scientific study of this issue.

Keywords: crime investigation, investigation situation, investigative situation, law enforcement activity, investigation situation.

For citation: Chistova L.E. Concept of criminal investigation situation // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 4. – P. 52–56.

Неоднократно отмечалось, что расследование любых преступлений осуществляется в конкретных условиях. Именно они влияют на эффективность этого процесса и, исходя из сложившейся на тот или иной момент расследования следственной ситуации, позволяют определить последовательность проведения следственных и иных действий, а также принять необходимые меры к обеспечению полноты, всесторонности и объективности выявления всех обстоятельств совершения преступных действий в этой сфере.

В криминалистической литературе процесс расследования преступлений освещается достаточно подробно, так как именно он позволяет установить суть произошедшего, выявить виновных и определить другие важные обстоятельства. Однако работ, посвященных понятию, содержанию и факторам, влияющим на расследование, встречается не так много. Основное внимание ученых сосредоточено на описании действий следователя на начальном и последующих этапах. Действительно, расследование любого преступления происходит в специфических условиях, которые далеко не всегда являются благоприятными. Следователь часто сталкивается с противодействием со стороны лиц, заинтересованных в сокрытии истины. Для облегчения работы следователя разрабатываются различные алгоритмы действий, применяемые на каждом этапе расследования. Предполагается, что этих рекомендаций достаточно для обеспечения эффективности деятельности правоохранительных органов.

Однако, на наш взгляд, такой подход является ограниченным. Не отрицая важности существующих методических рекомендаций по расследованию различных видов преступлений, мы считаем, что без глубокого анализа условий, в которых проводится расследование, факторов, влияющих на его процесс, и путей повышения его эффективности данная криминалистическая категория не может быть изучена в полной мере. Поскольку данные обстоятельства формируют ситуацию расследования, ее дальнейшее теоретическое исследование позволит выйти на новый уровень понимания произошедшего события, определения хода и состояния выяснения всех его обстоятельств.

Следует отметить, что термин «ситуация расследования» используется криминалистами нечасто. Основное внимание уделяется исследованию другой категории – «следственная ситуация». Однако, несмотря на длительную дискуссию о ее понятии и содержании, единого мнения до сих пор также не выработано. Как видно из определений данной криминалистической категории, некоторые ученые вкладывают

в понятие следственной ситуации именно ситуацию расследования [1, с. 24; 2, с. 157]. Тем не менее криминалисты пытались разграничить эти две категории между собой. Так, В.К. Гавло считает, что «внимательный анализ опубликованных работ различных авторов по данной теме (*следственной ситуации. Примеч. авт.*) свидетельствует о том, что эта проблема чрезвычайно сложна и значима, по многим фундаментальным вопросам (понятие, природа, содержание, классификация, соотношение следственной ситуации и криминальной ситуации, исходной следственной ситуации и ситуации расследования и др.) дискуссионна и требует самого пристального внимания в силу ведущей роли следственной ситуации как одного из компонентов теоретических основ методики расследования отдельных видов и групп преступлений» [3, с. 38]. Далее ученый отмечает, что ситуации расследования «складываются после производства первоначальных и неотложных следственных действий и характеризуют обстановку расследования по делу в целом на основе установленных фактических данных» [3, с. 41].

Мы полностью согласны с В.К. Гавло в том, что следственная ситуация играет ведущую роль в методике расследования отдельных видов и групп преступлений. Именно исходя из сложившихся на тот или иной момент расследования следственных ситуаций и определяется направление расследования, планируется производство следственных действий, их очередность проведения. Но мы не можем согласиться с тем, что ситуация расследования складывается только после того, как неотложные и первоначальные следственные действия были проведены. Возникает вопрос: разве производство неотложных и первоначальных следственных действий проводится не в рамках расследования?

Согласно ст. 156 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предварительное расследование начинается с момента возбуждения уголовного дела, о чем следователь, дознаватель, орган дознания выносит соответствующее постановление. Иными словами, ситуация расследования именно с этого момента и возникает. И именно от наличия определенной информации об обстоятельствах произошедшего преступного события, которыми располагает следователь, зависит первоначальное состояние ситуации расследования. Разумеется, после проведения как неотложных, так и первоначальных следственных действий и получения новой информации об интересующих следствие фактах меняется и следственная ситуация, и ситуация расследования. Т.С. Волчецкая считает ситуации расследования разновидностью след-

ственных ситуаций, которые, по ее мнению, характеризуют его состояние «с позиций результативности проделанной работы к определенному моменту расследования» [4, с. 15]. То есть, по мнению автора, ситуация расследования и следственная ситуация соотносятся друг с другом как часть и целое.

На наш взгляд, это совершенно не так. Все дело в том, что Т.С. Волчецкая представляет следственную ситуацию как «понятие, характеризующее процесс расследования, его состояние на том или ином этапе» [4, с. 13]. Но этимологическое значение слова «процесс» означает «движение вперед»¹, и чтобы это движение произошло, нужна какая-то деятельность. Именно эта деятельность, осуществляемая следователем или иным уполномоченным на то законом должностным лицом, и является основой процесса расследования. В результате такой деятельности следователь получает информацию, являющуюся содержанием следственной ситуации, существующей на определенном моменте расследования, и именно полученная вновь информация влияет на изменение следственной ситуации. В то же время сам автор в своем определении данной криминалистической категории не отрицает, что информационный аспект в определении следственной ситуации является важным. [3, с. 13]. Аналогичную позицию занимал и Н.П. Яблоков [5, с. 30–32].

Как отмечает О.А. Луценко, «ситуация расследования характеризует состояние следственного производства, решенные и нерешенные задачи, результаты, возникшие трудности, наличие у органа расследования возможностей установить истину по делу» [6, с. 98]. Поддерживая в целом такое мнение, не можем согласиться с утверждением о том, что «это понятие, как и криминальная ситуация, характеризует само явление, а не обстановку, в которой оно протекает, – преступную деятельность, работу по выявлению, расследованию и раскрытию преступления» [6, с. 98].

Понятие «явление» трактуется лингвистами как событие, факт, который можно наблюдать или изучать. Это то, что происходит в действительности². «Обстановка», в свою очередь, определяется как совокупность условий, обстоятельств или факторов, окружающих конкретную деятельность или событие³. Именно обстановка определяет тот контекст, в котором происходит определенная деятельность (в нашем случае – при расследова-

нии преступлений), она может влиять на ее ход и результат. Таким образом, явление может быть частью обстановки, поскольку обстановка может включать в себя и другие факторы.

Почти так же определяет ситуацию расследования, правда проблемную, М.Ю. Лакомская. По ее мнению, «проблемная ситуация расследования (в прикладном аспекте) определяется совокупностью сведений (оперативной и криминалистически значимой информации), которая требует криминалистического анализа для выдвижения и построения системы следственных версий с целью ее использования для отыскания данных, причинно связанных с событием преступления и еще не известных расследованию» [7, с. 10].

Однако названная совокупность сведений все-таки уже понятия той обстановки или тех условий, в которых это расследование осуществляется. Такая обстановка существует объективно и не зависит от того, насколько полно она познана следователем. Следователь может не получить какую-то информацию от оперативных сотрудников, которые помогают ему в этом процессе, по разным причинам, но это вовсе не значит, что таких фактов не существует. Он сам может проводить какие-то следственные действия, например допрос свидетелей, которые также могут не ответить исчерпывающе на его вопросы в силу того, что они не располагают нужной информацией. Но это также не означает, что тех фактов, которые хотел установить следователь, не существует – просто в данный момент ему о них неизвестно. Именно поэтому, неправильно оценив существующую ситуацию, следователь может принять неверное решение со всеми вытекающими последствиями.

По данному вопросу нам ближе точка зрения В.Н. Карагодина, который определяет ситуацию расследования как «систему взаимосвязанных, объективно существующих условий окружающей действительности, влияющих на выбор и реализацию средств, приемов и методов установления обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела» [8, с. 42]. Аналогичного мнения придерживаются Е.В. Смагин [9, с.181] и О.Я. Баев [10, с. 402].

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что процесс расследования преступлений протекает в объективно существующих условиях и не зависит от того, насколько полно их воспринимает следователь. Эти условия могут заключаться в реально существующих, но еще не обнаруженных обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, например: в сокрытии лицами, противодействующими расследованию, различных предметов или следов; в получении ими информации о наличии в распоряжении следовате-

¹ Этимология и история слов [Электронный ресурс]. – URL: <https://etymological.academic.ru/4123> (дата обращения: 15.05.2025).

² Карта слов и выражений русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 15.05.2025).

³ Там же.

ля доказательств о причастности конкретных лиц к данному преступлению и корректировке своей линии поведения; в отношениях между другими участниками уголовного процесса, выражающихся как в сотрудничестве, так и конфликте, в том числе скрытом. Вместе с тем несвоевременное выявление конфликтного поведения, например сокрытия преступления или иного противодействия, может привести к серьезным препятствиям в расследовании. Причем конфликт может существовать объективно, даже если одна из сторон не осознает его наличия.

Все эти и другие неназванные обстоятельства продолжают существовать, даже если они и не стали известными следователю. Но такое положение неблагоприятно влияет на оценку сложившейся на тот или иной момент ситуации, в которой действует следователь, а следовательно, на выбор его решений. То есть в ситуации расследования главной фигурой является следователь. Именно от того, насколько оценка сложившейся ситуации расследования окажется соответствующей реальной действительности, будет зависеть составление оптимального плана его действий, направленных на достижение цели. Как справедливо по этому поводу отметил О.Я. Баев, «такая оценка осуществляется им на основе своего интеллекта, психологической толерантности, опыта работы... личностных своих качеств, что и создает для него реальную ситуацию его деятельности» [10, с. 402].

Разумеется, оценка ситуации расследования всегда носит субъективный характер и во многом зависит от личных качеств следователя. Очевидно, что оценка, данная опытным профессионалом, будет отличаться от оценки начинающего следователя. Однако методические рекомендации по расследованию преступлений разрабатываются с учетом работы стандартного следователя, обладающего необходимыми интеллектуальными и профессиональными качествами. Именно поэтому начинающим следователям оказывается поддержка со стороны коллег, а также руководителя, который закрепляет за ними наставника. Задача наставника – помочь молодому сотруднику распознать следственную ситуацию как криминалистическую категорию, для которой уже существуют типовые рекоменда-

ции, и научить адаптировать эти рекомендации к конкретным условиям расследования.

В свою очередь, мы предлагаем свое определение *ситуации расследования*. Это совокупность объективно сложившихся условий и факторов, характеризующих обстановку, в которой происходит установление обстоятельств преступления, и формирующих основу для принятия решений о дальнейших действиях следователя в рамках расследования.

В заключение можно отметить, что хотя в криминалистической литературе существует достаточно рекомендаций по расследованию различных видов преступлений, использовать их эффективно можно, только учитывая наличие или отсутствие различных факторов, влияющих на обстановку, в которой оно осуществляется, т.е. ситуацию расследования (например, противодействие со стороны лиц, не заинтересованных в установлении всех обстоятельств данного преступления).

Важным компонентом ситуации расследования является ее оценка следователем. От того, насколько эта оценка будет адекватна существующим условиям, и будет зависеть правильное определение направления расследования, а следовательно, составление конкретного и реалистичного плана с целью получения как можно полной и объективной информации о расследуемом преступном событии, лицах, к нему причастных.

Несмотря на то что исходные сведения о происшедшем преступлении следователь получает исходя из сложившейся на тот или иной момент расследования следственной ситуации, именно условия, в которых оно осуществляется, являются определяющими. Для того чтобы уголовное дело расследовалось полно, всесторонне и объективно, следует использовать необходимые средства и методы для выявления негативных факторов, влияющих на процесс расследования, и принимать все возможные меры для их нейтрализации, а затем и устранения.

Полагаем, что предложенные рекомендации могут существенно повысить эффективность работы сотрудников правоохранительных органов в процессе расследования преступлений, улучшить качество собираемых доказательств и повысить общую результативность оперативной деятельности.

Литература

1. Киселева М.А. Следственная ситуация как информационная модель реальных ситуаций расследования: сборник материалов криминалистических чтений. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России. – 2021. – № 187. – С. 24–25.
2. Крамаренко В.П. Учет фактора времени и временных связей при познании криминальной и следственной ситуации / Закон и правопорядок в третьем тысячелетии: материалы Международной научно-практической конференции. – Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета России, 2017. С. 157–158.

3. **Гаело В.К.** Следственная ситуация / Избранные труды; сост. В.В. Сорокин, Н.А. Дудко. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2011. С. 282–286.
4. **Волчецкая Т.С.** Ситуационный подход в практической и исследовательской деятельности: учебное пособие. – Калининград: Калининградский государственный университет, 1999. – 74 с.
5. **Яблоков Н.П.** Криминалистика: учебник и практикум для вузов. –3-е изд. переб. и доп. – Москва: Юрайт, 2025. – 239 с.
6. **Луценко О.А.** Ситуация расследования: следственная или криминалистическая? // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2011. – № 1 (7). – С. 69–99.
7. **Лакомская М.Ю.** Проблемные ситуации расследования преступлений и их разрешение посредством тактических операций: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2019. – 186 с.
8. Криминалистика: учебник для вузов / под общ. ред. Председателя Следственного комитета Российской Федерации д-ра юрид. наук, профессора генерала юстиции Российской Федерации А.И. Бастрыкина. – Москва: Юрайт, 2025. – 643 с.
9. **Смахтин Е.В.** Следственная ситуация и ситуация расследования: соотношение понятий / Ситуационные аспекты раскрытия и расследования преступлений: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Ситуационные аспекты раскрытия и расследования преступлений», посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки России доктора юридических наук, профессора Леонида Яковлевича Драпкина. С. 179–183.
10. **Баев О.Я.** Избранные работы по проблемам криминалистики и уголовного процесса. – Москва: Эксмо, 2011. – 1285 с.

References

1. **Kiseleva M.A.** Sledstvennaya situatsiya kak informatsionnaya model' real'nykh situatsii rassledovaniya: sbornik materialov kriminalisticheskikh chtenii. – Barnaul: Barnaul'skii yuridicheskii institut MVD Rossii. – 2021. – № 187. – S. 24–25.
2. **Kramarenko V.P.** Uchet faktora vremeni i vremennykh svyazei pri poznanii kriminal'noi i sledstvennoi situatsii / Zakon i pravoporyadok v tret'em tysyacheletii: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Kaliningrad: Kaliningradskii filial Sankt-Peterburgskogo universiteta Rossii, 2017. S. 157–158.
3. **Gavlo V.K.** Sledstvennaya situatsiya / Izbrannye trudy; sost. V.V. Sorokin, N.A. Dudko. – Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2011. S. 282–286.
4. **Volchetskaya T.S.** Situatsionnyi podkhod v prakticheskoi i issledovatel'skoi deyatel'nosti: uchebnoe posobie. – Kaliningrad: Kaliningradskii gosudarstvennyi universitet, 1999. – 74 с.
5. **Yablokov N.P.** Kriminalistika: uchebnik i praktikum dlya vuzov. –3-е изд. переб. и доп. – Москва: Yurait, 2025. – 239 с.
6. **Lutsenko O.A.** Situatsiya rassledovaniya: sledstvennaya ili kriminalisticheskaya? // Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. – 2011. – № 1 (7). – S. 69–99.
7. **Lakomskaya M.Yu.** Problemnye situatsii rassledovaniya prestuplenii i ikh razreshenie posredstvom takticheskikh operatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. – Krasnodar, 2019. – 186 с.
8. Криминалистика: учебник для вузов / под общ. ред. Председателя Следственного комитета Российской Федерации д-ра юрид. наук, профессора генерала юстиции Российской Федерации А.И. Бастрыкина. – Москва: Юрайт, 2025. – 643 с.
9. **Smakhtin E.V.** Sledstvennaya situatsiya i situatsiya rassledovaniya: sootnoshenie ponyatii / Situatsionnye aspekty raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Situatsionnye aspekty raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii», posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya zaslužhennogo deyatelya nauki Rossii doktora yuridicheskikh nauk, professora Leonida Yakovlevicha Drapkina. S. 179–183.
10. **Baev O.Ya.** Izbrannye raboty po problemam kriminalistiki i ugolovnoyu protsessu. – Moskva: Eksmo, 2011. – 1285 s.

(статья сдана в редакцию 28.08.2025)

**ЗНАЧЕНИЕ ПОКАЗАНИЙ ПОТЕРПЕВШИХ ДЛЯ РАСКРЫТИЯ
МОШЕННИЧЕСТВ, СВЯЗАННЫХ С ОТЧУЖДЕНИЕМ ЖИЛЬЯ
ГРАЖДАН (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

**SIGNIFICANCE OF VICTIM TESTIMONY FOR UNCOVERING
FRAUD, RELATED TO THE ALIENATION OF CITIZENS 'HOUSING
(ON THE EXAMPLE OF THE BELGOROD REGION)**

УДК 343.98

А.Н. АЛЕКСАНДРОВ,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
alexander788@mail.ru

ALEXANDER N. ALEXANDROV,

Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Р.С. ПОЗДЫШЕВ,

кандидат юридических наук, доцент
(Нижегородская академия МВД России,
Россия, Нижний Новгород)
rmanpzdyshev@rambler.ru

ROMAN S. POZDYSHEV,

Candidate of Law, Associate Professor
(Nizhniy Novgorod academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Nizhny Novgorod, Russia)

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные вопросы правоприменительной практики следственных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, связанные с расследованием мошенничеств, совершаемых с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий и направленных на понуждение граждан к отчуждению собственного жилья в целях дальнейшего хищения вырученных денежных средств. Авторы обращают внимание на использование злоумышленниками средств социальной инженерии при совершении таких преступлений, а также на очевидное вовлечение нескольких лиц для осуществления обмана и (или) злоупотребления доверием гражданина в каждом случае мошенничества. На примере показаний потерпевших по отдельным уголовным делам о таких преступлениях, совершенных в отношении жителей Белгородской области, приведены примеры методов и способов обмана собственников жилья в целях хищения вырученных денежных средств от продажи недвижимости. Определены проблемные аспекты полноты и качества допросов потерпевших, обозначена прямая взаимосвязь данного аспекта практической деятельности следователя с возможностью раскрытия расследуемого преступления, в том числе путем установления и проверки на причастность к его совершению всех фигурантов исследуемых событий. Сформулированы рекомендации в виде дополнительных вопросов потерпевшим в ходе их допроса по таким уголовным делам и обозначена необходимость их выяснения в целях установления истины. В статье также рассматриваются другие значимые способы предупреждения рассматриваемого вида мошенничеств в отношении граждан.

Ключевые слова: обман гражданина, собственник жилья, социальная инженерия, хищение денежных средств, показания потерпевшего, раскрытие преступления, предотвращение мошенничества.

Для цитирования: Александров А.Н., Поздышев Р.С. Значение показаний потерпевших для раскрытия мошенничеств, связанных с отчуждением жилья граждан (на примере Белгородской области) // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 4. – С. 57–64.

Abstract: the article discusses current issues of law enforcement practice of investigative units of the internal affairs bodies of the Russian Federation related to the investigation of fraud aimed at forcing citizens to alienate their own homes in order to further embezzle the proceeds, committed using modern information and telecommunications technologies. The authors draw attention to the use of social engineering tools

by malefactors in the commission of such crimes, as well as the obvious involvement of several persons to deceive and (or) abuse the trust of a citizen in each case of fraud. Using the testimony of victims in individual criminal cases of such crimes committed against residents of Belgorod, Belgorod region, examples of methods and methods of deceiving homeowners in order to steal the proceeds from the sale of real estate are given. The authors identify problematic aspects of the completeness and quality of interrogations of victims, and identify the direct relationship between this aspect of the investigator's practice and the possibility of uncovering the crime under investigation, including by establishing and verifying the involvement of all those involved in the events under investigation. Recommendations are formulated in the form of additional questions to victims during their interrogation in such criminal cases and the need to clarify them in order to establish the truth is outlined. The article also discusses other significant ways to prevent this type of fraud against citizens.

Keywords: deception of a citizen, homeowner, social engineering, embezzlement of funds, victim's testimony, crime detection, fraud prevention.

For citation: Alexandrov A.N., Pozdyshev R.S. Significance of victim testimony for uncovering fraud, related to the alienation of citizens 'housing (on the example of the Belgorod region) // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 4. – P. 57–64.

Вопросы формирования доказательств по уголовным делам о преступлениях, совершаемых с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ), являются очень значимыми, поскольку специфика используемых методов и способов совершения таких преступлений обязывает органы предварительного расследования учитывать особенности и обеспечивать собирание убедительных доказательств виновности лиц в совершении расследуемых преступлений.

На протяжении ряда лет граждане Российской Федерации подвергаются постоянному противоправному агрессивному воздействию со стороны различных злоумышленников, конечной целью которых является хищение денежных средств. Мошенники постоянно используют новые способы обмана, при этом активно применяя методы социальной инженерии.

Согласно официальным данным о состоянии преступности в Российской Федерации, из всего количества совершенных в 2024 году тяжких и особо тяжких преступлений 40% были совершены с использованием современных ИТТ. При этом фиксируется тенденция роста на протяжении ряда лет количества преступлений с использованием названных современных технологий. В 2024 году также зафиксировано увеличение количества таких преступлений. МВД России фиксирует почти на 40% рост суммы ущерба от дистанционных мошенничеств по итогам 2024 года¹. Так, если в 2023 году это

было 147 млрд рублей, то в 2024 году общий ущерб для граждан составил 200 млрд рублей. По данным МВД России, за первые четыре месяца 2025 года в Российской Федерации зарегистрировано 188 тысяч дистанционных хищений на общую сумму 64 млрд рублей. За указанный период текущего года зафиксировано более 308 тысяч ИТ-преступлений, основная масса которых – дистанционные кражи. Ущерб за 4 месяца составил 64 млрд рублей, а это на 17% больше, чем за аналогичный период прошлого года².

Очевидным является тот факт, что повсеместное внедрение информационно-телекоммуникационных систем порождает качественные изменения в структуре преступности, в частности распространение мошенничества, совершаемого с использованием средств телефонной связи [1]. Более того, в настоящее время злоумышленники активно используют для совершения мошенничества IP-телефонию, ставшую альтернативой сотовой и проводной связи. IP-телефония – это технология голосовой связи, реализуемая через Интернет при помощи протокола IP (Internet Protocol), при которой в момент телефонного звонка происходит оцифровка голосового сообщения пользователя, поступающего в виде пакета данных на облачную АТС (автоматическую телефонную станцию). После чего устройство другого пользователя (адресата звонка) распознает этот сигнал, декодирует поступившую информацию и трансформирует ее в обычную речь человека. Именно эта технология позволяет передавать голосовой сигнал по веб-каналам и делать звонки практически с любого электронного

¹ Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/reports/> (дата обращения: 20.06.2025).

² Там же.

устройства, имеющего доступ к глобальной или корпоративной сети [2].

Общеизвестно, что мошенники в целях достижения своих преступных целей, направленных на хищение денежных средств граждан, активно используют методы социальной инженерии, которые позволяют им совершить обман и понудить человека к совершению сделки по купле-продаже своего жилья, а также последующему переводу вырученных денежных средств на «безопасный» счет либо передачи их «курьеру». К примеру, если в 2022 году Генпрокуратура России зафиксировала свыше 6 тысяч случаев, когда россияне лишились недвижимости таким образом, то в 2023-м – уже более 8 тысяч³.

Методы социальной инженерии в симбиозе с телекоммуникационной составляющей образуют такой способ мошенничества, как вишинг, который является одним из разновидностей фишинга и заключается в том, что злоумышленники, используя телефонную коммуникацию и исполняя определенную роль (сотрудника банка или правоохранительных органов, покупателя недвижимости и т.д.), создают ситуацию, позволяющую манипулировать человеческими чувствами, и под разными предлогами выманивают у жертвы конфиденциальную информацию или стимулируют на совершение заранее запрограммированных преступником действий со счетами (наличными денежными средствами) или принадлежащим жертве имуществом [3].

К сожалению, отсутствует официальная статистика в Российской Федерации по количеству совершенных и раскрытых мошенничеств, связанных с понуждением граждан к продаже своего жилища в целях последующего хищения вырученных денежных средств. Однако отсутствие таких официальных сведений не снижает актуальности вопросов эффективности деятельности правоохранительных органов в борьбе с рассматриваемым видом мошенничества. Регулярные сообщения в средствах массовой информации России о подобных совершаемых преступлениях в настоящий период свидетельствуют о значительном их количестве.

В своей практической деятельности сотрудники правоохранительных органов сталкиваются с рядом проблемных вопросов, вызванных именно особенностями механизма рассматриваемого вида мошенничества. К ним относятся сложности в идентификации мошенников, использующих технологии автоматизированной симуляции

голоса, сокрытия данных о местонахождении серверов и абонентских устройств [4].

Наверняка представители научного сообщества и практические сотрудники согласятся, как и авторы данной статьи, с мнением специалистов о том, что главным источником получения доказательственной информации на первоначальном этапе расследования дел о преступлениях, совершаемых с использованием современных ИТТ, является допрос потерпевшего [5].

В ходе проводимого нами исследования было изучено содержание показаний потерпевших – одного из основных видов доказательств по уголовным делам о таких преступлениях, материалы которых предоставлены следственными подразделениями УМВД России по Белгородской области⁴. Анализ содержания протоколов допросов потерпевших позволяет говорить о необходимости более детального выяснения обстоятельств каждого расследуемого преступления с очевидным участием нескольких лиц, каждое из которых выполняло свою преступную роль.

Для наглядности в качестве примеров приведем обстоятельства совершения мошенничеств по двум уголовным делам. Одно из них возбуждено по факту хищения неизвестными лицами денежных средств, принадлежащих жительнице г. Белгорода, гражданке Л., 1997 года рождения, в октябре 2024 года.

В ходе допроса потерпевшей установлено, что 30 октября 2024 года ей позвонил муж и сообщил о том, что на ее телефон позвонит сотрудник Центрального банка России (далее – ЦБ России) для разъяснения ситуации. В этот же день в мессенджере «Телеграм» ей позвонил работник ЦБ России, который представился полным именем (далее – М.), при этом номер его мобильного телефона был определен. Последний сказал ей, что личный кабинет ее мужа в «Госуслугах» взломали мошенники и завладели его паспортными данными. М. заверил Л. в том, что теперь мошенники смогут создать финансовые проблемы для нее и ее мужа. На вопрос М. о том, клиентом каких банков является Л., потерпевшая сообщила в полном объеме достоверную информацию, перечислив наименования банков. Л. позже сообщила, что М. выяснил у ее мужа сведения о том, что у Л. имеется в собственности квартира в г. Курске, которая готовится потерпевшей на продажу конкретным покупателям. На вопрос М. о том, какую денежную сумму потерпевшая выручит от продажи своей квартиры, последняя назвала цифру 3 500 000 рублей. После этого М. сразу

³ В России запретят приобретать жилье за наличные [Электронный ресурс]. – URL: <https://iz.ru/> (дата обращения: 20.06.2025).

⁴ Материалы следственной практики, предоставленные Следственным управлением УМВД России по г. Белгороду.

же сообщил ей о необходимости перевода этих денег в ЦБ России для сохранности, поскольку эта финансовая организация отвечает за ее деньги. Далее М. сообщил ей, что на ее имя в различных банках оформлены заявки на получение кредитов и поэтому следует действовать на опережение мошенников. Для этого, по словам М., потерпевшей следовало оформить кредиты в этих же банках, а деньги перевести в ЦБ России для их сохранности. 31 октября потерпевшая обратилась в Банк ВТБ, где ей одобрили кредит на сумму 504 000 рублей. После этого по указанию М. она установила на свой телефон приложение «МирПэй», при помощи которого ввела данные своей банковской карты, далее через банкомат ВТБ внесла на нее кредитные денежные средства.

4 ноября потерпевшая обратилась в Сбербанк, где ей одобрили кредит на сумму 363 000 рублей, которые она внесла на свою банковскую карту, также используя приложение «МирПэй».

Двумя днями ранее, то есть 2 ноября, на банковскую карту Л. «Сбербанка» поступили денежные средства в размере 3 500 000 рублей от продажи квартиры в г. Курске. В телефонном разговоре М. сообщил потерпевшей о том, что все эти деньги необходимо обналичить и направить в ЦБ России либо перевести на ее новые банковские карты или передать курьеру для обеспечения сохранности денег.

Следует отметить, что в ходе допроса потерпевшей не задавался вопрос о том, каким образом М. стало известно о поступлении Л. денежных средств от продажи ею квартиры.

В этот же день потерпевшая в Сбербанке обналичила денежные средства в указанной сумме, о чем сообщила М. по телефону. 3 ноября к ее дому пришел курьер – молодой человек, приметы которого Л. назвала. Однако следователем не отражены в протоколе допроса потерпевшей сведения о том, может ли она опознать этого человека при встрече.

Молодой человек (курьер), он же второй фигурант, при встрече обменялся с потерпевшей условленными фразами-паролями, после чего передал ей два экземпляра курьерского листа, один из которых она подписала и передала курьеру, а также денежные средства в размере 3,5 млн рублей, помещенные в цветной пакет. 5 ноября М. в телефонном разговоре с потерпевшей выяснил, имеется ли у нее в собственности еще какая-либо недвижимость. Потерпевшая сообщила М. о своей квартире в г. Белгороде. После этого от М. поступила настоятельная рекомендация продать эту квартиру, так как «черные» риелторы готовят документы по незаконному отчуждению данной недвижимости из

собственности потерпевшей. Л. согласилась на данное предложение М., который сообщил ей данные о конкретном агентстве недвижимости в г. Белгороде для оказания помощи в продаже квартиры, куда она позвонила и сообщила о своем намерении. 6 ноября к ней приехал риелтор, который осмотрел квартиру и определил ее стоимость в размере 2 600 000 рублей.

Также важно отметить, что в ходе допроса у потерпевшей не выяснялось, по какой причине она не проявила бдительность и согласилась продать свою квартиру в г. Белгороде, а также советовалась ли по поводу продажи со своим мужем, близкими родственниками или знакомыми.

12 ноября потерпевшая продала свою квартиру в г. Белгороде за 2,6 млн рублей, при этом оформление сделки было нотариальным. Данную денежную сумму она получила наличными. О продаже своей квартиры Л. сообщила М., который указал на необходимость внесения вырученных денег через банкомат на свою банковскую карту, что она и сделала в этот же день. 13 ноября после очередного общения с М. потерпевшая со своим мужем поняли, что стали жертвами мошенников, поскольку все денежные средства от продажи двух квартир и кредитные средства стали им недоступны.

По результатам анализа показаний потерпевшей приходится констатировать, что их содержание не позволяет увидеть и понять всей полноты и последовательности исследуемых событий и других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Следователем не выяснены сведения от потерпевшей о способах перевода и подробных обстоятельствах фактической передачи денежных средств неизвестным лицам, которые были получены потерпевшей от продажи ее второй квартиры в г. Белгороде.

Из содержания показаний потерпевшей очевидно, что в период совершения в отношении нее вышеуказанных мошеннических действий принимало участие не менее трех лиц, чья причастность в исследуемым событиям очевидна. Однако неполнота допроса потерпевшей оставляет много вопросов по многим важным обстоятельствам и очевидно свидетельствует о необходимости дополнительного ее допроса с качественной предварительной подготовкой следователя к его проведению.

Другой пример – уголовное дело, возбужденное по факту хищения неустановленными лицами денежных средств, принадлежащих жительнице г. Белгорода, гражданке В., 1960 года рождения, в марте 2025 года. В ходе допроса потерпевшей установлено, что первоначальный телефонный звонок ей поступил от неизвестного мужчины (1-й фигурант), представившегося

работником многофункционального центра по предоставлению государственных и муниципальных услуг (далее – МФЦ), который сообщил о якобы просроченном полисе обязательного медицинского страхования гражданина. После краткого разговора потерпевшей позвонила женщина (2-й фигурант), назвалась полным именем, представилась оператором и сообщила о том, что потерпевшая недавно разговаривала с мошенником и поэтому необходимо аннулировать некий документ. Эта же женщина соединила потерпевшую со специалистом «Роскомнадзора» (3-й фигурант), который сообщил об оформлении доверенности на неизвестное потерпевшей лицо. Далее потерпевшую соединили с другим сотрудником «Роскомнадзора» (А.В. Топилиным, 4-м фигурантом), который пообещал аннулировать доверенность, но перед этим указал на необходимость поговорить с сотрудником Федеральной службы безопасности (5-й фигурант). При этом общение с последним было по видеосвязи. В ходе разговора он сообщил потерпевшей, что на нее оформлен кредит, но по этому вопросу также нужно поговорить с другим человеком, который в телефонном разговоре сообщил, что оформлено уже три кредита на ее имя. В период с 13 по 17 марта А.В. Топилин звонил неоднократно потерпевшей и направлял ей в «Ватсапе» фотоизображения различных выписок. 18 марта А.В. Топилин позвонил потерпевшей и сообщил о необходимости позвонить по названному им номеру в риелторскую компанию с намерением продать свою квартиру для того, чтобы сотрудники Федеральной службы безопасности Российской Федерации «вышли на след мошенников». Когда потерпевшая позвонила по названному номеру, то в разговоре неизвестная по имени Маргарита (6-й фигурант) сообщила о скором ее прибытии для оценки квартиры. Вместе с риелтором Маргаритой приехала покупательница Виктория (7-й фигурант), приметы которых потерпевшая запомнила и назвала. Через некоторое время А.В. Топилин сообщил потерпевшей по телефону о том, что будет проведена операция «Гроза» и осуществлен выкуп квартиры, то есть оформлена фиктивная сделка.

В ходе изучения нами показаний потерпевшей В. возник очевидный вопрос: почему потерпевшая не проявила сомнений в необходимости совершения вышеописанных действий? Однако такой вопрос не задавался следователем.

Далее А.В. Топилин назвал другого человека (8-й фигурант), который будет курировать сделку. 18 марта позвонила покупательница Виктория и сказала, что согласна купить квартиру. 19 марта риелтор Маргарита приехала вместе с покупа-

телем Викторией, после чего они вместе с потерпевшей поехали в МФЦ в г. Строителе Белгородской области. Перед входом потерпевшей передали в руки 2 млн 500 тыс. руб.

Следует отметить, что в ходе допроса потерпевшей не задавались вопросы о порядке действий каждого в МФЦ, а также не выяснены другие важные обстоятельства того периода.

После пребывания в МФЦ потерпевшую отвезли домой, где она позвонила А.В. Топилину и сообщила о совершенной сделке. Ее соединили в телефонном разговоре с сотрудником службы ИНКАС (9-й фигурант), который сообщил, что за деньгами приедет курьер (10-й фигурант), которому необходимо отдать деньги, не разговаривая с ним, но назвав код «4402». Очевидно, что потерпевшая уже не могла адекватно воспринимать действительность и не задавалась вопросом о передаче неизвестному денежных средств. После передачи денег неизвестному, потерпевшая стала звонить А.В. Топилину, но на звонки уже никто не отвечал. В этот момент потерпевшая осознала, что стала жертвой мошенников.

Из приведенного примера видно, что фигурантами исследуемых событий, находившимися в дистанционном и непосредственном общении с потерпевшей, являлись не менее 10 неизвестных лиц, личность и роли каждого из которых необходимо устанавливать в период расследования по делу. Очевидно, что допрос потерпевших по таким уголовным делам требует тщательной подготовки со стороны следователя в целях выяснения всех необходимых вопросов, а также обстоятельств, которые позволяют выдвигать версии совершенного преступления и обеспечить качественное планирование дальнейших следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий по его раскрытию.

В этой связи считаем возможным предложить перечень обязательных дополнительных вопросов в ходе допроса потерпевших, в том числе направленных на установление обстоятельств, способствовавших совершению таких преступлений, и принятие необходимых мер по их устранению.

В ряду таких вопросов потерпевшему предлагаются следующие:

1. Известно ли было ранее, до совершения в отношении потерпевшего расследуемого преступления, о том, что неизвестные лица посредством телефонного разговора осуществляют обман граждан в целях завладения их денежными средствами?

2. Если о существовании таких мошеннических действиях со стороны неизвестных лиц было известно, то по какой причине потерпевший своевременно не прекратил контакты (те-

лефонные разговоры, ответы на электронные сообщения, переписку и т.п.), а также личные встречи, чтобы не стать жертвой преступления?

3. Какую причину может назвать потерпевший, по которой он продолжил контакты с неизвестным лицом (лицами), выполнял их указания и отвечал на поступающие вопросы?

4. В каком эмоциональном, психологическом состоянии находился потерпевший в период совершения в отношении него мошеннических действий (возможно, страх, волнение и др.), и что явилось основной причиной такого негативного состояния?

5. В случае обращения потерпевшего в банк для оформления договора займа или потребительского кредита по настоянию неизвестных лиц сообщал ли он банковскому работнику об истинных причинах оформления соответствующего договора? Если потерпевший по своей инициативе не сообщал банковскому работнику таких причин, то задавались ли соответствующие вопросы ему со стороны работников банка перед оформлением договора?

6. По какой причине потерпевший не сообщил банковскому работнику об истинных причинах своего обращения в банк для оформления кредита?

7. Сообщал ли потерпевший кому-либо из родственников, близких и знакомых лиц о происходящих событиях, связанных с обстоятельствами, в которые вовлечены неизвестные ему лица? Также сообщал ли потерпевший кому-либо из названных лиц о своих намерениях перевода личных денежных средств на «безопасный счет», намерениях по оформлению кредита и последующего перевода заемных денежных средств на «безопасный счет» или необходимости передачи их курьеру?

8. В случае когда по настоянию неизвестных лиц потерпевшему предложили осуществить продажу своего жилища (квартиры, дома) под предлогом якобы его сохранения «от посягательства мошенников», какова причина дачи своего согласия на совершение последующих необходимых действий?

9. Сообщал ли потерпевший кому-либо из родственников, близких или знакомых лиц о своих намерениях продажи жилища по настоянию неизвестных лиц? Если об этом не сообщалось кому-либо из названных лиц, то по какой конкретно причине?

10. В ходе общения с риелтором, нотариусом, работником МФЦ, покупателем жилища в период оформления сделки купли-продажи сообщал ли потерпевший данным лицам об истинных причинах продажи своего жилища? Если не сообщал, то по какой именно причине?

Задавал ли кто-либо из названных лиц вопросы потерпевшему о причинах необходимости продажи своего жилья, а также вопросы о возможном понуждении к этому со стороны неизвестных лиц?

11. В какой момент пришло осознание потерпевшим того, что он явился жертвой мошенников?

12. По какой причине потерпевший не обратился в полицию за разъяснениями информации, которую ему сообщили неизвестные, либо за помощью в сложившейся ситуации?

13. В настоящий момент, уже после совершения мошеннических действий в отношении потерпевшего, какие он может назвать причины того, что он позволил себя обмануть неизвестным лицам?

Как справедливо отмечают отдельные специалисты, допрос потерпевшего в рамках расследования уголовных дел рассматриваемой категории представляет наибольшую криминалистическую значимость для следствия. Показания потерпевшего являются одним из основных источников доказательственной информации при расследовании мошенничеств, совершенных с использованием методов социальной инженерии [6]. Кроме того, поскольку по обстоятельствам совершения расследуемых преступлений очевидно участие в расследуемых событиях работников финансово-кредитных учреждений, МФЦ, нотариусов, риелторов, то обязательной является проверка (установление) их возможной причастности к совершению таких преступлений.

В связи с этим в ходе расследования уголовного дела должно быть организовано надлежащее взаимодействие с заинтересованными оперативными подразделениями. Следовательно следует поручать проведение ОРМ, направленных на установление и проверку причастности всех участников событий к совершению расследуемого преступления, по результатам проведения которых надлежит осуществлять допросы всех фигурантов по уголовному делу, предварительно определившись с их процессуальным статусом (свидетель либо подозреваемый).

Согласимся с тем, что знания элементов криминалистической характеристики рассматриваемого вида мошенничества и умелая их правоприменительная интерпретация позволяют правоохранительным органам на начальном этапе выявления данных преступлений выдвигать адекватные версии об элементах механизма преступного деяния и лицах, к нему причастных, а также планировать и проводить необходимые следственные действия и оперативно-разыскные мероприятия [7].

Таким образом, качественное исследование обстоятельств каждого совершенного преступления позволит эффективно выявлять истинные обстоятельства, способствовавшие их совершению, и принимать меры к их устранению, в том числе посредством формирования законодательных инициатив по внесению необходимых изменений (дополнений) в действующее законодательство.

Вопросы предупреждения вышеуказанного вида мошенничества с каждым днем становятся все более обсуждаемыми в общественном пространстве, в связи с чем можно услышать инициативы от представителей научного и юридического сообществ, правоохранительных и контролирурующих органов Российской Федерации.

При анализе обстоятельств, способствовавших совершению рассматриваемых преступлений, очевидным во многих случаях является виктимное поведение самих жертв. Справедливости ради можно согласиться с мнением отдельных специалистов о том, что потерпевшие чаще всего имеют не критичный характер поведения, демонстрируя неосмотрительность и неумение оценить ситуацию, а в некоторых случаях в основе их поведения преобладает корыстная мотивация [8]. Тем не менее государство гарантирует защиту прав граждан, потерпевших от преступлений, и их доступ к правосудию. Многими авторами верно отмечается, что помимо технической, необходимо активно осуществлять информационную профилактику таких преступлений, в рамках которой следует не только разъяснять наиболее распространенные способы дистанционных хищений, но и через используемые гражданами мессенджеры распространять информацию о способах защиты устройств и своих аккаунтов [9]. Для защиты от дистанционных краж необходимо принимать комплексные меры, направленные на предотвращение массового вовлечения граждан в преступления. Это требует разработки и реализации виктимологической профилактики [10].

Необходимо отметить инициативу депутатов Государственной Думы Российской Федерации об ужесточении мер контроля при сделках с недвижимостью: запрет на такие сделки за налич-

ные денежные средства, увеличение сроков до 20 дней (сегодня до 10 дней) на регистрацию прав на недвижимость или приостановление постановки недвижимости на кадастровый учет при выявлении признаков сомнительной сделки. Также предлагается нормирование порядка организации работы риелторов и введение обязательных требований к ним: наличие высшего образования, отсутствие судимости за экономические преступления и другие⁵.

Генеральная прокуратура поддерживает введение запрета на проведение сделок с недвижимостью на наличные денежные средства, а также принятие специального закона, регламентирующего правила оказания посреднических услуг. Также в надзорном ведомстве считают целесообразным рассмотреть вопрос о создании интегрированной системы обмена сведениями между Росреестром и МВД России в целях пресечения неправомерных действий при совершении подозрительных сделок. Актуальным считают введение обязательного нотариального заверения сделок по продаже жилья лицами старше 65 лет. В числе иных предложений – процедура заморозки средств от продажи жилья на счете продавца для защиты его от действий мошенников. Эксперты также предлагают установление расчетов через аккредитив или сервисы электронной регистрации при купле-продаже жилья.

Надеемся, что необходимые дополнительные меры защиты собственников жилья будут приняты на законодательном уровне и положительно проявятся в существенном снижении фактов рассматриваемого вида мошенничества. Очень важным является заинтересованное вовлечение всех государственных органов и структур, а также работников финансово-кредитных организаций в обеспечение защиты собственников жилья и владельцев банковских счетов путем детальной регламентации действий уполномоченных должностных лиц по выявлению признаков мошеннических действий в отношении собственников жилья.

⁵ Россиянам запретят продавать жилье за наличные [Электронный ресурс]. – URL: <https://iz.ru/> (дата обращения: 17.06.2025).

Литература

1. *Машлякевич В.А.* Расследование мошенничеств, совершаемых с использованием средств связи: дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2024. – 240 с.
2. *Пырьева Е.И., Коськова Н.В.* Тактические особенности производства отдельных следственных действий по делам о преступлениях, совершаемых с использованием IP-телефонии // Вестник Воронежского института МВД России. – 2023. – № 3. – С. 279–283.

3. **Бугера М.А.** Отдельные причины и условия хищений чужого имущества, совершаемых дистанционно с использованием средств сотовой связи // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. – № 3. – С. 39–43.
4. **Менщиков А.А., Федосенко М.Ю.** Возможности применения методов социальной инженерии в организации телефонного мошенничества // Экономика и качество системы связи. – 2021. – № 4. – С. 38–43.
5. **Кузнецов А.А., Макаров Р.А.** Допрос потерпевшего при расследовании хищений с банковских карт, совершенных дистанционно с использованием IP-телефонии (SIP-телефонии) / Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации: сборник статей XIX Международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае», посвященной памяти Вениамина Константиновича Гавло; отв. ред. С.И. Давыдов, В.В. Поляков. – Барнаул: изд-во Алтайского университета, 2021. Вып. XVII. С. 313–323.
6. **Мазуров И.Е.** Методика расследования хищений, совершенных с использованием интернет-технологий: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов на Дону, 2017. – 188 с.
7. **Фокин А.Д., Кисленко С.Л.** Особенности криминалистической характеристики мошенничества в сфере оборота недвижимости, совершаемого с использованием средств телефонной связи // Правовой альманах. – 2025. – № 1 (41). – С. 48–60.
8. **Бобровничи́й И.Н.** Виктимологические особенности преступлений против собственности в современных условиях // Социология и право. – 2023. – Т. 15. – № 3. – С. 383–398.
9. **Евтушенко И.И.** Предупреждение виктимизации дистанционных хищений и сферы его воздействия // Виктимология. – 2024. – Т. 11. – № 1. – С. 54.
10. **Майоров А.В.** Теория и методология виктимологического противодействия преступности в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2022. – 49 с.

References

1. **Mashlyakevich V.A.** Rassledovanie moshennichestv, sovershaemykh s ispol'zovaniem sredstv svyazi: dis. ... kand. jurid. nauk. – Barnaul, 2024. – 240 s.
2. **Pyr'eva E.I., Kos'kova N.V.** Takticheskie osobennosti proizvodstva otdel'nykh sledstvennykh deistvii po delam o prestupleniyakh, sovershaemykh s ispol'zovaniem IP-telefonii // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2023. – № 3. – С. 279–283.
3. **Бугера М.А.** Otdel'nye prichiny i usloviya khishchenii chuzhogo imushchestva, sovershaemykh distantsionno s ispol'zovaniem sredstv sotovoi svyazi // Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii. – 2020. – № 3. – С. 39–43.
4. **Menshchikov A.A., Fedosenko M.Yu.** Vozmozhnosti primeneniya metodov sotsial'noi inzhenerii v organizatsii telefonnogo moshennichestva // Ekonomika i kachestvo sistemy svyazi. – 2021. – № 4. – С. 38–43.
5. **Kuznetsov A.A., Makarov R.A.** Dopros poterpevshego pri rassledovanii khishchenii s bankovskikh kart, sovershennykh distantsionno s ispol'zovaniem IP-telefonii (SIP-telefonii) / Problemy bor'by s prestupnost'yu v usloviyakh tsifrovizatsii: sbornik statei XIX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya na Altae», posvyashchennoi pamyati Veniamina Konstantinovicha Gavlo; отв. red. S.I. Davydov, V.V. Polyakov. –Barnaul: izd-vo Altaiskogo universiteta, 2021. Vyp. XVII. S. 313–323.
6. **Mazurov I.E.** Metodika rassledovaniya khishchenii, sovershennykh s ispol'zovaniem internet-tekhnologii: dis. ...kand. jurid. nauk. – Rostov na Donu, 2017. – 188 s.
7. **Fokin A.D., Kislenco S.L.** Osobennosti kriminalisticheskoi kharakteristiki moshennichestva v sfere oborota nedvizhimosti, sovershaemogo s ispol'zovaniem sredstv telefonnoi svyazi // Pravovoi al'manakh. – 2025. – № 1 (41). – С. 48–60.
8. **Bobrovnichii I.N.** Viktimologicheskie osobennosti prestuplenii protiv sobstvennosti v sovremennykh usloviyakh // Sotsiologiya i pravo. – 2023. – Т. 15. – № 3. – С. 383–398.
9. **Evtushenko I.I.** Preduprezhdenie viktimizatsii distantsionnykh khishchenii i sfery ego vozdeistviya // Viktimologiya. – 2024. – Т. 11. – № 1. – С. 54.
10. **Maurov A.V.** Teoriya i metodologiya viktimologicheskogo protivodeistviya prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. – Ekaterinburg, 2022. – 49 s.

(статья сдана в редакцию 04.07.2025)

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ НЕКОТОРЫХ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ

FEATURES OF ESTABLISHING SOME QUALIFYING FEATURES OF CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH

УДК 343.61

А.Н. ПОДЧЕРНЯЕВ,
кандидат юридических наук, доцент
(Орловский юридический институт
МВД России имени В.В. Лукьянова,
Россия, Орел)
aleksmoscow@mail.ru

ALEXANDER N. PODCHERNYAEV,
Candidate of Law, Associate Professor
(Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry
of the Interior of Russia,
Orel, Russia)

Аннотация: настоящая статья представляет собой комплексное исследование, посвященное уголовно-правовому анализу проблем установления квалифицирующих признаков составов преступлений против жизни и здоровья, регламентированных главой 16 Уголовного кодекса Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена фундаментальной ценностью охраняемых благ, а также наличием системных сложностей в правоприменительной практике, связанных с точной квалификацией по статьям 105, 111, 112 Уголовного кодекса Российской Федерации и другим. Неоднозначность законодательных формулировок, оценочный характер многих признаков и трудности в доказывании субъективной стороны создают предпосылки для судебных ошибок и нарушения принципов законности и справедливости. В работе последовательно и детально исследуются наиболее проблемные для толкования и правоприменения квалифицирующие признаки, такие как «беспомощное состояние потерпевшего», «особая жестокость», «общеопасный способ», «убийство по найму» и «хулиганские побуждения». В результате выявлены латентные коллизии и противоречия в их интерпретации, проанализированы критерии разграничения смежных составов. Особый акцент сделан на необходимости доказывания не только объективных обстоятельств содеянного, но и субъективного отношения виновного к этим обстоятельствам. На основе проведенного анализа сформулированы конкретные выводы и рекомендации, направленные на совершенствование правоприменительной деятельности. В частности, обоснована необходимость легального определения ключевых оценочных категорий и разработки более детализированных критериев для их установления. Результаты и предложения, изложенные в статье, имеют практическую значимость для следственных и судебных органов, могут быть использованы в нормотворческом процессе, а также в рамках дальнейших научных изысканий и образовательной деятельности.

Ключевые слова: преступления против жизни, преступления против здоровья, квалифицирующие признаки, беспомощное состояние, особая жестокость, общеопасный способ, хулиганские побуждения, квалификация преступлений.

Для цитирования: Подчерняев А.Н. Особенности установления некоторых квалифицирующих признаков составов преступлений против жизни и здоровья // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 4. – С. 65–71.

Abstract: this article presents a comprehensive criminal law analysis of the challenges of establishing qualifying elements of crimes against life and health, as regulated by Chapter 16 of the Criminal Code of the Russian Federation. The relevance of this topic stems from the fundamental value of protected assets, as well as the systemic difficulties in law enforcement related to precise qualifications under Articles 105, 111, 112 of the Criminal Code of the Russian Federation, and others. The ambiguity of legislative formulations, the evaluative nature of many elements, and the difficulty in proving the subjective element create the preconditions for judicial errors and violations of the principles of legality and fairness. This paper consistently and thoroughly examines the qualifying elements most problematic for interpretation

and application, such as «helpless state of the victim,» «particular cruelty,» «generally dangerous method,» «murder for hire,» and «hooligan motives.» As a result, latent conflicts and contradictions in their interpretation were identified, and the criteria for distinguishing related offenses were analyzed. Particular emphasis was placed on the need to prove not only the objective circumstances of the offense, but also the subjective attitude of the perpetrator toward these circumstances. Based on the analysis, specific conclusions and recommendations aimed at improving law enforcement were formulated. In particular, the need for a legal definition of key evaluative categories and the development of more detailed criteria for their establishment is substantiated. The results and proposals presented in the article have practical significance for investigative and judicial bodies and can be used in the rule-making process, as well as in the framework of further scientific research and educational activities.

Keywords: crimes against life, crimes against health, qualifying features, helpless state, particular cruelty, generally dangerous method, hooligan motives, classification of crimes.

For citation: Podchernyaev A.N. Features of establishing some qualifying features of crimes against life and health // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 4. – P. 65–71.

Актуальность темы настоящей научной статьи обусловлена фундаментальной ценностью жизни и здоровья человека как основных объектов уголовно-правовой охраны, а также наличием существенных проблем в правоприменительной деятельности, связанных с квалификацией преступлений против этих благ. Установление конкретных квалифицирующих признаков составов, предусмотренных, в частности, ч. 2 ст. 105, ч. 2 и 3 ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)¹ и другими нормами, зачастую вызывает значительные трудности у следователей, дознавателей и судей. Неоднозначность формулировок диспозиций норм, отсутствие их единообразного толкования, а также сложность установления признаков субъективной стороны и способа совершения преступления способны привести к судебным ошибкам, неправильной квалификации и, как следствие, к нарушению принципов законности и справедливости при назначении наказания. Степень научной разработанности проблемы достаточно высока, однако динамичность судебной практики и появление новых форм общественно опасных деяний требуют постоянного переосмысления существующих теоретических наработок.

Преступления против жизни и здоровья, закрепленные в главе 16 УК РФ, представляют собой наиболее опасные посягательства на личность, что обусловлено высочайшей ценностью и неотчуждаемостью их родового объекта. Квалифицированные составы данных преступлений, содержащие соответствующие признаки, отягчающие ответственность, образуют сложную иерархиче-

скую систему, отражающую дифференциацию уголовной ответственности в зависимости от наличия дополнительных объективных и субъективных обстоятельств.

Понятие квалифицирующего признака с точки зрения доктрины уголовного права следует трактовать как законодательно закрепленное обстоятельство (отягчающее), которое при наличии его в совершенном деянии изменяет квалификацию, образуя новый состав преступления с более строгой санкцией, и отражает повышенную общественную опасность содеянного. Эти признаки выполняют несколько ключевых функций:

– квалифицирующая функция (именно наличие или отсутствие этих признаков позволяет разграничить основной, квалифицированный и особо квалифицированный составы преступлений);

– разграничительная функция: с их помощью происходит отграничение смежных составов преступлений друг от друга (например, убийства от причинения смерти по неосторожности);

– индивидуализирующая функция (такие признаки позволяют учесть конкретные особенности совершения преступления при назначении наказания, обеспечивая его справедливость и соразмерность).

Система квалифицирующих признаков преступлений против жизни и здоровья строится на принципах полноты, внутренней согласованности и иерархичности. Законодатель, конструируя составы статей 105, 111, 112 и др. УК РФ, группирует признаки, отражающие повышенную общественную опасность самого деяния (например, убийство общеопасным способом – п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ); особые свойства потерпевшего (убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии – п. «в» ч. 2

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

ст. 105 УК РФ); низменность мотивов и целей виновного (убийство из хулиганских побуждений – п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ; по мотиву национальной ненависти – п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ); специфику способа совершения преступления (причинение тяжкого вреда здоровью с особой жестокостью – п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ); тяжесть наступивших последствий (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, – ч. 4 ст. 111 УК РФ).

Значение данной системы невозможно переоценить. Она является важнейшим инструментом правоприменителя, обеспечивая точную юридическую оценку содеянного и, как следствие, соблюдение принципа законности. От правильного установления и оценки квалифицирующего признака напрямую зависит не только вид и размер наказания, но и разграничение смежных составов, что имеет фундаментальное значение для защиты прав и законных интересов как потерпевшего, так и обвиняемого.

Однако, несмотря на теоретическую проработанность функций и значения квалифицирующих признаков, их практическая реализация в правоприменительной деятельности сталкивается с системными проблемами. Ключевая сложность заключается в интерпретации оценочных категорий, используемых законодателем, и установлении субъективного отношения виновного к этим обстоятельствам. Законодательные формулировки, такие как «беспомощное состояние», «особая жестокость», «общепаспортный способ», будучи наполненными конкретным содержанием в правоприменении, способны породить противоречивую судебную практику, поставив под угрозу принцип единообразия в квалификации сходных деяний. Таким образом, основной проблемой квалификации является не отсутствие законодательной регламентации, а латентная коллизия между формальным закреплением признака и необходимостью его содержательного, ситуативного установления в рамках конкретной практической фабулы. Эта проблема требует детального анализа не только буквы закона, но и сложившейся судебной интерпретации, а также доктринального подхода к установлению ключевых квалифицирующих признаков, наиболее часто вызывающих дискуссии.

Так, упомянутое выше беспомощное состояние потерпевшего рассматривается в качестве квалифицирующего признака преступлений против жизни и здоровья (п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112, п. «г» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 120 УК РФ). При этом действующее уголовное законодательство не содержит легального определения указанной категории. Верховный Суд Российской Федерации в п. 7 постановления

Пленума от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»² указывает, что как убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ), надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, неспособному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство. К иным лицам, находящимся в беспомощном состоянии, в соответствии с указанными разъяснениями, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее. При этом анализ современной специальной юридической литературы по данному вопросу показывает, что такой правоприменительный подход вызывает вопросы. К примеру, Д.Ж. Буликеева обращает внимание на принципиально различное понимание беспомощного состояния потерпевшего в преступлениях против жизни и здоровья, а также против половой неприкосновенности и половой свободы, делая вывод о необходимости расширения содержания рассматриваемой категории с отнесением к ней также состояния сна [1, с. 55]. Действительно, анализ п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»³ свидетельствует о более широком толковании категории беспомощного состояния, учитывающем, в частности, состояние сна и тяжелое опьянение. Однако подобный дифференцированный подход обусловлен, скорее, не упущением законодателя, а сознательным разграничением. Беспомощное состояние выступает обязательным признаком объективной стороны в преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ, являясь в то же время квалифицирующим признаком убийства. Очевидно, что при такой законодательной конструкции беспомощное состояние потерпевшего в половых преступлениях должно толковаться шире, с учетом всех возможных вариантов, когда посягающему удастся совершить сексуальные

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 3 марта 2015 г.) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. – 1999. – № 24.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 2.

действия вопреки воле потерпевшего [2, с. 11]. При этом следует согласиться с мнением о необходимости унификации правоприменительно-го подхода к рассматриваемой категории и, возможно, внесения в уголовный закон легального определения понятия беспомощного состояния потерпевшего лица [3, с. 726].

Одним из наиболее сложных для правовой оценки и установления в процессе квалификации является признак совершения убийства общеопасным способом (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Его содержание раскрывается в теории уголовного права и судебной практике через совокупность нескольких обязательных критериев. Во-первых, общеопасный способ предполагает такой метод посягательства на жизнь потерпевшего, который заведомо для виновного представляет опасность не только для одного человека, но и для жизни других людей. Классическими примерами являются взрыв, поджог, обстрел из огнестрельного оружия мест массового скопления людей, затопление, устройство аварий на транспорте, сброс тяжелых предметов с высоты в оживленных местах и т.д. Во-вторых, ключевое значение имеет реальная возможность причинения вреда неопределенному кругу лиц. Важно, что опасность должна быть реальной, а не мнимой, и должна угрожать именно нескольким лицам, круг которых не был заранее определен виновным. Если способ был избран с целью лишить жизни конкретного человека в месте, где исключалось присутствие других лиц, данный признак отсутствует, даже если объективно использованный метод является потенциально общеопасным (например, взрыв в безлюдной местности) [4, с. 89]. В-третьих, обязательным является осознание виновным общеопасного характера своего способа действий. Виновный должен сознавать, что его действия опасны для жизни других людей, и либо желать наступления последствий для этих третьих лиц, либо сознательно допускать их, либо относиться к этому безразлично. Отсутствие такого осознания, даже при объективной опасности способа, исключает квалификацию по п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ [5, с. 75–76]. Особую сложность в квалификации данный признак приобретает при установлении субъективных признаков и разграничении с неосторожным преступлением. Судебная практика свидетельствует о том, что, даже управляя транспортным средством и совершая при этом опасные маневры, виновное лицо может действовать общеопасным способом при наличии субъективного критерия – безразличного отношения к общественно опасным последствиям. В таком случае действия виновного квалифицируются

как умышленное преступление против жизни и здоровья⁴.

Потенциальной ошибкой толкования и правоприменения является смешение данного признака с признаком особой жестокости. Указанные понятия имеют разную правовую природу. Общеопасный способ характеризует повышенную опасность метода действия для общества, в то время как особая жестокость характеризует повышенную опасность личности виновного и его отношения к страданиям жертвы. Теория и практика к способам, свидетельствующим об особой жестокости, относят причинение большого количества телесных повреждений, в том числе и после того, как смерть уже наступила, применение особо мучительных для потерпевшего методов (использование огня, кислоты, ядовитых веществ, длительное лишение пищи и воды), совершение убийства в присутствии близких потерпевшего, когда виновный осознает, что причиняет им тем самым тяжелые психические страдания [6, с. 154]. Субъективный критерий заключается в том, что виновный осознает общественно опасный характер своих действий, связанных с причинением особых страданий, и желает либо сознательно допускает их причинение. Без установления умысла на особую жестокость квалификация по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ невозможна. Например, причинение множества ран в состоянии аффекта или в ходе спонтанной драки, без специального умысла на причинение мучений не может быть автоматически расценено как особая жестокость. При этом количество повреждений само по себе не является достаточным доказательством. Необходимо установить, что виновный действовал с целью причинить максимальные страдания, а, например, не добить жертву в состоянии паники или пытаться скрыть преступление [7, с. 29–30]. Таким образом, установление рассматриваемого признака требует комплексного подхода: проведения судебно-медицинской экспертизы для установления характера повреждений и их прижизненности, допроса свидетелей для выявления обстоятельств совершения преступления и, что самое главное, тщательного анализа поведения и показаний самого виновного для установления его субъективного отношения к содеянному.

Убийство по найму (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ) представляет собой убийство, обусловленное получением исполнителем преступления материального или иного вознаграждения. Данный признак является субъективным, так как харак-

⁴ Приговор Иркутского областного суда № 2-4/2020 2-46/2019 от 28 января 2020 г. по делу № 2-4/2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TO0FxtXwmsJ0/> (дата обращения: 10.09.2025).

теризует мотив деяния – корыстную заинтересованность исполнителя. Квалификация действий виновного по данному признаку обеспечивается установлением ряда обстоятельств. Так, квалификатор должен учитывать наличие соглашения (договоренности) между заказчиком и исполнителем. Соглашение может быть как письменным, так и устным, явным или подразумеваемым. Его существование доказывается через переписку, показания свидетелей, записи переговоров и т.д. Важно установить корыстный мотив исполнителя. Исполнитель действует исходя из желания получить материальную выгоду (деньги, имущество, право на имущество, услуги имущественного характера). При этом согласно п. 11 вышеприведенного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 лица, организовавшие убийство за вознаграждение, подстрекавшие к его совершению или оказавшие пособничество в совершении такого убийства, несут ответственность по соответствующей части ст. 33 и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В данном случае важное прикладное значение имеют правила квалификации при сочетании нескольких квалифицирующих признаков, например убийства по найму двух лиц. По общему правилу, сформулированному в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1, убийство одного человека и покушение на убийство другого надлежит квалифицировать по ч. 1 или ч. 2 ст. 105, по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Если при этом виновное лицо действовало по найму, содеянное, очевидно, следует квалифицировать по п. «з» ч. 2 ст. 105, по ч. 3 ст. 30 и пп. «а», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, то есть по совокупности оконченного убийства по найму одного человека и покушения на убийство двух лиц по найму. При этом подобный подход имеет противников, которые, апеллируя к принципу справедливости (Пленум фактически рекомендует нижестоящим судам наказывать дважды за одно деяние), указывают на отсутствие внятного и бесспорного теоретического обоснования позиции Верховного Суда Российской Федерации [8, с. 49].

Одним из наиболее сложных и дискуссионных квалифицирующих признаков преступлений против жизни и здоровья в уголовном законодательстве являются хулиганские побуждения. Как известно, преступлением, предусмотренным п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ, признается убийство, совершенное на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали, когда поведение виновного является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное

к ним отношение. Иными словами, такое преступление характеризуется внешними (публичность) и внутренними (незначительный повод, отсутствие повода) признаками [9, с. 12–13]. В данном случае важное значение имеет проблема установления хулиганского мотива в случае причинения вреда в ходе ссоры, драки и т.п. Согласно разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации, если зачинщиком ссоры или драки явился потерпевший, а равно в случае, когда поводом к конфликту послужило его противоправное поведение, лицо не подлежит ответственности за совершение в отношении такого потерпевшего преступления из хулиганских побуждений⁵.

Современные исследователи справедливо отмечают, что хулиганский мотив не сочетается и не может одновременно вменяться с рядом других квалифицирующих признаков (корыстные побуждения, по найму) [9, с. 120–121]. При этом, как известно, хулиганский мотив, по мнению законодателя и правоприменителя, вполне органично уживается с экстремистским мотивом, что уже более десяти лет вызывает критические отзывы от представителей уголовно-правовой доктрины. В этой связи, думается, что действия лица, умышленно причинившего смерть потерпевшему на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали и одновременно с мотивом, например, национальной ненависти, могут быть квалифицированы по пп. «и», «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ в случае, если в описательно-мотивировочной части приговора будет установлено и надлежащим образом обосновано, что ненависть виновного лица не имела сугубо личного характера, будучи направленной к общности людей, объединенных общей национальностью либо социальной группе, что явилось незначительным поводом к убийству. Наличие же личного мотива (например, личной неприязни к потерпевшему) должно исключать вменение хулиганского мотива. Хотя данный вопрос остается дискуссионным, поскольку действующая редакция хулиганства (ст. 213 УК РФ) допускает в качестве мотива хулиганства ненависть и вражду [10, с. 121].

Проведенное исследование особенностей установления квалифицирующих признаков составов преступлений против жизни и здоровья позволило сформулировать ряд выводов

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 (ред. от 26 ноября 2024 г.) «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2008. – № 1.

и практических рекомендаций, имеющих значение для совершенствования правоприменительной деятельности. Во-первых, системный анализ объективных квалифицирующих признаков подтвердил необходимость комплексного подхода к их установлению, сочетающего учет как объективных обстоятельств совершения преступления, так и субъективного отношения виновного к содеянному. Во-вторых, исследование субъективных мотивов совершения преступлений продемонстрировало исключительную важность их точного отграничения от личных мотивов (месть, ревность, неприязненные отношения) [11, с. 48–49]. Установлено, что ключевым критерием разграничения является не столько внешняя форма деяния, сколько его внутренняя направленность против общества и общественного порядка либо против конкретного лица в силу личных отношений.

Исследование показывает, что установление квалифицирующих признаков преступлений против жизни и здоровья остается одной из наиболее сложных и дискуссионных задач правоприменительной практики. Основные трудности связаны с интерпретацией оценочных категорий, необходимостью доказывания субъективного отношения виновного к обстоятельствам содеянного и разграничением смежных составов. Несмотря на наличие

разъяснений высших судебных инстанций, противоречия в квалификации сохраняются, что ставит под угрозу принципы законности и справедливости. В этой связи представляется необходимым дальнейшее совершенствование как законодательной техники, так и правоприменительного подхода. Первоочередными мерами могли бы стать легальное закрепление ключевых оценочных понятий (таких как «беспомощное состояние»), разработка более детализированных критериев для установления признаков «особая жестокость» и «общеопасный способ», а также унификация судебной практики. Только комплексный, сбалансированный подход, учитывающий как букву закона, так и особенности конкретного дела позволит обеспечить неотвратимость и соразмерность ответственности за наиболее опасные посягательства на личность.

Представляется, что перспективы дальнейших исследований рассмотренной в статье проблематики заключаются в углубленном изучении проблем установления признаков субъективной стороны преступлений против жизни и здоровья в условиях развития цифровых технологий, когда мотивы и умысел виновного все чаще находят отражение в цифровой среде, а также в анализе практики применения новелл уголовного законодательства, касающихся ответственности за данные преступления.

Литература

1. Буликеева Д.Ж. Проблемы применения квалифицирующего признака «иное лицо, заведомо для виновного находящееся в беспомощном состоянии» // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 17 (308). – С. 54–57.
2. Тыдыкова Н.В. Проблемы содержания термина «беспомощное состояние» в УК РФ // Юрислингвистика. – 2019. – № 13 (24). – С. 10–13.
3. Добровольский Д.Д. Анализ беспомощного состояния в тексте УК РФ и возникающих проблем при квалификации по данному признаку // Вопросы российской юстиции. – 2019. – № 3. – С. 719–728.
4. Лебедев В.М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. – 20-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2023. – 316 с.
5. Пиревирдян А.А. Проблемы квалификации убийства, совершенного общеопасным способом // Уральский научный вестник. – 2023. – Т. 10. – № 5. – С. 74–81.
6. Парог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2018. – 413 с.
7. Илюшкина Ю.Е. Убийство, совершенное с особой жестокостью: вопросы квалификации // Региональные аспекты управления, экономики и права Северо-западного федерального округа России. – 2023. – № 2 (58). – С. 27–34.
8. Габеев С.В. Проблемы квалификации убийства двух или более лиц по найму // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 3 (3). – С. 45–50.
9. Яни П.С. Хулиганский мотив убийства // Законность. – 2011. – № 7 (921). – С. 12–18.
10. Оленников С.М., Путилина П.В. Квалификация убийства из хулиганских побуждений // Петербургский юрист. – 2017. – № 4. – С. 118–123.
11. Васяев Д.В. О видах мотивов и целей преступления (на примере мотивов и целей убийств) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2014. – № 1 (80). – С. 42–50.
12. Кибальник А.Г., Соломенко И.Г. «Экстремистское» хулиганство – нонсенс уголовного закона // Законность. – 2008. – № 4 (882). – С. 14–20.

References

1. **Bulikeeva D.ZH.** Problemy primeneniya kvalificiruyushchego priznaka «inoe lico, zavedomo dlya vinovnogo nakhodyashcheesya v bespomoshchnom sostoyanii» // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 17 (308). – S. 54–57.
2. **Tydykova N.V.** Problemy soderzhaniya termina «bespomoshchnoe sostoyaniE» v UK RF // Yurislingvistika. – 2019. – № 13 (24). – S. 10–13.
3. **Dobrovol'skij D.D.** Analiz bespomoshchnogo sostoyaniya v tekste UK RF i voznikayushchikh problem pri kvalifikacii po dannomu priznaku // Voprosy rossijskoj yusticii. – 2019. – № 3. – S. 719–728.
4. **Lebedev V.M.** Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) / otv. red. V.M. Lebedev. – 20-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Yurajt, 2023. – 316 s.
5. **Pirvir'dyan A.A.** Problemy kvalifikacii ubijstva, sovershenno go obshcheopasnym sposobom // Ural'skij nauchnyj vestnik. – 2023. – T. 10. – № 5. – S. 74–81.
6. **Rarog A.I.** Kvalifikaciya prestuplenij po sub»ektivnym priznakam. – SPb.: Izdatel'stvo R. Aslanova «Yuridicheskij centr PresS», 2018. – 413 s.
7. **Ilyushkina Yu.E.** Ubijstvo, sovershennoe s oso boj zhestokost'yu: voprosy kvalifikacii // Regional'nye aspekty upravleniya, ehkonomiki i prava Severo-zapadnogo federal'nogo okruga Rossii. – 2023. – № 2 (58). – S. 27–34.
8. **Gabeev S.V.** Problemy kvalifikacii ubijstva dvukh ili bolee lic po najmu // Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2019. – № 3 (3). – S. 45–50.
9. **Yani P.S.** Khuliganskij motiv ubijstva // Zakonnost'. – 2011. – № 7 (921). – S. 12–18.
10. **Olen'nikov S.M., Putilina P.V.** Kvalifikaciya ubijstva iz khuliganskikh pobuzhdenij // Peterburgskij yurist. – 2017. – № 4. – S. 118–123.
11. **Vasyaev D.V.** O vidakh motivov i celej prestupleniya (na primere motivov i celej ubijstv) // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. – 2014. – № 1 (80). – S. 42–50.
12. **Kibal'nik A.G., Solomenko I.G.** «EhkstremistskoE» khuliganstvo – nonsens ugolovnogo zakona // Zakonnost'. – 2008. – № 4 (882). – S. 14–20.

(статья сдана в редакцию 25.09.2025)

МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТ- И МОБИЛЬНОГО БАНКИНГА: ПРЕСТУПНЫЕ СХЕМЫ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

INTERNET AND MOBILE BANKING FRAUD: CRIMINAL SCHEMES AND COUNTERMEASURES

УДК 343.72

В.А. ПОТЕТИНОВ,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
potetinow@mail.ru

VITALIY A. POTETINOV,
Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: *актуальность темы исследования:* на современном этапе банковская система в отношении инструментов интернет- и мобильного банкинга постоянно совершенствуется. Внедрение инновационных технологий в банковскую деятельность помогает улучшить клиентский сервис, автоматизировать многие процессы в финансовой сфере, предоставляет возможность управления средствами на счетах и осуществление операций по ним без посещения офисов банка.

Постановка проблемы: все преимущества интернет- и мобильного банкинга при несоблюдении необходимых мер кибербезопасности становятся благоприятной основой для действий мошенников. Принимаемые государством и правоприменительными органами меры организационного, правового, технического и иного характера, направленные на противодействие указанному виду преступлений, не всегда имеют должный результат.

Цель настоящего исследования заключается в комплексном исследовании детерминант, наличие которых способствует и порождает совершение преступлений с использованием интернет- и мобильного банкинга, в анализе правовых, технических и иных мер, принимаемых различными субъектами в целях противодействия указанным преступным проявлениям.

При подготовке статьи автор использовал метод сравнительно-правового анализа, обобщения научных исследований, статей и эмпирических материалов, визуализацию данных и синтез.

Результаты и ключевые выводы: выявлены и рассмотрены основные причины мошенничества в сфере финансовых услуг с использованием интернет-банкинга и мобильного банкинга. Предложены основополагающие меры противодействия современным схемам мошенничества при оказании цифровых финансовых услуг.

Ключевые слова: кибермошенничество, мобильный банкинг, информационные технологии, предупреждение преступлений, возмещение вреда.

Для цитирования: Потетин В.А. Мошенничество с использованием интернет- и мобильного банкинга: преступные схемы и меры противодействия // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 4. – С. 72–79.

Abstract: the relevance of the research topic: at the present stage, the banking system is constantly being improved in terms of Internet and mobile banking tools. The introduction of innovative technologies in banking helps to improve customer service, automate many processes in the financial sector, and provides an opportunity to manage funds on accounts and perform operations on them without visiting the bank's offices.

Problem statement: all the advantages of Internet and mobile banking, if necessary cybersecurity measures are not followed, become a beneficial fund for fraudsters, providing them with endless opportunities to commit crimes. Organizational, legal, technical and other measures taken by the State and law enforcement agencies aimed at countering this type of crime do not always have the desired result.

The purpose of the study is a comprehensive study of the determinants, the presence of which contributes to and generates the commission of crimes using the Internet and mobile banking, the analysis of legal,

technical and other measures taken by various entities in order to counter these criminal manifestations.

In preparing the article, the author used the following methods: comparative legal analysis, synthesis of scientific research, articles and empirical materials, data visualization and synthesis.

Results and key conclusions: the main causes of fraud in the field of financial services using Internet banking and mobile banking have been identified and examined. Fundamental measures to counter modern fraud schemes in the provision of digital financial services are proposed.

Keywords: cyberbullying, mobile banking, information technology, crime prevention, compensation for harm.

For citation: Potetinov V.A. Internet and mobile banking fraud: criminal schemes and countermeasures // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 4. – P. 72–79.

Введение. Глобализация экономики, развитие технологий и усложнение финансовых операций создали благоприятную среду для возникновения новых форм мошенничества и других экономических преступлений [1, с. 11]. Одним из ключевых секторов современной экономики выступает банковская деятельность, которая в настоящее время все чаще подвергается преступным посягательствам, тем самым не только подрываются «здоровые» экономические отношения, но и причиняется вред авторитету власти.

Все чаще граждане сталкиваются с несанкционированными списаниями денежных средств с банковских счетов и вкладов. Причины этому могут быть различными – от ошибок банков и небрежности потерпевших, до списаний, вызванных противоправной деятельностью. Особенностью данных противоправных деяний является их межрегиональный, а в последнее время – все чаще и межгосударственный характер, что вызывает трудности в установлении мест совершения преступлений, лиц, их совершивших, в пресечении их преступной деятельностью, в обнаружении и изъятии похищенных денежных средств.

По данным МВД России, в 2023 году было зарегистрировано более 667 тысяч преступлений, совершенных с использованием цифровых технологий, что превысило показатели 2022 года по указанной категории преступлений более чем на четверть, а в структуре общей преступности за 2023 год их доля составила 34,8 %¹.

В 2024 году количество таких деяний в сравнении с 2023 годом еще возросло на 13,1%, а в общей структуре преступности преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, состави-

ли 40%, что является самым высоким показателем с 2020 года².

В январе – мае 2025 года тенденция роста совершения указанного вида преступлений продолжилась. В этот период зарегистрировано 308,1 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 1,3% больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 38,4% в январе – мае 2024 года до 39,4% за аналогичный период текущего года³.

В этой связи Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что ущерб от кибермошенничества в 2024 году превысил 200 миллиардов рублей, и указал на недостаточную раскрываемость таких преступлений, которая составила лишь 23%: «Ущерб для граждан, а значит и для государства со стороны телефонных и интернет-мошенников приобрел недопустимые размеры»⁴.

По сведениям Центробанка России жертвами кибермошенничества становятся абсолютно все категории российских граждан. При этом отмечены наиболее уязвимые категории: дети, пожилые люди, лица, находящиеся в тяжелой материальной ситуации⁵.

Основная часть. Бурный рост информационных технологий требует от участников гражд-

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 11.06.2025).

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/> (дата обращения: 11.06.2025).

³ Состояние преступности в России за январь – май 2025 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/66517593/> (дата обращения: 11.06.2025).

⁴ Расширенное заседание коллегии МВД России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408> (дата обращения: 11.06.2025).

⁵ Кибермошенничество: портрет пострадавшего [Электронный ресурс]. – URL: https://cbr.ru/statistics/information_security/cyber_portrait/2024/ (дата обращения: 11.06.2025).

данского оборота повышенных мер безопасности при использовании банковских карт и мобильных устройств. Услуги в кредитно-расчетной сфере становятся все технологичнее, а способы совершения мошеннических действий – изощреннее. В этой связи следует отметить, что в настоящее время сложнее всего сочетать безопасность и удобство клиента при использовании банковских услуг. Как правило, дополнительные меры защиты усложняют процесс покупок, что делает непривлекательным интернет-банкинг, а соответственно, влечет потерю доходности кредитными организациями, которые, в свою очередь, неохотно внедряют меры защиты мобильного банкинга (процесс предоставления банковских и других финансовых услуг через смартфоны) [2, с.70].

Банковская система активно развивается в сфере интернет- и мобильного банкинга. Современный интернет-банкинг состоит из интернет-сайтов и мобильных приложений банков. Функциональность и удобство интернет- и мобильного банка позволяет ежегодно наращивать количество активных клиентов. Однако, как отмечается доктриной [3, с. 213], одной из проблем развития интернет- и мобильного банкинга является кибербезопасность банковских интернет-услуг. Законодателем и судебной системой Российской Федерации уделяется особое внимание правовому регулированию⁶ безопасности банковских интернет-услуг и формированию правоприменительной практики⁷ противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, в том числе в сфере банковской деятельности.

Следует отметить, что согласно ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) термин «банковская деятельность» легального определения не имеет и на законодательном уровне рассматривается как вид предпринимательской деятельности⁸.

⁶ Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 2025. – № 75.

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2023. – № 3.

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

В доктрине под банковской деятельностью понимают деятельность кредитной организации по оказанию банковских и иных не запрещенных законом финансовых услуг, связанных с привлечением и (или) размещением денежных средств, а также с денежными расчетами [4, с. 62]. Очевидно, что под банковскими и иными не запрещенными законом финансовыми услугами кредитной организации следует понимать банковские операции, закрепленные в ст. 5 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»⁹. К их числу в контексте настоящей статьи следует отнести такие операции, как открытие и ведение банковских счетов; осуществление переводов денежных средств по поручению клиентов по их банковским счетам и без открытия таковых и т.п.

Для обмана граждан мошенники под видом банковской деятельности используют множество схем – от финансовых пирамид и выдачи кредитов, до незаконных микрозаймов. Кроме того, современные технологии позволяют похищать и в последующем использовать в мошеннических схемах биометрические данные. Актуальным при совершении телефонного мошенничества становятся случаи симбиоза приемов социальной инженерии и технологий искусственного интеллекта [5, с. 343–345]. Учеными отмечается, что на современном этапе для мошенничеств с применением интернет-банкинга характерны такие признаки, как высокая технологичность, организованность, масштабность, групповая устойчивость, узкая специализация и профессионализм участников [6, с. 77].

Согласно статистическим данным Банка России по состоянию на 1 декабря 2024 года, сумма процентов, начисленных банками, но не выплаченных российскими заемщиками, составила более 607 млрд рублей¹⁰. Образование рекордной суммы долговых обязательств российских заемщиков вызвано ростом числа финансовых мошенников и хищения ими денежных средств заемщиков. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что киберпреступники и мошенники не имеют какой-либо наиболее распространенной схемы, применяемой ими для проведения атак на российских пользователей¹¹.

⁹ Федеральный закон Российской Федерации от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 6. – Ст. 492

¹⁰ Кибермошенничество: портрет пострадавшего [Электронный ресурс]. – URL: https://cbr.ru/statistics/information_security/cyber_portrait/2024/ (дата обращения: 17.06.2025).

¹¹ Памятка для использования в профилактике преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий (архив УМВД России по Белгородской области, 2025 г.).

Для максимального охвата потенциальных жертв чаще всего используются социальные сети и мессенджеры. Обычные звонки аферистов являются наиболее распространенным способом мошенничества [7, с. 16].

Анализ возбужденных на территории Белгородской области уголовных дел по преступлениям, связанным с использованием информационно-коммуникационных технологий, показал, что наиболее распространенными схемами совершения указанных общественно опасных деяний являются:

- звонки и сообщения от родственников, якобы попавших в беду, от имени представителей банка, государственных ведомств, руководителей и работодателя;

- предложения от лжеброкеров, тотализаторов азартных игр, компенсации пострадавшим в ходе специальной военной операции;

- рассылки с вложениями в виде вредоносного программного обеспечения;

- хищения личной информации и денежных средств с помощью публичных сетей и фейковых приложений банковских организаций¹².

Однако, как отмечают сотрудники правоохранительных органов, это далеко не полный перечень, а список способов обмана постоянно пополняется новыми мошенническими схемами [8, с. 46].

Складывающаяся геополитическая ситуация вокруг России, в частности наложение санкций на кредитно-финансовые организации, повлекло вынужденное удаление официальных мобильных приложений из онлайн-магазинов (App Store, Google Play и т.п.), что позволило злоумышленникам воспользоваться сложившейся ситуацией. Так, ими стали создаваться и распространяться фейковые программы, внешне схожие с банковскими, с использованием фирменной символики кредитных организаций и искусственно завышенными рейтингами.

Технологичность современных банковских услуг (мобильные и онлайн-банки), их более активное использование гражданами (возможности удаленной оплаты товаров и услуг) не осталось без внимания кибермошенников. Как правило, злоумышленники используют уязвимости, связанные с недостаточной бдительностью и чрезмерной доверчивостью граждан, для осуществления своих противоправных действий. Один из популярных мошеннических способов заключается в следующем: клиенту банка приходит СМС-сообщение с информацией о проведении несуществующей платежной операции, блокировке карты и т.п. В сообщении указывается номер телефона, по которо-

му потенциальной жертве предлагается позвонить и уточнить все детали мнимой операции. Предполагается, что получатель перезвонит по указанному номеру телефона, а мошенник, представившись сотрудником банка, получит от потерпевшего CVV- и PIN-код карты. Еще одна из разновидностей фишинга (от английского *fishing* – «рыбная ловля», «выуживание») заключается в том, что пользователь на сайте, созданном мошенником, самостоятельно вводит данные своей карты, которые пересылаются преступникам и используются ими при оплате товаров (услуг) на сайтах интернет-магазинов.

Использование пиратского софта (нелицензионного программного обеспечения) на телефонах и компьютерах может привести к заражению устройства пользователя вирусами, в частности при установке вредоносных приложений, таких как программные кейлоггеры, которые устанавливаются на компьютер или мобильное устройство под видом легитимного программного обеспечения через фишинговые письма, зараженные файлы или эксплойты. Их основная задача состоит в перехватывании конфиденциальных сведений (например, фиксируя нажатия клавиш) с последующим предоставлением их преступникам.

Достаточно широкое распространение в телефонных мошенничествах получил такой способ, как взлом мобильного приложения. Мошенники по поддельной доверенности через оператора сотовой связи изготавливают дубликат сим-карты потенциального потерпевшего, к которой привязана банковская карта, после чего беспрепятственно с использованием онлайн-банков совершают операции по ней. В качестве примера можно привести следующую ситуацию: 19 марта 2011 г. между гр. Ш. и ОАО «Сбербанк России» был заключен договор на обслуживание банковской карты. По заявлению истицы указанная кредитная организация предоставила услугу дистанционного доступа к счету карты с использованием услуги «мобильный банк», подключенный к абонентскому номеру Ш. по которому оказывались услуги связи согласно договору с ОАО «МТС» от 2003 г. 9 декабря 2013 г. находящаяся у истицы карта перестала работать, в связи с чем по ее просьбе ей была выдана новая сим-карта. После замены сим-карты Ш. обнаружила значительное уменьшение на счете остатка денежных средств. 10 декабря 2013 г. истица обратилась в банк для блокировки карты, при этом ею была получена информация о списании денежных средств со счета карты через услугу «мобильный банк». С момента, когда находящаяся у истицы сим-карта перестала работать, и до момента ее замены неустановленное

¹² Памятка для использования в профилактике преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий (архив УМВД России по Белгородской области, 2025 г.).

лицо имело возможность пользоваться услугами связи с абонентского номера Ш., а получив доступ к управлению ее банковским счетом в ОАО «Сбербанк России», неустановленное лицо осуществляло списание денежных средств Ш. на счета третьих лиц. В досудебных претензиях Ш. по возмещению вреда оператором связи и банком было отказано. По указанному факту возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного п. в ч. 2 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)¹³.

Следует отметить, что отказ оператора сотовой связи, банка на досудебные претензии истца не освобождает организации от гражданско-правовой ответственности. В силу положений п. 3 ст. 401 ГК РФ¹⁴ лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если иное не предусмотрено законом или договором. В этой связи в соответствии с п. 2 вышеуказанной нормы гражданского законодательства бремя доказывания отсутствия вины возлагается на лицо, нарушившее обязательство. Таким образом, отказ в вышеприведенном примере в удовлетворении претензий Ш. оператором сотовой связи и банка неправомерен.

Что же касается квалификации указанного и аналогичных деяний, то российский правоприменитель постепенно подстраивается под реалии общественной опасности совершаемых деяний. Согласно разъяснениям постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (п. 35)¹⁵ отграничение мошенничества от кражи через «ввод тех или иных сведений» характеризуется «вмешательством в функционирование средств хранения, обработки и передачи информации». Следует согласиться с Н.В. Сыропятовым, утверждающим, что сохранение тайны информации, составляющей банковскую тайну, в современном мире имеет важное значение [9, с. 361].

26 сентября 2018 г. вступили в силу поправки к Федеральному закону от 29 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной систе-

¹³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2015 г. № 5-КГ15-164 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.07.2025).

¹⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. – № 2.

ме»¹⁶, которые направлены на обеспечение банковской тайны и наделяют банки правом приостанавливать выполнение подозрительных платежей на срок до двух рабочих дней, если операции произведены с нового устройства, новой сим-карты либо с необычной географией перечислений и нестандартной суммой перевода. Однако же, если с банковской карты были списания без ведома ее владельца, потерпевшему необходимо уведомить банк не позднее одного дня после получения уведомления о несогласованной операции (ч. 11 ст. 9 указанного закона). Порядок такого уведомления должен быть определен договором с банком.

Параллельно с этим Центробанк России разработал свои указания¹⁷ о порядке предоставления сведений о счетах (вкладах) гражданина третьим лицам. Следует отметить, что согласно ст. 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» сведения о клиенте, о его банковских счетах и вкладах, операциях по ним являются банковской тайной¹⁸ и могут предоставляться в случаях, предусмотренных законом, Банку России, судам, следственным органам и т.п. В случаях неправомерного разглашения банком сведений, составляющих банковскую тайну, действующим законодательством предусмотрена гражданско-правовая, административная, уголовная ответственность.

В частности, для привлечения банка к гражданско-правовой ответственности (п. 3 ст. 857

¹⁶ Федеральный закон Российской Федерации от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 27. – Ст. 3872.

¹⁷ Указание Банка России от 19 августа 2024 г. № 6828-У «О порядке направления операторами по переводу денежных средств, операторами платежных систем, операторами услуг платежной инфраструктуры, операторами электронных платформ в Банк России информации обо всех случаях и (или) попытках осуществления переводов денежных средств без добровольного согласия клиента, форме и порядке получения ими от Банка России информации, содержащейся в базе данных о случаях и попытках осуществления переводов денежных средств без добровольного согласия клиента, порядке запроса и получения Банком России у них информации о переводах денежных средств, связанных с переводами денежных средств без добровольного согласия клиента, в отношении которых от федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел получены сведения о совершенных противоправных действиях в соответствии с частью 8 статьи 27 Федерального закона от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», а также о порядке реализации ими мероприятий по противодействию осуществлению переводов денежных средств без добровольного согласия клиента» // Вестник Банка России. – 2024. – № 39.

¹⁸ Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 6. – Ст. 492.

ГК РФ) одного факта разглашения банковской тайны недостаточно – необходимо установить наличие и размер убытков (реальный ущерб, упущенная выгода), причиненных физическому лицу, а также доказать причинно-следственную связь между действиями работников банка и наступившими последствиями в виде убытков. За разглашение информации, составляющей банковскую тайну, работник кредитно-финансовой организации может быть привлечен к административной ответственности по ст. 13.14 и п. 3 ч. 1 ст. 28.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. В случае если лицо, которому стало известно о банковской тайне в связи с выполнением служебных или рабочих обязанностей, разгласило или использовало эту информацию в корыстных целях, причинило значительный ущерб потерпевшему или привело к иным тяжким последствиям, оно подлежит уголовной ответственности в соответствии по чч. 2–4 ст. 183 УК РФ.

Следует также отметить существующее в доктрине мнение о квалификации деяния нелегальных участников финансового рынка по сбору данных о клиенте как нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ) [10, с. 26].

Доказать противоправность банка и взыскать деньги, если есть признаки преступности со стороны третьих лиц, как показывает практика, практически невозможно. Однако в тех случаях, когда банку было известно о краже карты или личных данных клиента, но он произвел платеж, правоприменительная практика свидетельствует о фактах взыскания с кредитных организаций похищенных денежных средств.

Так, например, у гр. Ч. 31 марта 2017 г. во Франции была похищена ее дебетовая карта вместе с мобильным телефоном. Истица незамедлительно уведомила банк о случившемся и заблокировала карту, после чего обратилась в местное отделение полиции. В 23:30 по московскому времени истица обнаружила списания денежных средств с карты, а именно две транзакции на общую сумму 1 079 евро. В разделе сообщений (чате) интернет-банка Ч. просила сотрудника остановить данные транзакции. Сотрудник банка оформил соответствующее заявление и попросил представить документ в подтверждение кражи. Утром следующего дня, получив протокол в полиции, истица направила его в банк. Несмотря на это, 3 апреля 2017 г. деньги по транзакциям были разблокированы и списаны со счета истца. Истица полагала, что банк незаконно списал с ее карты денежные средства, поскольку ему было известно, что карта украдена и использована посторонним лицом. На просьбу Ч. в досудебном порядке вернуть

похищенные деньги, банк отказал, обосновывая это тем, что платеж совершен с использованием оригинала карты. После обращения в суд исковые требования потерпевшей были удовлетворены. Истица не только взыскала похищенные денежные средства, но и компенсацию морального вреда, а также штраф на основании Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»¹⁹.

Что же касается вышеозначенного указания по обеспечению безопасности клиентов, Банком России установлено время (с 1 января 2025 г. – один час для крупных банков и кредитных организаций, значимых на рынке платежных услуг, в отношении остальных банков установлен срок в три часа), в течении которого кредитные организации будут обязаны вносить реквизиты злоумышленников, поступившие из базы данных регулятора, в собственные системы противодействия подозрительным операциям, что, по мнению регулятора, должно снизить количество новых переводов на счета мошенников²⁰.

Кроме того, регулятор уточнил требования к порядку предоставления правоохранительным органам сведений о возможных мошеннических операциях в целях информационного обмена. В тех случаях, когда потерпевший, минув свой банк, сразу обращается в полицию, банк клиента в течение одного рабочего дня обязан предоставить при запросе регулятора информацию, совершалась ли операция без добровольного согласия клиента или нет и признается ли такой перевод мошенническим. В свою очередь, Банк России предоставляет органам внутренних дел информацию о случаях и попытках осуществления переводов денежных средств без добровольного согласия клиента. Порядок информационного обмена, форма и перечень сведений, предоставляемый сторонами, определяется совместным соглашением, а с 1 сентября 2025 года национальным законодательством²¹ предусмотрена возможность для должников не вы-

¹⁹ Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда по делу № 33-11948/18 от 30 марта 2018 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/9bb40a8d-f46c-4277-87d4-b1670eb83e9c> (дата обращения: 12.06.2025).

²⁰ Банки станут быстрее включать реквизиты мошенников в свои системы [Электронный ресурс // Официальный сайт Банка России. – URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 14.06.2025).

²¹ Федеральный закон Российской Федерации от 13 февраля 2025 г. № 9-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 7. – Ст. 541.

плачивать кредиты, полученные под влиянием мошенников.

Несомненно, указанные изменения положительно скажутся на профилактике кибермошенничества в банковской деятельности. Банки становятся уполномоченными замораживать переводы получателям, находящимся в базе подозрительных операций, и обязаны уточнять у своего клиента необходимость проведения такой операции. Однако такие действия, возможно, способны вызвать и новую схему мошенничества, когда мошенники смогут звонить от имени банка и под угрозой блокировки подозрительной операции получать от клиентов банка конфиденциальные сведения, составляющие банковскую тайну.

В целях предупреждения преступлений с использованием мобильного банкинга МВД России внесен законопроект с поправками в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленный на повышение эффективности предварительного расследования²². Инициатива исполнительного органа в области внутренних дел направлена не только на повышение эффективности предварительного расследования, но и на обеспечение защиты прав потерпевших от преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет или средств связи. Авторы инициативы предлагают дополнить действующее уголовно-процессуальное законодательство ст. 115.2 и ввести новую меру процессуального принуждения – приостановление операций с денежными средствами, в том числе электронными и авансовыми платежами, наделив полномочиями следователя (дознателя) с согласия руководителя следственного органа (прокурора) соответственно в случаях, не терпящих отлагательства, принимать решения о приостановлении операций по зачислению денег на срок до 10 суток. Однако данная инициатива не исключает и тот факт, что должностные лица предварительного расследования, получив указанные полномочия, могут злоупотреблять ими, применяя их вопреки интересам участников уголовного судопроизводства, так как круг преступлений, по которым инициатор предлагает блокировать счета, не ограничен.

Использование мобильного банкинга в кибермошенничествах требует новых механизмов противодействия им. Совершенствование и применение организационных и правовых мер противодействия данному виду преступлений в современных условиях становится

малоэффективным. В этой связи необходимо совершенствование методов профилактики кибермошенничества, в том числе с применением информационно-телекоммуникационных технологий. Одним из таких инновационных решений является запущенный в Москве сервис «Перезвони сам», направленный на защиту от кибермошенников²³. Проект учит распознавать мошенников и применяемые ими схемы, а также обучает эффективным методам защиты от указанных противоправных деяний. В настоящее время желающие могут протестировать Telegram-бот для проверки подозрительных сообщений, который на основе анализа текста, скриншотов и голосовых сообщений укажет на признаки мошенничества. Сервис позволяет определять, используется ли в голосовом сообщении синтезированная речь, т.е. генерируется ли голос отправителя.

Заключение. Проведенный анализ наиболее распространенных схем кибермошенничества, в том числе с использованием мобильного банкинга, а также современных мер противодействия им позволил сформулировать ряд авторских предложений по профилактике преступлений данного вида.

Не вызывает сомнений, что оказываемые посредством интернет- и мобильного банкинга услуги должны соответствовать требованиям безопасности, не нанося ущерба удобству их получателей. Вместе с тем стремительное развитие информационных технологий требует от участников гражданского оборота повышенных мер безопасности при использовании банковских карт и мобильных устройств, финансовой и цифровой грамотности. Достаточно большое количество хищений происходит из-за недостаточной бдительности самих потерпевших. В этой связи важно, чтобы граждане уделяли особое внимание защите своих персональных данных: не следует сообщать сведения о счетах и вкладах, кодовые слова, пин-коды и иную конфиденциальную информацию о финансовых продуктах, внимательно проверять поступающие звонки и сообщения от предполагаемых сотрудников банка, самостоятельно перепроверять в банке поступающую от лжесотрудников информацию. При использовании услуг мобильного банкинга следует пользоваться проверенными сайтами и приложениями, для интернет-покупок – специальной банковской картой.

Немаловажное значение имеют технические меры безопасности:

– установление через оператора связи запрета на выдачу дубликата сим-карты, а также иных операций по доверенности;

²² Проект № 908825-8 федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/908825-8#bh_note (дата обращения: 10.05.2025).

²³ Информационный проект для всех, кто хочет узнать, как обезопасить себя и не попасться в руки мошенникам [Электронный ресурс]. – URL: <https://sao.mos.ru/news/news/detail/12532758.html> (дата обращения: 14.06.2025).

– соблюдение информационной гигиены (создание надежных паролей для различных интернет-ресурсов, использование двухфакторной аутентификации);

– использование определителя номера, который проинформирует о звонке мошенников;

– подключение СМС-оповещений обо всех операциях с банковскими счетами;

– установка антивирусной защиты и постоянное ее обновление, блокировка подозрительных ссылок и писем.

При недобросовестном списании денежных средств гражданам необходимо в течении суток сообщить о хищении в банк и обратиться в полицию. В этом случае именно кредитной органи-

зации предстоит доказывать свою невиновность в неправомерном списании денежных средств, а в случае неубедительности аргументов, свидетельствующих о небрежности самого клиента, банку придется возмещать причиненный ущерб.

Перечисленные меры должны реализовываться параллельно с повышением правовой, финансовой и информационной грамотности населения. В этой связи основной задачей государства является организация и обучение граждан использованию сферы интернет- и мобильного банкинга с акцентом на надлежащем обращении с персональными данными, мерах информационной защиты, обеспечении защищенности денежных средств и эффективности проведения платежных операций.

Литература

1. **Гусаков Ю.В.** Экономические преступления: практическое руководство для специалистов и правозащитников. – Санкт-Петербург: Институт неформальной юстиции, 2025. – 416 с.
2. **Бимбинов А.А.** Преступления с использованием мобильного банкинга // Уголовный процесс. – 2024. – № 10. – С. 70–76
3. **Завьялова И.В., Колосова К.В.** Перспективы развития мобильного банкинга и мобильной коммерции в ПАО «Сбербанк» / Актуальные проблемы интеграции науки и образования в регионе: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Бузулук, 2024. С. 207–213.
4. **Ручкин Р.О.** К вопросу о понятии банковской деятельности и необходимости его законодательного закрепления // Банковское право. – 2015. – № 3. – С. 58–62.
5. **Демидова-Петрова Е.В., Зотина Е.В.** Телефонное мошенничество: современные угрозы и вызовы // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18. – № 4. – С. 341–348.
6. **Шумилин В.П.** Мошенничество в области интернет-банкинга // Научный портал МВД России. – 2023. – № 3 (63). – С. 75–80.
7. **Волохова О.В.** Телефонное мошенничество: некоторые проблемы практики раскрытия и предупреждения // Правовой альманах. – 2025. – № 1 (41). – С. 13–18.
8. **Тюхтин Д.А.** Противодействие телефонному мошенничеству // Правовой альманах. – 2025. – № 1 (41). – С. 42–47.
9. **Сырпятова Н.В.** Правовые режимы банковских счетов в России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – № 2. – С. 348–363.
10. **Скрипченко Н.Ю.** Действия нелегальных участников финансового рынка по сбору данных о потребителях услуг требуют правовой оценки // Банковское право. – 2024. – № 4. – С. 22–27.

References

1. **Gusakov Yu.V.** Ekonomicheskie prestupleniya: prakticheskoe rukovodstvo dlya spetsialistov i pravozashchitnikov. – Sankt-Peterburg: Institut informal'noi yustitsii, 2025. – 416 s.
2. **Bimbinov A.A.** Prestupleniya s ispol'zovaniem mobil'nogo bankinga // Ugolovnyi protsess. – 2024. – № 10. – S. 70–76
3. **Zav'yalova I.V., Kolosova K.V.** Perspektivy razvitiya mobil'nogo bankinga i mobil'noi kommertsii v PAO «Sberbank» / Aktual'nye problemy integratsii nauki i obrazovaniya v regione: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem). – Buzuluk, 2024. S. 207–213.
4. **Ruchkin R.O.** K voprosu o ponyatii bankovskoi deyatel'nosti i neobkhodimosti ego zakonodatel'nogo zakrepleniya // Bankovskoe pravo. – 2015. – № 3. – S. 58–62.
5. **Demidova-Petrova E.V., Zotina E.V.** Telefonnoe moshennichestvo: sovremennyye ugrozy i vyzovy // Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal. – 2024. – T. 18. – № 4. – S. 341–348.
6. **Shumilin V.P.** Moshennichestvo v oblasti internet-bankinga // Nauchnyi portal MVD Rossii. – 2023. – № 3 (63). – S. 75–80.
7. **Volkhova O.V.** Telefonnoe moshennichestvo: nekotorye problemy praktiki raskrytiya i preduprezhdeniya // Pravovoi al'manakh. – 2025. – № 1 (41). – S. 13–18.
8. **Tyukhtin D.A.** Protivodeistvie telefonnomu moshennichestvu // Pravovoi al'manakh. – 2025. – № 1 (41). – S. 42–47.
9. **Syropyatova N.V.** Pravovyye rezhimy bankovskikh schetov v Rossii // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. – 2020. – № 2. – S. 348–363.
10. **Skrichenko N.Yu.** Deistviya nelegal'nykh uchastnikov finansovogo rynka po sboru dannykh o potrebitelyakh uslug trebuyut pravovoi otsenki // Bankovskoe pravo. – 2024. – № 4. – S. 22–27.

(статья сдана в редакцию 25.07.2025)

**РАЗВИТИЕ КОМПРОМИССНЫХ ОСНОВАНИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ
УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ
УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ****THE DEVELOPMENT OF COMPROMISE GROUNDS FOR ENDING
CRIMINAL PROSECUTION IN THE CONTEXT OF MODERN RUSSIAN
CRIMINAL POLICY**

УДК 343.13

М.Н. ТАРШЕВА,

кандидат юридических наук
(Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова,
Россия, Орел)
mirra_2023@internet.ru

MIRA N. TARSHEVA,

Candidate of Law
(Lukyanov Orel Law Institute
of the Ministry of the Interior of Russia,
Orel, Russia)

И.Н. НЕХАЕВ

(Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова,
Россия, Орел)

ILYA N. NEKHAEV

(Lukyanov Orel Law Institute
of the Ministry of the Interior of Russia,
Orel, Russia)

Аннотация: современное уголовно-процессуальное законодательство позволяет разрешать уголовно-правовые конфликты компромиссным способом (ст. 25, 25.1, 28, 28.1, 28.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). За последние 15 лет в процессуальном законе происходили изменения, в результате которых количество оснований, позволяющих принимать решения в порядке вышеуказанных статей, было увеличено. Очевидно, что это было продиктовано необходимостью оптимизации уголовного судопроизводства, отвечающей ее назначению. Ценность данных норм бесспорна, направленность очевидна: обеспечить защиту прав и законных интересов личности, общества и государства, в том числе посредством возмещения вреда, причиненного преступлением. Целью статьи является анализ и оценка изменений, происходящих в отечественном законодательстве, связанных с нормами об освобождении от уголовной ответственности и прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям. На основе проведенного анализа авторами статьи сделан следующий вывод: развитие компромиссных оснований прекращения уголовного преследования в контексте современной уголовной политики России является важным направлением совершенствования уголовного и уголовно-процессуального права, позволяющим повысить качество деятельности государственных органов в борьбе с преступностью, а также обеспечить более эффективную защиту прав и законных интересов личности, общества и государства в части возмещения причиненного преступлением вреда.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; компромисс в борьбе с преступностью; альтернативы уголовному преследованию; современная отечественная уголовно-процессуальная политика; структура уголовной политики.

Для цитирования: Таршева М.Н., Нехаев И.Н. Развитие компромиссных оснований прекращения уголовного преследования в контексте современной уголовной политики России // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 4. – С. 80–85.

Abstract: modern criminal procedure legislation makes it possible to resolve criminal law conflicts in a compromise manner (Articles 25, 25.1, 28, 28.1, 28.2 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). Over the past 15 years, changes have taken place in the procedural law, as a result of which the number of grounds for making decisions in accordance with the above articles has been increased. Obviously, this was dictated by the need to optimize criminal proceedings that meet its purpose. The value of these norms is indisputable, the focus is obvious, to ensure the protection of the rights and legitimate interests of individuals, society and the state, including through compensation for harm caused by a crime.

The purpose of the article is to analyze and evaluate the changes taking place in domestic legislation related to the norms on exemption from criminal liability and termination of criminal prosecution on non-rehabilitating grounds. Based on the analysis, the authors of the article concluded that the development of compromise grounds for termination of criminal prosecution in the context of modern Russian criminal policy is an important area of improvement of criminal and criminal procedure law, allowing to improve the quality of government agencies in the fight against crime, as well as to ensure more effective protection of the rights and legitimate interests of individuals, society and the state. in terms of compensation for the damage caused by the crime.

Keywords: criminal justice; compromise in the fight against crime; alternatives to criminal prosecution; modern domestic criminal procedure policy; structure of criminal policy.

For citation: Tarsheva M.N., Nekhaev I.N. The development of compromise grounds for ending criminal prosecution in the context of modern Russian criminal policy // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 4. – P. 80–85.

Одной из основных задач государства с момента его зарождения является обеспечение защиты личности, общества и государства от преступных посягательств, хотя приоритеты защиты и средства их достижения на разных этапах истории различны. Очевидно, что поиск эффективных средств и механизмов решения данной задачи до сих пор представляет собой одну из наиболее актуальных и значимых проблем современного общества. Высокий интерес к ней обусловлен стремительным расширением сферы частных и изменением общественных и государственных интересов, а равно технологическими, информационными, социально-экономическими изменениями, происходящими в современном мире, и пр.

В 1888 году Франц фон Лист впервые сформулировал авторское определение понятия «уголовная политика». Это систематическая совокупность оснований, «опирающихся на научное исследование причин преступления и действия, производимого наказанием, – оснований, соотносясь с которыми государство при помощи наказания и родственных ему институтов должно бороться с преступлением» [1, с. 7].

Ввиду того что уголовная политика является многоаспектным явлением, выводы ученых, занимающихся исследованием данного феномена в том или ином аспекте, не всегда совпадают, следовательно, определений понятия «уголовная политика» в юридической литературе приводится немало. О.А. Малышева под уголовной политикой понимает «базирующуюся на правовых принципах и нормах деятельность государства, направленную на выработку и реализацию совокупности мер как специального, так и общесоциального характера в целях защиты личности, общества, государства от преступных посягательств и возмещения причиненного преступлением вреда» [2]. Г.Ю. Лесников под уголовной политикой понимает «систему прин-

ципов, политических и политико-правовых предписаний, программ, осуществляемых государством совместно с гражданским обществом, по борьбе с преступностью, ресоциализации преступников, обеспечению безопасности личности, общества и государства» [3]. Такое определение является, на наш взгляд, самым удачным из представленных, так как оно наиболее полно и всесторонне характеризует сущность исследуемого феномена.

Несмотря на многообразие формулировок, суть их, как мы видим, сводится к деятельности государства (государства и гражданского общества) по противодействию такому социальному явлению, как преступность. Что касается нереабилитирующих (компромиссных) оснований прекращения уголовного преследования, то законодатель на момент принятия Уголовного (1996 г.) и Уголовно-процессуального кодексов (2001 г.) Российской Федерации счел такое средство необходимым для борьбы с преступностью. Поскольку в настоящей статье мы оперируем такими понятиями, как «компромисс», «компромиссные процедуры», не закрепленными в законодательстве, а имеющими лишь доктринальное значение, стоит определить с этой терминологией.

А.Г. Маркелов рассматривает компромисс как «уголовно-процессуальное соглашение между государственными органами и их должностными лицами (сторона обвинения), с одной стороны, и другими лицами (сторона защиты), с другой стороны, относительно которых может быть начато уголовное преследование» [4, с. 115]. Законодатель предусмотрел возможность принятия решения об освобождении от уголовной ответственности (прекращении уголовного дела или уголовного преследования) либо отказа от официальной реакции на факт совершения преступного деяния (осуществления уголовного преследования) в отношении подозреваемого (обвиняемого) в обмен на позитивные постпреступные действия

последнего, выражающиеся, например, в достижении примирения с потерпевшим по уголовному делу и заглаживании вреда (примирения сторон); в возмещении ущерба бюджетной системе Российской Федерации и т.д. [5, с. 541].

С момента принятия Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) компромиссные институты освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования были расширены и дополнены рядом самостоятельных оснований: ст. 76.1 УК РФ и ст. 28.1 УПК РФ; ст. 76.2 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ; ст. 78.1 УК РФ и ст. 28.2 УПК РФ.

В настоящее время отсутствуют официальные документы, определяющие перспективы и векторы развития отечественной уголовной политики, несмотря на то что представители научного сообщества поддерживают идею необходимости их разработки и текстуального оформления. В качестве примера таковых следует привести Федеральные целевые программы Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью в 1994–1995 гг.¹, в 1996–1997 гг.². Заказчиками-координаторами таких программ выступали МВД России, ФСБ России, ФНП России. Помимо этого Правительством Российской Федерации было рекомендовано наряду с федеральными осуществлять разработку программ регионального характера.

Основной целью данных программ являлось изменение коренным образом криминальной обстановки в стране; наращивание сил и средств государственных органов и общественных институтов в целях эффективной борьбы с преступностью; защита прав и свобод, законных интересов личности, общества и государства; обеспечение неотвратимости ответственности за совершенные противоправные деяния. Принятие таких программ было обусловлено сложной криминогенной обстановкой в стране, высоким ростом преступности в 90-е годы. Впоследствии, как известно, перспективы развития уголовной политики находили свое отражение

сначала в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, а затем – в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, корректируемой раз в шесть лет.

Возвращаясь к тематике настоящей работы, отметим, что в Федеральной программе на 1994–1995 гг. среди первоочередных мер по усилению борьбы с преступностью были обозначены необходимость разработки Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации, создание государственного фонда помощи потерпевшим от преступлений лицам. Какой-либо конкретики относительно сущности, механизмов реализации, а также совершенствования компромиссных оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования Федеральная программа на 1994–1995 гг. не содержала, как и Федеральная программа 1996–1997 гг. Однако закрепление необходимости создания фонда помощи потерпевшим позволяет говорить об имевшей место проблеме, связанной с недостаточной степенью защиты и обеспечения права потерпевшей стороны на компенсацию вреда, причиненного преступлением.

Не менее актуальным, чем в 1994–1997 гг., в настоящее время является вопрос совершенствования компенсаторных уголовно-процессуальных механизмов. На значимость деятельности правоохранительных органов по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, ежегодно указывает в своих докладах Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москалькова. Омбудсмен обращает внимание на наличие проблем, связанных с защитой прав и законных интересов потерпевших в досудебном производстве. Речь идет в том числе и о трудностях, возникающих при разрешении вопроса о возмещении вреда, причиненного преступлением. По мнению Т.Н. Москальковой, решению обозначенных проблем могло бы способствовать также закрепление соответствующих «льгот» для подозреваемых (обвиняемых), возместивших вред потерпевшему, а также разработка дополнительных процессуальных механизмов [6, с. 61].

В тексте Концепции судебной реформы в РСФСР от 21 октября 1991 г. в качестве пороков уголовной юстиции были названы ее негуманность и чрезмерная ориентация на интересы государства в ущерб интересам частным («подмена общественных и частных начал государственными»). Также подчеркивалась необходимость совершенствования мер по защите прав и интересов потерпевшего лица. Констатировался обвинительный уклон в деятельности органов предварительного расследования, обозначалась проблема высоких показателей судимости

¹ Указ Президента Российской Федерации от 24 мая 1994 г. № 1016 «О неотложных мерах по реализации Федеральной программы Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994–1995 годы» [Электронный доступ]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/6121> (дата обращения: 17.02.2025).

² Федеральная целевая программа по усилению борьбы с преступностью на 1996–1997 годы, утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 15 мая 1996 г. № 600 [Электронный доступ]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/6121> <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102045077&backlink=1&nd=102041339> (дата обращения: 10.01.2025).

населения (465 человек на 100 000 – такой показатель был в РСФСР – самый высокий среди всех союзных республик)³.

Что касается доктринальных разработок, то следует отметить, что одним из первых научных трудов (представленных в виде диссертации), посвященных исследованию компромиссных оснований освобождения от уголовной ответственности, являлась работа Х.Д. Аликперова «Проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью» [7]. Уже после принятия и вступления в силу УПК РФ в 2002 г. компромиссные основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования) многократно изучались учеными-процессуалистами с различных сторон.

Таким образом, очевидно, что закрепление компромиссных оснований освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования в период судебной реформы – это результат коренной трансформации правовой системы российского государства, произошедшей в период проведения судебно-правовой реформы. Данные институты отвечали интересам «нового правового» государства того периода в области уголовной юстиции: способствовали повышению уровня гуманности правосудия, обогащали процессуальное законодательство механизмами компенсаторного характера (направленными на возмещение причиненного преступлением вреда), позволяли снизить количественный показатель судимых лиц (из числа привлекавшихся впервые) и «разгрузить» органы предварительного расследования.

Дальнейшие серьезные изменения с компромиссными нормами произошли в 2009, 2016, 2024 гг. Федеральным законом от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» процессуальное законодательство было дополнено ст. 28.1 УПК РФ, закреплявшей самостоятельное основание прекращения уголовного преследования «по делам, связанным с нарушением законодательства о налогах и сборах»⁴. Из текста пояснительной записки следовало, что уголовному преследованию следовало бы подвергать тех лиц, которые систематически не выполняли требования нало-

гового законодательства, а также уклонялись от уплаты налоговых сборов, тем самым причиняя бюджетной системе Российской Федерации значительный вред. Как известно, принятие данного закона являлось своего рода мерой реагирования на высокий уровень налоговой преступности (а также ее ежегодный рост), многомиллиардные суммы ущерба, причиняемые бюджетной системе России в условиях экономического кризиса. Очевидно, что основной целью введенного процессуального механизма являлось и является пополнение бюджета посредством стимулирования позитивной постпреступной деятельности субъектов предпринимательской деятельности под угрозой уголовной репрессии. Неслучайно некоторые ученые отмечают фискальный характер данной процессуальной нормы [8, с. 115]. Поэтому, видимо, данная статья не содержит дополнительных обязательных условий (за исключением совершения преступления лицом впервые), необходимых для принятия решения о прекращении уголовного преследования, а сама норма является императивной. Введение рассматриваемой нормы способствовало снижению экономической и налоговой преступности, сокращению числа судимых лиц за совершение соответствующих преступлений [9, с. 354–355].

Следующим нововведением являлось дополнение в 2016 г. отечественного уголовного и уголовно-процессуального законодательства ст. 76.2 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ⁵. Такие изменения являлись актом гуманизации и либерализации уголовного законодательства, что следует из пояснительной записки к проекту соответствующего федерального закона, разработанного Верховным Судом Российской Федерации⁶. Основной причиной, обуславливающей разработку проекта, являлось увеличение количества лиц, судимых за совершение преступлений, относящихся к категории небольшой тяжести (показатель 2013–2014 гг. составлял 46% от общего числа осужденных) на фоне общего снижения числа уголовных дел, поступающих в суды, а

³ Постановление Верховного Суда РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 22.02.2025).

⁴ Федеральный закон от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.02.2025).

⁵ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.02.2025).

⁶ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6?ysclid=m791qg6ju563792210> (дата обращения: 17.02.2025).

также общего числа судимых лиц. Норма носит дискреционный характер (лицо может быть освобождено), однако позволяет принимать решение о прекращении уголовного преследования при назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в отношении лица, подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если это лицо не имеет судимости (является лицом, впервые совершившим преступление), возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный преступлением. Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что рассматриваемая новелла была успешно апробирована и применяется для разрешения уголовно-правовых конфликтов небольшой и средней тяжести наряду с иными нереабилитирующими основаниями прекращения уголовного дела (уголовного преследования). В 2017 г. в порядке ст. 25.1 УПК РФ прекращено 18 337 уголовных дел, в 2018 г. – 20 911, в 2019 г. – 65 269, в 2020 г. – 41 505 уголовных дел, в 2021 г. – 3 807, в 2022 г. – 5 607, в 2023 г. – 15 061 уголовное дело⁷. Несмотря на то что целью нововведений являлась гуманизация законодательства, некоторые ученые отмечают фискальный характер этой процессуальной нормы. К слову говоря, сумма назначенного судебного штрафа по прекращенным уголовным делам составила в 2020 г. – 828 761 руб., в 2021 г. – 560 431 руб., в 2022 г. – 312 395 руб., в 2023 г. – 272 861 руб.⁸ Очевидно, что указанные суммы «незаметны» для бюджета России, поэтому сложно согласиться с подобным рода выводами. Важно отметить, что ст. 25.1 УПК РФ не подмени-

ла собой процессуальный механизм примирения, закрепленный ст. 25 УПК РФ (прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон), а дополнила и расширила компромиссный «арсенал» отечественной уголовной юстиции.

В марте 2024 г. УК РФ и УПК РФ дополнились еще одним компромиссным основанием освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования⁹. В УПК РФ законодатель закрепил ст. 28.2 УПК РФ, в соответствии с которой подлежит прекращению уголовное преследование в отношении подозреваемого (обвиняемого) в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, военного времени или в период военного положения, награжденного государственной наградой либо уволенного со службы по состоянию здоровья или достижению предельного возраста. Данный законопроект, согласно пояснительной записке к нему, был разработан в целях совершенствования законодательного регулирования компромиссных оснований освобождения от уголовной ответственности, «погашения судимости, приостановления уголовных дел и прекращения уголовного преследования в периоды мобилизации, военного положения и в военное время».

Таким образом, непрерывное развитие компромиссных оснований прекращения уголовного преследования как одно из направлений современной уголовной политики России является важным вектором совершенствования уголовного и уголовно-процессуального права, позволяющим повысить эффективность деятельности государственных органов в борьбе с преступностью.

⁷ Судебная статистика Российской Федерации [Электронный доступ]. – URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/12/s/7> (дата обращения: 17.02.2025).

⁸ Там же.

⁹ Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный доступ]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.02.2025).

Литература

1. **Лист Ф.** Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. – Москва: Инфра-М, 2004. – 103 с.
2. **Мальшова О.А.** Современная уголовная политика Российского государства и ее реализация на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Рязань, 2006. – 65 с.
3. **Лесников Г.Ю.** Уголовная политика России: институциональные проблемы // Научный портал МВД России. – 2014. – № 4 (28). – С. 5–8.
4. **Маркелов А.Г.** Принцип процессуального компромисса в уголовном судопроизводстве России // Вестник ННГУ. – 2017. – № 6. – С. 114–118.
5. **Таршева М.Н., Семенов Е.Ю.** Примирительные процедуры в отечественном уголовном процессе // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2024. – № 3. – С. 540–544.
6. **Москалькова Т.Н.** Соблюдение и защита прав потерпевших в уголовном процессе: тематический доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. – Москва: Проспект, 2020. – 64 с.
7. **Аликперов Х.Д.** Проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1992. – 299 с.
8. **Апостолова Н.Н.** Защита интересов бизнеса в уголовном судопроизводстве: прекращение уголовного преследования по ст. 28.1 УПК РФ // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2016. – № 3. – С. 114–119.
9. **Николаева Ю.В., Северюхина О.А.** Тенденции развития уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления: политика либерализации // Образование и право. – 2020. – № 3. – С. 353–363.

References

1. **List F.** Zadachi ugolovnoi politiki. Prestuplenie kak sotsial'no-patologicheskoe yavlenie. – Moskva: Infra-M, 2004. – 103 s.
2. **Malysheva O.A.** Sovremennaya ugolovnaya politika Rossiiskogo gosudarstva i ee realizatsiya na dosudebnykh stadiyakh ugolovnogho sudoproizvodstva: avtoref. diss. ... d-ra yurid. nauk. – Ryazan', 2006. – 65 s.
3. **Lesnikov G. Yu.** Ugolovnaya politika Rossii: institutsional'nye problemy // Nauchnyi portal MVD Rossii. – 2014. – № 4 (28). – S. 5–8.
4. **Markelov A.G.** Printsip protsessual'nogo kompromissa v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii // Vestnik NNGU. – 2017. – № 6. – S. 114–118.
5. **Tarsheva M.N., Semenov E. Yu.** Primiritel'nye protsedury v otechestvennom ugolovnom protsesse // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo». – 2024. – № 3. – S. 540–544.
6. **Moskal'kova T.N.** Soblyudeniye i zashchita prav poterpevshikh v ugolovnom protsesse: tematicheskii doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii. – Moskva: Prospekt, 2020. – 64 s.
7. **Alikperov Kh.D.** Problemy dopustimosti kompromissa v bor'be s prestupnost'yu: dis. ... d-ra yurid. nauk. Moskva, 1992. – 299 s.
8. **Apostolova N.N.** Zashchita interesov biznesa v ugolovnom sudoproizvodstve: prekrashcheniye ugolovnogho presledovaniya po st. 28. 1 UPK RF // Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik. – 2016. – № 3. – S. 114–119.
9. **Nikolaeva Yu.V., Severyukhina O.A.** Tendentsii razvitiya ugolovnogho zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za nalogovye prestupleniya: politika liberalizatsii // Obrazovanie i pravo. – 2020. – № 3. – S. 353–363.

(статья сдана в редакцию 14.04.2025)

**УСТАНОВЛЕНИЕ И ФИКСАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДРОПОВ
ПОСРЕДСТВОМ ПОЛУЧЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ:
ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ****ESTABLISHING AND RECORDING THE ACTIVITIES OF DROPS
THROUGH OBTAINING COMPUTER INFORMATION: LEGAL AND
ORGANIZATIONAL FOUNDATIONS**

УДК 343.9

В.В. ПАВЛЮКОВ

(Луганский филиал
Воронежского института МВД России,
Россия, Луганск)
ykc@mail.ru

VITALY V. PAVLYUKOV

(Lugansk branch of the Voronezh Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Lugansk, Russia)

Аннотация: статья посвящена комплексному исследованию вопросов установления лиц, причастных к получению и выводу денежных средств, добытых преступным путем (дропов). Автор считает, что, хотя информационные технологии значительно автоматизировали множество процессов, полную замену человеческого участия в различных аспектах повседневной жизни они обеспечивать не могут. В криминальной сфере компьютерные системы обычно выступают лишь инструментом для реализации преступного умысла.

В статье на примере описания работы интернет-площадки Silk Road, кол-центра в г. Бердянске показано, как умелое использование злоумышленниками информационных технологий способствовало мошенническому завладению денежными средствами граждан России в особо крупных размерах. Несмотря на возможность, предоставляемые компьютерными технологиями, для правоохранительных органов по-прежнему непросто разобраться в способах получения и документирования преступной деятельности, совершаемой в сфере компьютерной информации.

В последние годы преступники начали активно использовать посредников, или дропов, которые берут на себя ответственность за незаконные действия по получению и выводу денежных средств, часто не осознавая масштаб преступления. Поиск и применение правовых мер к таким лицам требует комплексного подхода, который включает мониторинг онлайн-активности пользователей, сотрудничество с другими правоохранительными органами и организациями, а также осуществление анализа интернет-трафика с целью выявления правонарушителей.

Ключевые слова: дроп, дроповод, информационные технологии, правоохранительные органы, компьютерная информация.

Для цитирования: Павлюков В.В. Установление и фиксация деятельности дропов посредством получения компьютерной информации: правовые и организационные основы // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 4. – С. 86–91.

Abstract: the article is devoted to a comprehensive study of the issues of identifying individuals involved in the receipt and withdrawal of funds obtained through criminal means (drops). The author believes that although information technologies have significantly automated many processes, they cannot fully replace human involvement in various aspects of daily life. In the criminal sphere, computer systems are usually just a tool for carrying out criminal intentions.

The article uses the example of the Silk Road Internet platform and a call center in Berdyansk to show how the skillful use of information technology by criminals has led to the fraudulent acquisition of large amounts of money from Russian citizens. Despite the capabilities provided by computer technology, it remains challenging for law enforcement agencies to understand and document the methods used to commit crimes involving computer information.

In recent years, criminals have begun to actively use intermediaries, or drops, who take responsibility for the illegal actions of receiving and withdrawing funds, often without realizing the extent of the crime. Finding and taking legal action against such individuals requires a comprehensive approach that includes monitoring

online user activity, collaborating with other law enforcement agencies and organizations, and analyzing internet traffic to identify offenders.

Keywords: drop, drop guide, information technology, law enforcement agencies, computer information.

For citation: Pavlyukov V.V. Establishing and recording the activities of drops through obtaining computer information: legal and organizational foundations // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 4. – P. 86–91.

Современные информационные технологии автоматизируют множество процессов, однако полностью заменить все функции повседневной жизнедеятельности человека не смогут еще долгое время. При реализации преступного умысла злоумышленники, понимая существующие правовые механизмы привлечения к ответственности, осознанно не применяют все доступные цифровые ресурсы, предоставляемые сферой информационных технологий, используя их лишь в качестве инструмента совершения преступления. Это связано с тем, что зачастую проблема заключается именно в получении и выводе денежных средств злоумышленниками. Идеальная схема получения денежных средств за реализацию противоправного умысла была реализована при помощи таких технологий, как VPN и криптовалюта биткоин. Удачным примером такой связки являлась деятельность анонимной торговой интернет-площадки Silk Road, осуществлявшей свою деятельность с 2011 по 2013 годы, где использовался браузер Tor, а товары продавались при помощи биткоина, что гарантировало пользователям анонимность и невозможность блокирования сделок. Из отдельных источников известно, что по состоянию на 2013 год 70% продаваемых товаров на площадке Silk Road являлись запрещенными законодательством различных стран¹. Однако обычному обывателю весьма сложно объяснить механизм работы браузера Tor, а тем более способы пополнения и перевода криптовалюты между криптокошельками. Очевидно, что намного проще осуществить перевод между обычными банковскими счетами. В то же время банки по запросу от правоохранительных органов могут указать на лицо, причастное к получению денежных средств.

В поисках путей получения денежных средств некоторые злоумышленники довольно успешно начали использовать посредников в своей деятельности – дропов (от англ. drops – «сбросы»), а именно лиц, которые соглашались принять на себя ответственность за преступные действия, часто не осознавая полного масштаба совершаемых преступлений. Преступления с использова-

нием дропов могут принимать различные формы. На сегодняшний день к таким можно отнести:

1. Финансовые мошенничества: использование дропов для получения кредитов, займов или других финансовых услуг на подставные имена; открытие банковских счетов на дропов для отмывания денег.

2. Интернет-мошенничество: вовлечение дропов для получения товаров, купленных с использованием украденных кредитных карт или мошеннических схем; использование дропов для регистрации аккаунтов на платформах, что дает возможность осуществлять преступные действия анонимно.

3. Наркоторговля: привлечение дропов для получения и распространения наркотиков с целью минимизации риска ареста для настоящих участников.

4. Кража личных данных: дропы могут использоваться для получения и хранения украденной информации, что затрудняет установление фактических виновников преступления.

5. Торговля краденым: использование дропов для продажи краденого имущества с целью сокрытия идентичности настоящих преступников.

6. Шантаж: использование дропов для получения денежных средств от лиц, причастных к противоправной, ранее скомпрометированной деятельности.

Дроп также может оформить на себя кредит, часть суммы которого он передает третьим лицам, а часть оставляет себе, не погашая при этом кредит. Нередко дроп используется и для контрабанды различных полученных незаконным способом или запрещенных к обороту веществ и предметов, где он за вознаграждение через сеть Интернет находит и покупает товар, получает его на свое имя в почтовых отделениях и передает заказчику [1, с. 29].

Это далеко не исчерпывающий перечень преступных схем, где используются дропы, и на сегодня стоит выделить две самые распространенные и наиболее опасные для граждан Российской Федерации. К таким относится использование дропа при осуществлении телефонных мошенничеств, когда дроп может забрать лично денежные средства у жертвы либо предоставить данные своей

¹ Silk Road: как закрыли Amazon мира наркотиков [Электронный ресурс]. – URL: <https://xakep.ru/2014/08/13/silkroad-fail-story/> (дата обращения: 14.03.2025).

банковской карты для перевода на нее с дальнейшим обналечиванием денежных средств. Отметим, что в обозначенных выше преступных схемах дроп выступает как связующее звено, где основная цель – получить от жертвы деньги и вывести их при помощи банковского счета или карты. Банковская карта может быть лично получена дропом на свое имя, так и украдена или куплена. Для обналечивания денежных средств дроп передает заказчику данные своей пластиковой карты и в случае поступления на нее денежных средств через банкомат снимает деньги. После того как дроп забрал денежные средства или получил перевод на карту, он может либо лично передать денежные средства лицу, которое вымогало их у жертвы, либо осуществить перевод через банкомат на заранее указанный банковский счет или криптокошелек, получая процент от снятой суммы в качестве вознаграждения. При этом с целью не быть замеченным правоохранительными органами дроп может использовать информационные киоски. Для перевода похищенных денежных средств дроп также может воспользоваться услугами посредника для конвертирования денежных средств в криптовалюту [2, с. 137].

Примечательно, что на сегодняшний день дропов из числа граждан Российской Федерации используют в своих преступных целях лица других государств. Примером может являться обнаруженный сотрудниками ФСВНГ Росгвардии в 2022 году в городе Бердянске так называемый кол-центр, целью деятельности которого являлось дистанционное хищение денежных средств со счетов граждан России. Количество рабочих мест в указанном кол-центре насчитывало 70, где посменно работало 300 человек, имеющих sip-телефоны с гарнитурой и в среднем совершающих около 5 000 звонков в сутки. В данном центре была организована четкая иерархия и IT-инфраструктура: осуществлялась закупка баз данных будущих жертв, обучение персонала, разбивка мошенников на группы, из которых одни совершали звонки, а другие прорабатывали схемы получения и вывода денежных средств через дропов. Кроме того, в кол-центре также осуществляли свою деятельность и специалисты, которые не только настраивали оборудование, но и занимались разработкой программного обеспечения для фиксации информации об операциях, счетах, вкладах и возможностях работы с жертвами. Следует указать, что параллельно с развитием подобных кол-центров в Украине, которых, к слову, насчитывается около 3 000, наблюдается также и повышение качества услуг, предоставляемых дропами. Для этих целей в даркнете довольно успешно, а главное, долго функционируют несколько сайтов, таких как, например, Darkmoney или Dublikat, где

можно купить как реквизиты дебетовых карт, так и найти дропов для выполнения различных задач. Онлайн-сервисы, которые подбирают дропов, за определенный процент гарантируют возврат денег при вербовке. Так, например, при подборе дропов онлайн-сервис требует внесения депозита в размере от 50 000 тысяч рублей, а также ксерокопию паспорта и видео подтверждения лица о готовности работать в качестве посредника.

Помимо онлайн-сервисов злоумышленник может обратиться к дроповоду, то есть к человеку, который занимается привлечением дропов в качестве соучастников преступной деятельности. К методам, с помощью которых происходит такой поиск, можно отнести размещение объявлений о быстром заработке на досках объявлений и форумах (например, объявление без четкого описания характера работы для студентов на сайте «Авито») [3, с. 257]; поиск сообщников через социальные сети и мессенджеры; сайты онлайн-знакомств, онлайн-игры, чат-боты [4, с. 1078].

При поиске дропов учитывается трудное материальное положение граждан, и поэтому на отдельных специализированных сайтах рекомендуют использовать в криминальных целях наркозависимых, студентов, безработных [5, с. 8]. Схема обращения к дроповоду выглядит следующим образом: при посещении, например, сайта Darkmoney в разделе «Ищем дроповодов по России» описаны условия и требования для работы дропом и указано, что для того чтобы связаться с лицом по поводу интересующей услуги, необходимо обратиться в мессенджер Telegram. В данном разделе также много положительных отзывов о дропах, мотивирующих к согласию на работу такого рода. После перехода в Telegram пользователь обращается к дроповоду, выступающему связующим звеном в цепочке «заказчик – товар», где товаром являются банковские счета, номера кредитных карт и данные личных кабинетов, оформленные на дропов, которые продали свои данные дроповоду.

Дроповоды являются ключевыми фигурами в организации и координации преступных сетей [6, с. 68]. Нетрудно понять, что дропы занимают в этой схеме низшую позицию, однако именно они играют ключевую роль в незаконном получении денег и в дальнейшем становятся основными фигурантами уголовных дел, поскольку средства, полученные незаконным путем, выводились с их счетов. [7, с. 161–162].

Например, в ранее упомянутом кол-центре Бердянска процесс получения денежных средств реализовывался по следующей схеме: в процессе общения сотрудники кол-центра, понимая, что жертва готова переводить деньги, параллельно подбирали, общаясь в чате через мессенджер или при помощи сайта по прода-

же банковских карт, дропа с подходящим для вывода денег лимитом. В режиме реального времени происходило предоставление данных действующей банковской карты для зачисления денежных средств. После зачисления деньги выводились дропом под контролем сотрудников сервиса. Вознаграждение за данную услугу в среднем составляло от 15 до 20% [8, с. 52], остальные денежные средства переводились на криптокошельки.

Очевидно, что участие в преступлениях, даже косвенное, в том числе через использование дропов, должно являться уголовно наказуемым деянием с серьезными правовыми последствиями для участвующих в подобных схемах.

В Российской Федерации сохраняется сложная обстановка, связанная с деятельностью дропов. Данный факт свидетельствует о высокой степени актуальности проблемы и подчеркивает необходимость принятия комплексных мер по ее решению, включая законодательные инициативы и практические действия. По данным Сбербанка, менее 10% дропов привлекаются к уголовной ответственности. При этом прокуратура и суды в регионах не имеют единой практики в этом вопросе. Статистика показывает, что злоумышленники постоянно разрабатывают более изощренные схемы мошенничества, что приводит к увеличению ущерба, а существующая правоприменительная практика не справляется с этой задачей – все это говорит о том, что действующая следственная и судебная практика по поиску и привлечению дропов к ответственности в Российской Федерации нуждается в совершенствовании. Изобличение дропов осложняется и тем, что за продажу дроповоду или размещение на досках объявлений, в мессенджерах сведений о своей или чужой банковской карте до сих пор не предусмотрено какой-либо ответственности. Ситуация, при которой банковская карта будет использоваться для совершения преступлений, всем очевидна, однако это не доказывает наличие умысла на хищение денежных средств². Президент России В.В. Путин справедливо подчеркнул, что необходимо усилить не только контроль, но и ответственность людей, которые являются соучастниками таких преступлений³.

В настоящее время при исследовании деятельности организованных групп с участием дропов правоохранительными органами также устанавли-

² Анализ системы вывода денежных средств, похищенных у граждан [Электронный ресурс]. – URL: https://www.sberbank.ru/ru/person/kibrary/investigations/analiz-sistemy_vyvoda_denezhnyh_sredstv?tab=otvetstvennost (дата обращения: 06.04.2025).

³ Путин предложил ввести уголовную ответственность в отношении дропперов [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/999589> (дата обращения: 06.04.2025).

вается, что дропом в этой цепочке иногда становится невинное лицо. Это происходит в ситуации, когда, например, дроповоды скрывают от дропов свои преступные цели, выдавая их за законные действия. О том, что человек был частью мошеннической схемы, он узнает при задержании или после получения повестки к следователю или в суд. Как дропы, так и лица, которые были обманым путем вовлечены в эту деятельность, на сегодняшний день привлекаются к ответственности по нескольким статьям Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ): ст. 174 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем» и ст. 159.3 «Мошенничество с использованием электронных средств платежа». Квалификация по второй статье происходит, когда для получения денежных средств была использована украденная банковская карта или электронный счет⁴. Исследователи предлагают добавить в УК РФ ст. 187.1, которая будет предусматривать уголовное наказание за помощь по выводу средств, полученных преступным путем. Проект данной статьи уже разработан и находится на стадии согласования [9, с. 98–99].

При этом важно отметить, что один человек может быть средством преступления в руках другого только тогда, когда он действует в результате слабой воли или интеллектуальных ошибок. В случае отсутствия у дропа признаков субъективной стороны он не может подлежать уголовной ответственности, но дроповод является исполнителем преступления и должен нести ответственность как исполнитель. Пределы его наказания не могут зависеть от ответственности лица, действующего по его указаниям или по неосторожности.

Преступления, связанные с привлечением дроповодов, всегда характеризуются наличием умысла у организатора на использование лиц, не способных осознавать противоправность своих действий, либо лиц, не достигших возраста уголовной ответственности. Дропы обычно принимают на себя ответственность за передачу или получение незаконных товаров или услуг, часто действуя по указанию более значимых участников преступной схемы. Отметим, что если лицо, выполнившее преступный замысел, по обстоятельствам дела должно и могло осознавать его преступный характер, то обычно его действия подлежат уголовной ответственности при условии, что такое деяние предусмотрено УК РФ как преступное.

С одной стороны, чем больше посредников в преступной цепочке, тем сложнее выйти на орга-

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2025).

низатора, а с другой – больше вероятность, что кто-то оставит свой цифровой след. В большинстве случаев исполнитель (дроповод), посредник (дроп) и конечный заказчик не знакомы друг с другом, что существенно повышает эффективность следственных мероприятий по установлению последнего. Очевидно, что поиск и выявление дропов в преступлениях – это сложная, но решаемая задача, требующая комплексного подхода.

Полагаем, что ряд следующих мер могут способствовать более эффективному проведению поисковых операций:

1. Слежение за онлайн-активностью: мониторинг мессенджеров (Telegram) и онлайн-платформ (Darkmoney, Dublikat и т.п.), где могут обмениваться информацией дропы. Это включает анализ сообщений и логов. Важно отметить, что дроповод требует от дропа документ, а иногда и аванс для страховки и уверенности, что дроп будет выполнять поставленные задачи. Здесь, как верно заметили отдельные исследователи, для криминалистического анализа существенным является возможность изучения метаданных документов и файлов, исследование которых позволит получить следствию дату и время создания или модификации файлов. Полученные данные могут быть использованы для определения временных интервалов активности заказчика, дроповода и дропа. Ученые указывают на тот факт, что ценность для выявления и идентификации лиц, задействованных в нелегальной деятельности, представляют и фотографии паспортов использованных дропов, и учетная информация о прежде использованных банковских счетах [10, с. 189].

2. Проверка физических мест: отслеживание мест, где могут снимать дропы. Обычно это банкоматы,

информационные киоски, которые расположены в магазинах или на улицах.

3. Сотрудничество с другими органами: обмен информацией с другими правоохранительными органами и службами безопасности различных организаций для выявления более широких схем получения и вывода денег.

4. Создание подставных операций: в некоторых случаях правоохранительные органы могут создавать собственные интернет-ресурсы, фишинговые сайты, при помощи которых можно «завлекать» и в дальнейшем выявлять не только дропов, но и дроповодов.

5. Анализ данных: получение информации от провайдеров и операторов связи, от кредитных и банковских организаций для изучения транзакций и площадок взаимодействия между участниками преступных групп, исследование форумов и тематических площадок для продажи банковских карт, учетных записей и интернет-сервисов с объявлениями о поиске и предоставлении услуг дропов.

Подводя итог, считаем нужным отметить, что дроп может быть привлечен к уголовной ответственности, когда его вина будет доказана и при этом подкреплена соответствующей собранной доказательственной базой. Это можно будет реализовать, если отслеживать его деятельность до момента совершения получения денежных средств, а именно: путем получения компьютерной информации по запросу от интернет-провайдера и операторов о посещаемых им интернет-ресурсах; исследуя сообщения на досках объявлений и форумах, переписку в мессенджерах с целью установления сведений о продаже банковских данных дроповоду или размещении информации в сети Интернет о предоставлении услуг по выводу денег с дальнейшей процессуальной фиксацией такой деятельности.

Литература

1. **Зажигалкин В.Е.** «Дропы» – инструмент организации и исполнения контрабанды подконтрольных психоактивных веществ с использованием современных телекоммуникационных ресурсов // Наркоконтроль. – 2018. – № 3. – С. 28–30.
2. **Скоробогатый А.В.** Вопросы профилактики и выявления мошенничества, совершаемого с использованием информационно-коммуникационных технологий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2024. – Т. 1. – № S1-1. – С. 135–139.
3. **Стрижченко И.А., Егоров Р.П.** Актуальные принципы деятельности отдельных видов преступлений в сфере телекоммуникационной сети интернет с использованием «дропов» // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 10 (161). – С. 256–257.
4. **Ахатова А.М.** Дроп как соучастник преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: проблемы уголовно-правовой оценки и правоприменения // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2024. – Т. 34. – № 6. – С. 1075–1083.
5. **Суходолов А.П., Бычкова А.М.** Цифровые технологии и наркопреступность: проблемы противодействия использованию мессенджера «Телеграм» в распространении наркотиков // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – № 1. – С. 5–17.
6. **Зайцева О.В.** Уголовная ответственность дроперов: за и против // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2024. – № 6. – С. 138–140.
7. **Туузбаев Г.А.** Преступления в сфере информационных технологий и сфере компьютерной информации // Охрана, безопасность, связь. – 2023. – № 8-2. – С. 150–179.

8. **Богацкая У.И.** Особенности привлечения к уголовной ответственности дропов за совершение преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: сборник материалов ежегодной Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2024. С. 51–54.

9. **Казачек Т.А.** Ответственность «дропа» за участие в незаконном обороте наркотиков / Актуальные проблемы противодействия преступности в России и пути их решения: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, 21 марта 2024 г.; сост. Е.Е. Колбасина. – Москва: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2024. С. 96–100.

10. **Альмов Д.В., Балашов К.Г., Дериглазова А.Ю.** Криминалистическая характеристика типовых следов преступника, осуществляющего криминальную деятельность в виртуальном пространстве (на примере дроповодов) // Вестник Томского государственного университета. – 2024. – № 506. – С. 185–192.

References

1. **Zazhigalkin V.E.** «Dropy» – instrument organizatsii i ispolneniya kontrabandy podkontrol'nykh psikhoaktivnykh veshchestv s ispol'zovaniem sovremennykh telekommunikatsionnykh resursov // Narkokontrol'. – 2018. – № 3. – С. 28–30.

2. **Skorobogatyi A.V.** Voprosy profilaktiki i vyyavleniya moshennichestva, sovershaemogo s ispol'zovaniem informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii // Nauchnyi vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. – 2024. – Т. 1. – № S1-1. – С. 135–139.

3. **Strizhchenko I.A., Egorov R.P.** Aktual'nye printsipy deyatel'nosti otdel'nykh vidov prestuplenii v sfere telekommunikatsionnoi seti internet s ispol'zovaniem «dropov» // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. – 2021. – № 10 (161). – С. 256–257.

4. **Akhatova A.M.** Drop kak souchastnik prestuplenii, sovershennykh s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh setei: problemy ugolovno-pravovoi otsenki i pravoprimeneniya // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo. – 2024. – Т. 34. – № 6. – С. 1075–1083.

5. **Sukhodolov A.P., Bychkova A.M.** Tsifrovye tekhnologii i narkoprestupnost': problemy protivodeistviya ispol'zovaniyu messendzhera «Telegram» v rasprostraneni narkotikov // Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal. – 2019. – Т. 13. – № 1. – С. 5–17.

6. **Zaitseva O.V.** Ugolovnaya otvetstvennost' droperov: za i protiv // Vestnik Saratovskoi gosudarstvennots yuridicheskoi akademii. – 2024. – № 6. – С. 138–140.

7. **Tuguzbaev G.A.** Prestupleniya v sfere informatsionnykh tekhnologii i sfere komp'yuterno informatsii // Okhrana, bezopasnost', svyaz'. – 2023. – № 8-2. – С. 150–179.

8. **Bogatskaya U.I.** Osobennosti privlecheniya k ugolovnoi otvetstvennosti dropov za sovershenie prestuplenii s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikatsionnykh tekhnologii / Ugolovnoe zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra: sbornik materialov ezhegodnoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Sankt-Peterburg, 2024. С. 51–54.

9. **Kazachek T.A.** Otvetstvennost' «дропа» за участие в незаконном обороте наркотиков / Aktual'nye problemy protivodeistviya prestupnosti v Rossii i puti ikh resheniya: sbornik nauchnykh trudov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 21 marta 2024 g.; sost. E.E. Kolbasina. – Moskva: Moskovskii universitet MVD Rossii imeni V.Ya. Kikoty, 2024. С. 96–100.

10. **Alymov D.V., Balashov K.G., Deriglazova A.Yu.** Kriminalisticheskaya kharakteristika tipovykh sledov prestupnika, osushchestvlyayushchego kriminal'nuyu deyatel'nost' v virtual'nom prostranstve (na primere dropovodov) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2024. – № 506. – С. 185–192.

(статья сдана в редакцию 05.05.2025)

**ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ
ВО ВЬЕТНАМЕ****SELECTED ISSUES OF ANTI-CORRUPTION IN VIETNAM**

УДК 340.9

Е.А. ЖУК

(Государственная Дума Российской Федерации,
Россия, Москва)
zhukhome123@xmail.ru

EGOR A. ZHUK

(State Duma of the Russian Federation,
Moscow, Russia)

В.Ф. ВАСЮКОВ,

доктор юридических наук, профессор
(Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
Россия, Москва)
vvf0109@yandex.ru

VITALY F. VASYUKOV,

Doctor of Law, Professor
(Moscow State Institute of International
Relations (University) of the Ministry of Foreign
Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia)

Аннотация: в статье проводится исторический анализ трансформации антикоррупционной политики Вьетнама с середины XX века. На основе авторской периодизации исследуются характерные черты каждого этапа, факторы, обусловившие изменения в методах борьбы, а также дается оценка их эффективности и исторической значимости. Исследование призвано раскрыть специфику вьетнамского контекста, в том числе на фоне других стран Юго-Восточной Азии, и служить комплексным введением в проблематику преступлений коррупционной направленности и в борьбу с ними. Помимо анализа нормативной правовой базы и институциональных механизмов противодействия коррупции авторами исследуются детерминанты коррупционной преступности, укорененные в специфике политической республиканской системы. К ним отнесены влияние экономических реформ (в частности, политики «Дой Мой») и внутривластной динамики и борьбы фракций внутри правящей Коммунистической партии Вьетнама; процессы идеологической трансформации и кадрового обновления партийной элиты; институциональные противоречия между центральными и местными органами власти; формирование особой политической культуры, допускающей патронажно-клиентарные отношения.

На основе изучения резонансных антикоррупционных дел современного периода формулируются главные направления государственной политики и раскрываются проблемы ее имплементации. В завершающей части работы анализируется воздействие международного сообщества на процесс разработки и принятия внутригосударственной антикоррупционной стратегии.

Ключевые слова: Вьетнам, коррупция, борьба с преступностью, антикоррупционная политика, международное сотрудничество в борьбе с коррупцией.

Для цитирования: Жук Е.А., Васюков В.Ф. Отдельные вопросы противодействия коррупции во Вьетнаме // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 4. – С. 92–98.

Abstract: the article provides a historical analysis of the transformation of Vietnam's anti-corruption policy since the mid-20th century. Based on the author's periodization, the characteristic features of each stage, the factors that determined the changes in the methods of struggle are examined, and their effectiveness and historical

significance are assessed. The study is intended to reveal the specifics of the Vietnamese context, including against the background of other countries in Southeast Asia, and to serve as a comprehensive introduction to the problem of corruption-related crimes and the fight against them. In addition to the analysis of the legal framework and institutional mechanisms for combating corruption, the authors examine the determinants of corruption crimes rooted in the specifics of the political republican system. The authors include among them: the impact of economic reforms (in particular, the Doi Moi policy); domestic political dynamics and the struggle of factions within the ruling Communist Party of Vietnam; the processes of ideological transformation and personnel renewal of the party elite; institutional contradictions between central and local authorities; the formation of a special political culture that allows for patronage-client relations. Based on the study of high-profile anti-corruption cases of the modern period, the main directions of state policy are formulated and the problems of its implementation are revealed. The final part of the work analyzes the impact of the international community on the process of developing and adopting a domestic anti-corruption strategy.

Keywords: Vietnam, corruption, fight against crime, anti-corruption policy, international cooperation in the fight against corruption.

For citation: Zhuk E.A., Vasyukov V.F. Selected issues of anti-corruption in Vietnam // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 4. – P. 92–98.

Страны Юго-Восточной Азии, несмотря на многообразие культурных традиций, политических систем и специфических политических особенностей, демонстрируют общую тенденцию к динамичному экономическому развитию. Однако даже мощнейшие из «азиатских тигров», например экономики Сингапура и Гонконга [1], страдают от проблем коррупции, представляющих серьезные вызовы для устойчивого политического, экономического, социального и правового развития как отдельных политических субъектов, так и региона в целом. На сегодняшний день как в научной среде [2], так и, например, на уровне Организации Объединенных Наций и ее Антикоррупционного центра по Юго-Восточной Азии¹ отмечается тождество коррупциогенных факторов если не на уровне всего Юго-Востока Азии, то по крайней мере на уровне субрегиона бассейна «Большого Меконга» (куда входят Камбоджа, Лаос, Тайланд и Вьетнам). Это политический кризис недемократических режимов региона к концу XX века, сопряженный с переходом от преимущественно сельскохозяйственной к многоукладной экономической модели, с ростом образованного городского среднего класса и укреплением позиций частного сектора, которые в условиях повышения роли СМИ в обществе все больше включались в общественно-политические процессы и все менее терпимо относились к прежним формам взаимоотношения общества и власти, к непрозрачным моделям государственного управления, неподотчетности

чиновников и т.д. В то же время, поскольку экономические изменения происходили в относительно авторитарных условиях (прежде всего в отсутствие политической конкуренции), без достаточной комплексной перестройки государственного аппарата и его институтов под новые рыночные условия (в основном в части регулирования заработных плат и социального обеспечения сотрудников многочисленных бюрократических структур), в указанных странах можно наблюдать примеры сращивания государственных, партийных и частных структур на почве общих финансовых и политических интересов, что во многом определяет единство стратегий борьбы с коррупцией в регионе.

Вышеописанные тенденции нашли свое выражение и в Социалистической Республике Вьетнам. Так, знаковым стало решение VI съезда Коммунистической партии Вьетнама (далее – КПВ), принятое в 1986 г., которое положило начало политике экономической модернизации, известной как Doi Moi (пер. с вьетн. – «обновление»). Эта реформа, проводимая во многом под влиянием перестройки в СССР, политики реформ и открытости 1978 году в КНР и нового экономического механизма 1986 г. в Лаосе, привела к формированию гибридной экономической модели, основанной на параллельном существовании планового государственного сектора и частного предпринимательства [3]. На этом съезде политическое руководство страны поднимало острейшие экономические проблемы, и уже тогда среди основных задач новой политики обозначило борьбу с коррупцией и бюрократизмом [4]. Однако пристальное внимание к проблеме не позволило добиться ее разрешения, что подтверждается данными Индекса восприятия коррупции Transparency International, согласно которым Вьетнам с 1997 г. стабильно получает

¹ Regional Roadmap to Reinvigorate the Platform to Fast-Track the Implementation of the United Nations Convention against Corruption (2024–2027). Bangkok, Thailand, 29 February 2024 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unodc.org/pdf/ft-uncac/2024-2027_UNCAC_Implementation_Roadmap_in_Southeast_Asia.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

оценку ниже 50 баллов, что свидетельствует о сохраняющихся системных проблемах². В связи с этим борьба с коррупцией воспринимается во Вьетнаме очень остро, в том числе как одна из основных задач КПВ на современном этапе государственного развития [5].

Конечно, феномен коррупции существовал во Вьетнаме и до начала политики обновления в 1986 г. Несмотря на то что термин *tham nhũng* (пер. с вьетн. – «коррупция») официально не фигурировал в партийных документах и отчетах КПВ до 1986 г., борьба со взяточничеством объективно происходила задолго до начала реформ. Так, обращаясь к эпохе зарождения коммунистического Северного Вьетнама (Демократической Республики Вьетнам в период 1945–1976 гг.), следует отметить криминализацию взяточничества и ряда других деяний, связанных с коррупцией, уже на данном этапе. Даже при отсутствии кодифицированного уголовного законодательства (Уголовного кодекса) до 1985 г. и фрагментарность уголовно-правовых норм, разбросанных по различным нормативным правовым актам [6], правительство Демократической Республики Вьетнам уже в сентябре 1945 г. предприняло ряд системных и целенаправленных мер по противодействию именно коррупции. В частности, было принято Решение президента № 64 (с поправками от 25 ноября 1945 г.) о создании Специального инспекционного бюро № 3 и Специального суда для расследования и судебного разбирательства в отношении противоправных действий должностных лиц, а также Постановление президента № 223 (с поправками от 27 ноября 1946 г.) о преступлениях, связанных со взяточничеством [7].

В качестве показательного примера можно привести случай с Чан Ду Чау, начальником департамента материально-технического обеспечения Министерства обороны, который в 1950 г. стал первым человеком в новейшей истории Вьетнама и которому было предъявлено обвинение во взяточничестве, закончившееся смертным приговором [8]. Период с 1945 по 1986 г. можно условно назвать «нулевым» этапом антикоррупционной борьбы во Вьетнаме в связи с ограниченностью интереса власти к антикоррупционной борьбе в этот период, а также с ограниченностью информации об этих событиях в открытых источниках. Ключевой характеристикой для борьбы с коррупцией на данном этапе следует обозначить ее политизированный характер, использование ее в качестве инструмента внутривластной борьбы и

обновления кадрового состава в КПВ, устранения амбициозных и недостаточно лояльных кадров в отдельных ведомствах и, что особенно важно, в отдельных провинциях и местностях [4, с. 124–125].

Политика «Дой Мой», по мнению как вьетнамских [7], так и иностранных [8] ученых, стала временем расцвета коррупции во Вьетнаме. В частности, подготовка реформы, сам ход объявившего ее съезда КПВ и ее последствия выразили нарастание политических противоречий внутри государства и партии по двум направлениям. Во-первых, быстрое и не везде последовательное снятие ограничений в экономической сфере придало внутривластной борьбе полулегальное экономическое измерение в аспекте борьбы за распределение собственности и наиболее доходные элементы государственного сектора [4, с. 163]. Во-вторых, и эта тенденция уже является специфической именно для вьетнамского общества, само проведение реформы и отказ от прежней плановой модели экономики стали возможны ввиду довольно уникальной внутривластной конфигурации действующих сил.

С одной стороны, к 1986 г. ключевые деятели «старого» поколения функционеров КПВ – сторонники идей Хо Ши Мина и курса на просоветскую коммунистическую ориентацию – в основном либо ушли из жизни (как, например, Ле Зуан, 7-й Генеральный Секретарь ЦК КПВ³ (умер в 1986 г.), при котором Вьетнам разгромил режим Пол Пота в Кампучии и отразил вторжение китайских войск), либо оказались не у власти (как, например, Во Нгуен Зиан, главнокомандующий войсками Северного Вьетнама в период Второй Индокитайской войны и наиболее известный и авторитетный сторонник Хо Ши Мина), либо не имели аппаратного веса и авторитета (как Чыонг Тинь, Генеральный Секретарь ЦК КПВ с июля по декабрь 1986 г., являлся противником реформы, однако не сумел противостоять ее апологетам и был быстро отстранен от власти после 6-го съезда ЦК КПВ). Возобладавшему в ЦК КПВ к 1986 г. молодое поколение политиков (представленное преимущественно функционерами провинциальных ячеек КПВ) оценивало внутреннюю политику сторонников ортодоксального коммунистического курса как излишне централизованную и оторванную от проблем регионов. Культурные, географические, этнические и прочие особенности регионов страны (усиленные разделением Вьетнама на Северный и Южный в период 1945–1976 гг.) в рамках этого дискурса требовали децентрализованных методов их решения. Характерно в связи с этим, что именно представители

² Corruption Perceptions Index [Электронный ресурс] // Transparency International, Berlin, Index calculations by World Economics. – URL: <https://www.worldeconomics.com/Indicator-Data/Corruption/Corruption-Perceptions-Index.aspx> (дата обращения: 01.09.2025).

³ Примером может выступить Нгуен Ван Линь, Генеральный Секретарь ЦК КПВ с декабря 1986 г., прежде занимавший пост 1-го Секретаря Хошиминского Горкома (бывш. Сайгон – столица Южного Вьетнама в период 1945–1976 гг.), т.е. фактически пост главы города.

провинций в составе ЦК КПВ стояли у истоков реформы «обновления» и в ее ходе заложили во внутреннюю политику страны принцип *phép vua thua lệ làng* (пер. с вьетн. – «приказ короля не действует за воротами деревни») [9, с. 3], закрепивший за провинциальными властями большой объем полномочий в экономической сфере⁴.

Таким образом неизбежным следствием межпоколенного идеологического раскола в КПВ стало ослабление институтов центральной государственной власти, что сформировало облик внутренней политики Вьетнама на долгие годы. Особенностью системы местной власти во Вьетнаме, разделенной на три уровня – 61 провинцию, 600 районов и более 10 тыс. «коммун», еще до 1986 г. являлось формирование органов представительной (в виде народных советов) и исполнительной (в виде народных комитетов) власти, когда каждый из уровней направляет своих представителей для участия в работе Национального Собрания Социалистической Республики Вьетнам и центрального правительства [2, с. 261]. Характерно, что за 30 лет с 1986 по 2016 г. представители региональных властей стали ведущей силой в государственных и партийных структурах, а сложившаяся конфигурация власти оставалась практически неизменной: исключение из состава ЦК КПВ в 1988 г. Ха Тронг Хоа, секретаря провинции Тханьхоа, долгое время продолжало оставаться единственным подобным прецедентом со стороны центра в отношении провинциальных властей. Такое положение дел не могло не отразиться на эффективности антикоррупционной политики в этот период [2, с. 102–103].

Тем не менее реформы «Дой Мой» обусловили наступление нового, условно первого (1986–2005 гг.), этапа антикоррупционной политики во Вьетнаме. Этот этап характеризовался формированием целостной и консолидированной системы правового регулирования в сфере борьбы с коррупцией и другими финансовыми нарушениями. В частности, важным шагом стало принятие Указа о борьбе с коррупцией 1998 г. (*Anti-Corruption Ordinance of 1998*), который впоследствии был инкорпорирован в состав Уголовного кодекса 1999 г. [10]. Однако исход антикоррупционной политики на данном этапе исторического развития был закономерен и предрешен – его неэффективность впоследствии будет признана как правительством Вьетнама, так и, например, в отчете Всемирного банка о развитии Вьетнама за 2005 г.⁵ Так, почти треть государственных инвестиционных

расходов Вьетнама, эквивалентная 5% ВВП страны, была потеряна именно из-за коррупционных схем [2, с. 258].

Очевидно, что такая ситуация во многом была обусловлена недостатком опыта в борьбе в системной борьбе с коррупцией, недостаточно быстрым развитием правовой науки и, как следствие, упрощенным пониманием причин и природы коррупции, что, в свою очередь, привело к формированию бессистемного подхода исполнительной власти к ее преодолению. В частности, в документах 6-го Национального конгресса КПВ коррупция определялась как «социальное зло», вызванное «погоней за деньгами», и бороться с ней предлагалось преимущественно методами финансовой инспекции. В соответствии с таким пониманием Указ о борьбе с коррупцией 1998 г. в качестве основных инструментов такой борьбы предусматривал внедрение системы государственного и партийного самоконтроля. Несмотря на формальное обязательство государственных служащих координировать свои действия с правоохранительными органами, указ практически не предусматривал механизмов внешнего контроля за деятельностью чиновников, полагаясь в основном на внутренний аудит, периодические проверки и доносы. При этом акценты в документах ЦК КПВ на укреплении партийной и служебной дисциплины как ключевом инструменте противодействия коррупционным проявлениям наталкивались на противодействие со стороны провинциальных властей.

Новый (второй) этап в развитии антикоррупционной стратегии Вьетнама начался с принятием Антикоррупционного закона от 29 ноября 2005 г. №55/2005/QH11 (*Law on Anti-corruption №55/2005/QH11 of 29.11.2005*) с последующими поправками от 2007 и 2012 гг. Определенной предпосылкой к этому стало подписание в 2003 г. Вьетнамом Конвенции ООН против коррупции. Этот этап характеризуется реформированием действующего законодательства, постепенным развитием международного сотрудничества в деле борьбы с коррупцией и активным интересом к международному опыту в этой сфере, а также ее осторожной институционализацией и осмыслением на междисциплинарном уровне.

Так, принятие Антикоррупционного закона 2005 г. сопровождалось формированием в 2009 г. Центрального руководящего комитета по борьбе с коррупцией (*Central Steering Committee on Anti-corruption*) [11], а также принятием Национальной антикоррупционной Стратегии, за проведение которой были ответственны Центральный руководящий комитет совместно с Правительственной инспекцией (*Government inspectorate*) [12]. Стратегия содержала 5 направлений деятельности: 1) по-

⁴ Vietnam Development Report 2005: Governance [Электронный ресурс] // World Bank. Washington, DC, 2004. – URL: <http://hdl.handle.net/10986/15650> (дата обращения: 01.09.2025).

⁵ См., напр.: с. 93–105 Vietnam Development Report 2005 [Электронный ресурс] // World Bank. Washington, DC, 2004. – URL: <http://hdl.handle.net/10986/15650>

вышение открытости и прозрачности законотворческой работы; 2) совершенствование режимов государственной службы; 3) совершенствование механизма управления экономикой на началах справедливости и прозрачности; 4) повышение эффективности и результативности инспекции, мониторинга, аудита, внутриведомственных расследований, уголовного преследования и судебного разбирательства при выявлении и пресечении коррупции; 5) повышение осведомленности и роли общества в борьбе с коррупцией. Таким образом, виден по меньшей мере формальный разворот от политики партийного самоконтроля к политике построения отношений между государственными органами власти на вертикальных иерархических началах.

Имплементация Конвенции ООН по борьбе с коррупцией на этом этапе также сопровождалась принятием плана по ее реализации (Implementation Plan of the United Nations Convention against Corruption), который был приведен в соответствие с нормативными актами, регулирующими положение и применение международных договоров во Вьетнаме. Цели, содержание и дорожные карты этого плана во многом были синхронизированы с целями, содержанием и дорожными картами Национальной стратегии 2009 г. по предупреждению и борьбе с коррупцией до 2020 г. Вьетнама. В частности, в качестве конкретных мер по борьбе с коррупцией в плане по имплементации были отмечены следующие:

- продолжение пропаганды в сфере предотвращения коррупции;
- проведение научных исследований и подготовка законотворческих предложений;
- формирование необходимых механизмов международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства;
- расширение обмена международным и региональным опытом в области противодействия коррупции;
- совершенствование механизма возврата коррупционных активов.

Однако и на этом этапе, несмотря на достижение осязаемых результатов, общий итог работы не был признан удовлетворительным. Так, на проведенном в 2001 г. накануне новой стадии антикоррупционной борьбы 9-м Национальном конгрессе КПВ противодействие коррупции было отмечено как необходимая мера для выживания государства и партии [7]. Однако в протоколе заседания Центрального Комитета КПВ к 10-летию Антикоррупционного закона подчеркивалось, что проблема сохраняется и принятых мер недостаточно [5].

Во многом такая оценка связывается вьетнамскими авторами с тем, что специализиро-

ванные органы по борьбе с коррупцией были интегрированы в уже существующие и уже коррумпированные партийные и государственные структуры, а не были созданы на независимых началах [5]. Концентрация антикоррупционных полномочий в сфере ведения КПВ была зафиксирована, например, в разделе IA части 2 упомянутой Национальной стратегии на период до 2020 г.: «..борьба с коррупцией является обязанностью всей политической системы под руководством партии». Тем не менее в науке отмечается, что в результате была построена своеобразная модель борьбы с коррупцией – одна из трех уникальных для Азии, опирающаяся на разветвленную сеть внутриведомственных и внутрипартийных органов, а также на подробное законодательное регулирование [13]. Однако ее слабыми сторонами являлись дублирование функций органов, задействованных в проведении антикоррупционной политики, и недостаток координации между ними. В отчете 2011 г. перед Азиатским банком развития и другими инвесторами среди недостатков данной модели также были отмечены слабая степень вовлеченности в антикоррупционную борьбу гражданского общества (прежде всего в лице независимых СМИ), а также недостаточная эффективность уголовного преследования, особенно в отношении высокопоставленных государственных и партийных служащих⁶.

Современный, третий этап истории развития борьбы с коррупцией во Вьетнаме, начался в 2016 г. и продолжается по наши дни. Он связан с пребыванием во власти Нгуена Фу Чонга – единственного политика за историю современного Вьетнама, кто смог одновременно занимать партийную должность Генерального Секретаря Центрального Комитета КПВ (2016–2021 гг.; 2021–2024 гг.) и государственный пост Президента Республики (2018–2021 гг.), заполучив исключительный по меркам современной вьетнамской истории аппаратный вес.

Некоторые вьетнамские авторы оценивают его вклад в борьбу с коррупцией достаточно скромно, указывая на отсутствие коренных изменений в структуре антикоррупционных органов власти⁷ и экстенсивный, «кампанейский» характер его деятельности [7]. Действительно, Нгуен Фу Чонг

⁶ Norwegian Agency for Development Cooperation Joint Evaluation of Support to Anti-Corruption Efforts [Электронный ресурс] // Viet Nam Country Report. – 2011. – Study. June. – P. XIII. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/197483/evaluation-support-anticorruption-vietnam.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

⁷ Хотя во время своего первого срока пребывания в статусе Генерального Секретаря (2011–2016 гг.) он активно подерживал принятие нового Уголовного кодекса 2015 г.

развязал процесс, известный во вьетнамском обществе как «кампания пылающей печи». Ее цель заключалась в том, чтобы очистить ряды партии и вернуть утраченное народное доверие к КПВ, государству, и характеризовалась мобилизацией всех государственных ресурсов на борьбу с коррупцией, интенсификацией контрольно-надзорных процессов, ужесточением уголовных наказаний для взяточников. Насколько можно судить по собранным данным, одной из целей кампании являлась демонстрация высокого уровня принципиальности нового центрального руководства Вьетнама, т.е. яркая демонстрация отсутствия толерантности по отношению к коррупционерам, независимо от их статуса. Данные установки позволили Нгуену Фу Чонгу нанести серию ударов как минимум по трем кластерам коррупционной экономики.

Так, на первом этапе кампании (2013–2021 гг.) удару подвергся центральный аппарат вьетнамского правительства, включая высших представителей власти. Правоохранительные органы Вьетнама активно искали выходы на источники личного обогащения высокопоставленных членов правительства через связанные с ними государственно-частные проекты и их «клановые» предприятия [9, с. 4]. Так, одним из крупнейших в ходе кампании стал так называемый *Việt Á Technology Corporation scandal*⁸, связанный с тем, что одноименная корпорация подкупала вьетнамских чиновников с целью выдать приобретенные ими за рубежом ПЦР-тесты на Covid-19 за произведенные во Вьетнаме и продать в государственные учреждения здравоохранения по цене в 21 раз больше среднерыночной. Прибыль от такой махинации составила 177 млн долларов. По итогам скандал привел к отставке министра здравоохранения, а также двух заместителей премьер-министра. Также одним из итогов кампании на этом направлении стала отставка 11-го (следующего после Нгуена Фу Чонга) Президента Социалистической Республики Вьетнам Нгуена Суан Фука, который на фоне происходивших коррупционных скандалов 17 января 2023 г. добровольно подал в отставку и вышел из состава КПВ.

Вторым крупным направлением «кампании пылающей печи» стала борьба с коррупцией в частном секторе и вытекающими из нее проблемами лоббизма и использования властных ресурсов в интересах частных лиц. Показательно

здесь дело компании *Van Think Phat Holdings Group*, ставшее крупнейшим коррупционным скандалом в истории Вьетнама⁹. В 2022 г. предприниматель *Truong My Lan* была арестована и приговорена к высшей мере наказания в виде смертной казни за использование своих связей в Государственном Банке Вьетнама для слияния в 2018–2019 гг. трех коммерческих банков и последующих манипуляций с выпуском облигаций, что позволило ей обогатиться на 304 трлн донгов (12,5 млрд долларов).

Наконец, третьим крупным направлением антикоррупционной кампании, которое заметным образом положительно выделяет этот этап на фоне предыдущих, стали меры по борьбе с коррупцией на местных уровнях власти и с их представителями в центральном аппарате. Так, к концу 2021 г. из состава ЦК КПВ по разным причинам (в том числе по обвинениям в коррупции) были выведены 13 провинциальных представителей, численность провинциальных представителей в ЦК сократилась с 40 до 28%, была перенята и введена китайская практика ротации партийных кадров на местах [2, с. 4–7].

Подводя итог, отметим, что сложно сказать, сможет ли Вьетнам так же активно поддерживать «кампанию пылающей печи» после Нгуена Фу Чонга, скончавшегося 19 июля 2024 года. Периодизация борьбы с коррупцией во Вьетнаме наглядно показывает, насколько осторожными и непродолжительными по времени были попытки выстроить институциональную модель эффективной борьбы с коррупцией, работающую в регулярном режиме и не требующую колоссального напряжения всех ресурсов государства. Также она отражает корреляцию своих этапов с существенными политическими изменениями вьетнамского общества, во многом персоналистский характер этой борьбы. И хотя в России вьетнамский опыт борьбы с коррупцией только предстоит подробно изучить и давать ему какие-либо оценки было бы преждевременно, нельзя не отметить некоторые параллели с советской и российской уголовно-правовой политикой в данной сфере, особенно в части партикуляризма, недостатка институционализации, персоналистского характера этой борьбы, взаимосвязи коррупционных проблем с противостоянием центра и регионов, а также осторожного отношения к международному сотрудничеству в данной сфере.

⁸ Vietnam police arrest company CEO, disease control chief for hiking prices of COVID-19 test kits [Электронный ресурс]. – URL: <https://tuoitrenews.vn/news/society/20211219/vietnam-police-arrest-company-ceo-disease-control-chief-for-hiking-prices-of-covid19-test-kits/64800.html> (дата обращения: 01.09.2025).

⁹ Vietnam tycoon sentenced to death in \$12 billion fraud case [Электронный ресурс]. – URL: <https://edition.cnn.com/2024/04/11/business/truong-my-lan-vietnam-fraud-death-sentence/index.html> (дата обращения: 01.09.2025).

Литература

1. **Quah J.S.T.** Curbing Corruption and Enhancing Trust in Government: Some Lessons from Singapore and Hong Kong / Handbook of Asian Criminology. – Manchester: Springer, 2013. P. 25–49.
2. **Wescott C.** Combating corruption in South East Asia / Fighting Corruption in Asia: Causes, Effects and Remedies [ed. by John Kidd and Frank-Jurgen Richter]. – London; New York; Singapore: World Scientific Publishing Co., 2013. P. 237–270.
3. **Beresford M., Đặng Ph.** Economic transition in Vietnam: trade and aid in the demise of a centrally planned economy / Cheltenham. – UK: Edward Elgar, 2000. – 165 p.
4. **Beresford M., Đặng Ph.** Vietnam: Politics, Economics and Society. – London and New York: Pinter Publishers, 1998. – 242 p.
5. **Фам Н.Х.** Борьба с коррупцией – основная задача Коммунистической партии Вьетнама на современном этапе государственного развития [Электронный ресурс] // Право и политика. – 2017. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-korruptsiei-osnovnaya-zadacha-kommunisticheskoy-partii-vietnama-na-sovremennom-etape-gosudarstvennogo-razvitiya> (дата обращения: 01.09.2025).
6. **Нгуен Х.Тю** Субъекты преступления по законодательству Социалистической Республики Вьетнам: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2024. – 159 с.
7. **Nguyen H.T.** The system of Anti-corruption agencies in Vietnam: Concept, function, and challenges [Электронный ресурс] // The Global Studies Journal. – 2021. – Vol. 11. – P. 123–144. – URL: https://global-studies.doshisha.ac.jp/gst/attach/page/GLOBAL_STUDIES-PAGE-EN-147/149717/file/123-144.pdf (дата обращения: 01.09.2025).
8. **Gregory R.** Combating corruption in Vietnam: A commentary [Электронный ресурс] // Asian Education and Development Studies. – 2016. – Vol. 5 – No. 2. – P. 227–243. – URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/aeds-01-2016-0010/full/html> (дата обращения: 01.09.2025).
9. **Nguyen K.G.** Anti-Corruption Politics and Shifts in Central-Local Relations in Vietnam [Электронный ресурс] // ISEAS Perspective. Issue. – 2024. – № 44. – URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2024/05/ISEAS_Perspective_2024_44.pdf (дата обращения: 01.09.2025).
10. **Dinh V.M.** The issue of corruption and major contents of 2018 Anti-corruption law (in Vietnamese) / Labor Publishing House. – Hanoi, 2019.
11. **Phuong N.** Corruption in Vietnam: the current situation and proposed solutions [Электронный ресурс] / The Changing Face of Corruption in the Asia Pacific: Current Perspectives and Future Challenges (1st ed. by Chris Rowley Marie dela Rama). Elsevier, 2017. – URL: https://www.researchgate.net/publication/319310522_Corruption_in_Vietnam_the_current_situation_and_proposed_solutions (дата обращения: 01.09.2025).
12. **Tran A.T.** Anti-corruption in Vietnam // United Nations and Far East Institute [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unafei.or.jp/publications/pdf/GG5/GG5_Vietnam2.pdf (дата обращения: 01.09.2025).
13. **Ngich L.M., Wonhyuk C.** Addressing police corruption in Southeast Asia: politics, participation and public management reform [Электронный ресурс] // Public Administration Issues. – 2020. – Special Issue I. – URL: <https://vgmu.hse.ru/data/2020/08/05/1602162757/Ngich,%20Cho%202020.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).

References

1. **Quah J.S.T.** Curbing Corruption and Enhancing Trust in Government: Some Lessons from Singapore and Hong Kong / Handbook of Asian Criminology. – Manchester: Springer, 2013. P. 25–49.
2. **Wescott C.** Combating corruption in South East Asia / Fighting Corruption in Asia: Causes, Effects and Remedies [ed. by John Kidd and Frank-Jurgen Richter]. – London; New York; Singapore: World Scientific Publishing Co., 2013. P. 237–270.
3. **Beresford M., Đặng Ph.** Economic transition in Vietnam: trade and aid in the demise of a centrally planned economy / Cheltenham. – UK: Edward Elgar, 2000. – 165 p.
4. **Beresford M., Đặng Ph.** Vietnam: Politics, Economics and Society. – London and New York: Pinter Publishers, 1998. – 242 p.
5. **Fam N.Kh.** Bor'ba s korruptsiei – osnovnaya zadacha Kommunisticheskoi partii V'etnama na sovremennom etape gosudarstvennogo razvitiya [Elektronnyi resurs] // Pravo i politika. – 2017. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-korruptsiei-osnovnaya-zadacha-kommunisticheskoy-partii-vietnama-na-sovremennom-etape-gosudarstvennogo-razvitiya> (data obrashcheniya: 01.09.2025).
6. **Nguyen Kh.T.** Sub'ekty prestupleniya po zakonodatel'stvu Sotsialisticheskoi Respubliki V'etnam: dis. ... kand. yurid. nauk. – Moskva, 2024. – 159 p.
7. **Nguyen H.T.** The system of Anti-corruption agencies in Vietnam: Concept, function, and challenges [Elektronnyi resurs] // The Global Studies Journal. – 2021. – Vol. 11. – P. 123–144. – URL: https://global-studies.doshisha.ac.jp/gst/attach/page/GLOBAL_STUDIES-PAGE-EN-147/149717/file/123-144.pdf (data obrashcheniya: 01.09.2025).
8. **Gregory R.** Combating corruption in Vietnam: A commentary [Elektronnyi resurs] // Asian Education and Development Studies. – 2016. – Vol. 5 – No. 2. – P. 227–243. – URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/aeds-01-2016-0010/full/html> (data obrashcheniya: 01.09.2025).
9. **Nguyen K.G.** Anti-Corruption Politics and Shifts in Central-Local Relations in Vietnam [Elektronnyi resurs] // ISEAS Perspective. Issue. – 2024. – № 44. – URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2024/05/ISEAS_Perspective_2024_44.pdf (data obrashcheniya: 01.09.2025).
10. **Dinh V.M.** The issue of corruption and major contents of 2018 Anti-corruption law (in Vietnamese) / Labor Publishing House. – Hanoi, 2019.
11. **Phuong N.** Corruption in Vietnam: the current situation and proposed solutions [Elektronnyi resurs] / The Changing Face of Corruption in the Asia Pacific: Current Perspectives and Future Challenges (1st ed. by Chris Rowley Marie dela Rama). Elsevier, 2017. – URL: https://www.researchgate.net/publication/319310522_Corruption_in_Vietnam_the_current_situation_and_proposed_solutions (data obrashcheniya: 01.09.2025).
12. **Tran A.T.** Anti-corruption in Vietnam // United Nations and Far East Institute [Elektronnyi resurs]. – URL: https://www.unafei.or.jp/publications/pdf/GG5/GG5_Vietnam2.pdf (data obrashcheniya: 01.09.2025).
13. **Ngich L.M., Wonhyuk C.** Addressing police corruption in Southeast Asia: politics, participation and public management reform [Elektronnyi resurs] // Public Administration Issues. – 2020. – Special Issue I. – URL: <https://vgmu.hse.ru/data/2020/08/05/1602162757/Ngich,%20Cho%202020.pdf> (data obrashcheniya: 01.09.2025).

(статья сдана в редакцию 04.09.2025)

**ЭКСТРЕМИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПОДХОДЫ
К ПОНИМАНИЮ, МЕХАНИЗМЫ МОНИТОРИНГА
И КОНТРОЛЯ ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ В ИНТЕРНЕТЕ
(ЗАРУБЕЖНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ)**

**EXTREMIST ACTIVITIES: APPROACHES TO UNDERSTANDING,
MECHANISMS FOR MONITORING AND CONTROLLING
EXTREMIST MATERIALS ON THE INTERNET
(FOREIGN AND RUSSIAN EXPERIENCE)**

УДК 342.951

А.В. МИРОШНИЧЕНКО,
кандидат юридических наук
(Омская академия МВД России,
Россия, Омск)
patrusheva_avp@mail.ru

ANASTASIA V. MIROSHNICHENKO,
Candidate of Law
(Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Omsk, Russia)

М.Ю. ВОДЯНАЯ,
кандидат юридических наук, доцент
(Омская академия МВД России,
Россия, Омск)
vodimash@mail.ru

MARIA YU. VODYANAYA,
Candidate of Law, Associate Professor
(Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Omsk, Russia)

Аннотация: статья анализирует подходы к пониманию экстремистской деятельности, механизмы ее предотвращения и особенности распространения экстремистских материалов в цифровом пространстве. В работе рассматриваются два направления исследований: зарубежный и российский опыт регулирования противодействия экстремистской деятельности, в том числе в виртуальной среде. Анализируются современные методы мониторинга и контроля контента, направленные на минимизацию рисков распространения экстремистских материалов, различные подходы к пониманию термина «экстремистская деятельность» в зарубежном и российском законодательстве, подчеркивается разница в восприятии и методах противодействия в различных правовых системах. Отдельное внимание уделено анализу технических и организационных механизмов, применяемых странами Запада и Россией для предотвращения распространения экстремистских материалов, дается оценка эффективности различных мер. Предложены авторские интерпретации терминов «экстремистская деятельность» и «экстремистские материалы». Сделан вывод о необходимости формирования международных стандартов регулирования экстремизма в цифровом пространстве, позволяющих сочетать эффективность борьбы с защитой прав и свобод граждан.

Методологическую основу исследования составляют общеправовые, общенаучный, специальный и частный методы. Среди общенаучных методов выделяется контент-анализ, а среди специальных и частных – формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистские материалы, механизм противодействия, мониторинг, цифровизация.

Для цитирования: Мирошниченко А.В., Водяная М.Ю. Экстремистская деятельность: подходы к пониманию, механизмы мониторинга и контроля экстремистских материалов в интернете (зарубежный и российский опыт) // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 4. – С. 99–107.

Abstract: the article is devoted to an analysis of approaches to understanding extremist activities and the mechanism for countering extremism, with special attention to the peculiarities of the dissemination of extremist materials in the digital environment. The text details two areas of research: foreign and Russian experience of regulation of opposition to extremist activities in general and, in particular, in virtual space. Modern methods of monitoring and controlling content aimed at minimizing the risks of dissemination of extremist materials are

considered. Different approaches to understanding the term «extremist activities» in foreign and Russian legislation are analyzed, differences in perception and methods of counteraction in different legal systems are emphasized. Special attention is given to the analysis of technical and organizational mechanisms applied by Western countries and Russia to prevent the proliferation of extremist materials, and an assessment of the effectiveness of various measures. The author's interpretations of terms «extremist activities» and «extremist materials» are proposed. It was concluded that there is a need to form international standards of regulation of extremism in the digital space, allowing to combine effectiveness of fight with protection of rights and freedoms of citizens.

The methodological basis of the study are general philosophical, general scientific, special and private methods. Among the general scientific methods, content analysis occupies a special place, and among the specialized and private - formal legal and comparative law.

Keywords: extremism, extremist materials, counter-mechanism, monitoring, digitalization.

For citation: Miroshnichenko A.V., Vodyanaya M.YU. Extremist activities: approaches to understanding, mechanisms for monitoring and controlling extremist materials on the internet (foreign and russian experience) // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 4. – P. 99–107.

Экстремизм и экстремистская деятельность приобрели глобальный характер, став одними из наиболее острых вызовов современности. Борьба с подобными проявлениями ставит перед мировым сообществом важные задачи по выработке единого подхода к пониманию и классификации экстремистской деятельности. Конкретные трактовки термина «экстремистская деятельность» в законодательстве разных стран различаются, что нередко препятствует эффективному международному сотрудничеству и синхронному принятию необходимых мер.

В научной литературе давно ведутся дискуссии вокруг содержания и определения границ данного понятия. Различные авторы фокусируют внимание на обширном перечне признаков понятия «экстремизм»¹. При этом одни исследователи предлагают расширенное толкование, включая в категорию экстремистской деятельности практически любые действия, ведущие к нарушению общественного порядка и безопасности [1; 2], другие считают целесообразным сужать сферу применения данного термина, предлагая ограничить его исключительно действиями, связанными с применением насилия или угрозой насилия ради достижения политических, идеологических или религиозных целей [3]. Противоречивые суждения ученых и практиков во многом предопределяют и несовершенство законодательства о правонарушениях экстремистской направленности [4].

Многообразие мнений подчеркивает необходимость проведения сравнительно-правового анализа, призванного выявить общие черты и различия в подходах разных государств к определению термина «экстремистская деятельность». Такой анализ

позволит углубить понимание сути явления, лучше отразить его современную динамику и обосновать оптимальное направление дальнейших шагов по предотвращению и противодействию экстремизму.

В последние десятилетия мировое сообщество столкнулось с нарастающим числом экстремистских проявлений, угрожающих безопасности стран и их граждан. Экстремизм стал предметом пристального внимания ученых, политиков и юристов, что привело к появлению многочисленных концепций и трактовок понятия «экстремистская деятельность». Между тем единообразного и универсального определения пока не выработано. Каждая страна формирует свое юридическое понимание экстремизма, опираясь на собственную историческую, культурную и политическую специфику, особенности национальных правовых систем. Например, в одних странах экстремизм отождествляется с терроризмом и насильственными преступлениями, тогда как в других это понятие может охватывать более широкие аспекты, такие как пропаганда ненависти или подрыв конституционного строя. Эти различия обуславливают отсутствие единого и универсального подхода к определению экстремизма.

Отсутствие единого представления о природе и границах экстремизма осложняет выработку эффективных мер по его предотвращению и противодействию. Такое разнообразие подходов затрудняет международное сотрудничество и синхронизацию законодательных норм, поэтому глубокое изучение и классификация различных подходов к определению понятия «экстремистская деятельность» представляется крайне важной и актуальной задачей.

В первую очередь следует обратиться к такому значимому международному документу, направленному на объединение усилий государств в противодействии угрозам безопасности, как Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом

¹ Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

и экстремизмом от 15 июня 2001 г. (ст. 1)². В конвенции официально утверждено определение экстремизма: какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них. Указанные деяния преследуются в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством стран, ратифицировавших данную конвенцию.

Позднее постановлением Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 14 мая 2009 г. № 32-9 был принят модельный закон «О противодействии экстремизму»³, в рамках которого экстремизмом стали признаваться посягательство на основы конституционного строя и безопасность государства, а также нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, осуществляемые вследствие отрицания правовых и (или) иных общепринятых норм и правил социального поведения [5].

В дальнейшем, в ходе принятия Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму, данное определение несколько модернизировалось, закрепившись в названном документе как «идеология и практика, направленные на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий»⁴. Как видно, указанное понятие значительно расширяет восприятие экстремизма и рассматривает его уже не только как реализацию насильственных действий, но и как агрессивную идеологию [6].

Следует отметить, что ООН подвергла критике введение термина «экстремизм», указав, что «ставит под сомнение целесообразность существования специального законодательства о противодействии так называемому экстремизму, учитывая сложность юридического определения термина «экстремизм» и серьезные проблемы с правами человека, возникающие из-за расплывчатых и

слишком широких определений и положений»⁵. Таким образом, можно отметить расхождение указанных документов с международными актами, принятыми ООН, в которых используется только термин «насильственный экстремизм», и подходами различных государств в законодательном определении данных проявлений.

Так, в Соединенном Королевстве основным актом, регулирующим вопросы борьбы с экстремизмом, является закон «О терроризме» (Terrorism Act 2000)⁶, который описывает экстремистскую деятельность как любую деятельность, направленную на достижение политических, религиозных, идеологических или аналогичных целей путем применения насилия, устрашения, принуждения или создания угрозы безопасности общества. Согласно закону экстремизм охватывает действия, направленные на пропаганду насилия, выражение ненависти или нетерпимости к другим людям, продвижение вооруженных восстаний и переворотов, нанесение ущерба общественному порядку и безопасности [7]. В качестве особенностей английского законодательства можно выделить отсутствие специализированного законодательства в области противодействия экстремизму, а также отождествление экстремизма с терроризмом.

Немецкое законодательство предусматривает жесткие санкции за участие в экстремистской деятельности. Уголовный кодекс ФРГ (Strafgesetzbuch⁷) содержит параграф (§129 StGB), который вводит запрет на создание и деятельность экстремистских организаций. Кроме того, предусмотрена уголовная ответственность за агитацию и пропаганду экстремистских взглядов (§130 StGB), а также за участие в демонстрациях и собраниях экстремистской направленности (§130a StGB). Понимание экстремистской деятельности дается в разделе Уголовного кодекса (Strafgesetzbuch), посвященном преследованию преступлений, связанных с политическим экстремизмом. Термин «экстремистская деятельность» охватывает

² Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Модельный закон «О противодействии экстремизму» (принят в г. Санкт-Петербурге 14 сентября 2009 г. постановлением № 32-9 на 32-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 196-ФЗ «О ратификации Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: пп. 12–14 доклада Специального докладчика ООН о противодействии экстремизму за 2020 год «Воздействие политики и практики, направленных на предупреждение насильственного экстремизма и борьбу с ним, на права человека», 21 февраля 2020 г., A/HRC/43/46 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/2/6/470538.pdf>. (дата обращения: 24.06.2025).

⁶ См.: пп. 12–14 доклада Специального докладчика ООН о противодействии экстремизму за 2020 год «Воздействие политики и практики, направленных на предупреждение насильственного экстремизма и борьбу с ним, на права человека», 21 февраля 2020 г., A/HRC/43/46 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/2/6/470538.pdf>. (дата обращения: 24.06.2025).

⁷ German Criminal Code (Strafgesetzbuch – StGB) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/index.html (дата обращения: 24.05.2025).

любое действие, которое нарушает основные ценности немецкого общества, включая создание и руководство экстремистскими партиями и движениями; публичную пропаганду экстремистских идей; разжигание ненависти и призывы к насилию.

Во французском законодательстве так же, как в Великобритании и Германии, отсутствует понятийный аппарат для слова «экстремизм». При этом французское законодательство отличается строгостью и жесткостью в вопросах борьбы с экстремизмом. Основной акт – закон «О борьбе с терроризмом» (Loi relative à la lutte contre le terrorisme 2017)⁸ – запрещает во Франции любую деятельность, связанную с поддержкой террористических и экстремистских организаций. Экстремизм воспринимается как серьезная угроза национальной безопасности и суверенитету. Понятие «экстремистская деятельность» зафиксировано в ряде актов, в том числе в законе «О свободе печати» (Loi sur la liberté de la presse)⁹ и Уголовном кодексе Франции (Code pénal)¹⁰, которые включают: 1) организацию, членство и участие в экстремистских группах; 2) распространение материалов, содержащих ненавистнические высказывания и пропаганду насилия; 3) попытки подрыва государственной власти и изменение конституционного строя.

В канадском законодательстве термин «экстремистская деятельность» отдельно не выделяется и не определяется напрямую. Вместо этого активно используется смежный термин «терроризм», который покрывает аналогичные явления и является объектом специального регулирования. Основным актом, регулирующим вопросы противодействия экстремизму и терроризму в Канаде, является закон «О безопасности Канады» (Security of Canada Information Sharing Act)¹¹. В этом документе термин «терроризм» определяется как намеренное использование насилия или угрозы насилия для достижения политических, религиозных или идеологических целей, угрожающих жизни людей, их правам и безопасности. Статьи Уголовного кодекса

Канады (Criminal Code of Canada)¹² предусматривают ответственность за участие в террористических организациях; финансирование терроризма; пропаганду насилия и разжигание ненависти; распространение запрещенной литературы и материалов; создание атмосферы страха и паники.

Австралийское законодательство содержит схожие нормы, направленные на борьбу с этим социально опасным явлением. Основой служит закон «О противодействии терроризму» (Australian Counter Terrorism Legislation Amendment Bill 2014)¹³. Австралийский парламент периодически принимает поправки, усиливающие меры противодействия экстремизму, такие как длительное задержание подозреваемых, внесение их в черные списки и замораживание активов. Термин «экстремистская деятельность» означает любые действия, направленные на достижение политических целей путем насилия; создание страха и тревоги среди населения; ущемление свободы и благополучия граждан (Anti-Terrorism Acts)¹⁴.

Анализируя законодательство США, следует отметить директиву Совета национальной безопасности США по борьбе с международным терроризмом № 138, которая определяет в качестве главного инструмента наложение запрета на содействие государствам, причисленным США к террористическим. При этом в доктрине к экстремистам относят не только террористов, но и лиц, совершающих преступления, основанные на политической, национальной, расовой, религиозной ненависти, а также в отношении групп нетрадиционной сексуальной ориентации. При этом указанные противоправные деяния обозначаются словосочетанием hate crimes (пер. с англ. – «преступления ненависти»), смыслом которого является враждебность или ненависть в отношении определенного лица или групп лиц на религиозной, национальной или другой почве [8].

Проведенный выборочный анализ законодательства зарубежных стран позволяет говорить о необходимости полного и бескомпромиссного преследования любых проявлений экстремизма. Каждый из рассмотренных примеров демонстрирует, насколько серьезно западные государства воспринимают данную угрозу и какую политику ведут для ее нейтрализации. Однако различия в понимании и подходе к определению экстремист-

⁸ Loi n° 2006-64 du 23 janvier 2006 relative à la lutte contre le terrorisme et portant dispositions diverses relatives à la sécurité et aux contrôles frontaliers [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000454124/2024-04-28/> (дата обращения: 24.05.2025).

⁹ Loi du 29 juillet 1881 sur la liberté de la presse [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGITEXT000006070722> (дата обращения: 24.05.2025).

¹⁰ Code pénal [Электронный ресурс]. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719/ (дата обращения: 24.05.2025).

¹¹ Security of Canada Information Sharing Act [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.canada.ca/en/news/archive/2015/01/security-canada-information-sharing-act.html> (дата обращения: 24.05.2025).

¹² Criminal Code [Электронный ресурс]. – URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-46/> (дата обращения: 26.05.2025).

¹³ Counter-Terrorism Legislation Amendment Bill (No. 1) 2014 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Bills_Legislation/Bills_Search_Results/Result?bld=s982 (дата обращения: 24.05.2025).

¹⁴ Anti-terrorism Act [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theCanadianEncyclopedia.ca/en/article/anti-terrorism-act> (дата обращения: 24.05.2025).

ской деятельности подчеркивают необходимость дальнейшей международной координации и согласования терминов и процедур. Тем не менее в западном законодательстве общие черты понятия «экстремистская деятельность» определяются через несколько ключевых признаков:

1. Идеологическая составляющая: экстремистская деятельность направлена на достижение политических, религиозных, идеологических или аналогичных целей.

2. Насилие или угроза насилия: экстремизм почти всегда ассоциируется с применением насилия или угрозами его применения для достижения вышеуказанных целей.

3. Ущерб обществу и общественному порядку: деятельность носит антисоциальный характер, вызывая страх, хаос и разрушение установленного порядка.

4. Общественная опасность: последствия экстремистской деятельности наносят ущерб жизни, здоровью, правам и свободам граждан, а также затрагивают интересы государства и общества в целом.

5. Запрет пропаганды: большинство западных стран вводят полный запрет на пропаганду экстремистских идей, призывы к насилию и организацию экстремистских группировок.

6. Преступления против человечности: экстремистская деятельность нередко сопровождается массовыми нарушениями прав человека, преступлениями против человечества и геноцидом.

6. Защита либеральных ценностей: важнейшим признаком экстремизма в западной традиции является противопоставление ценностям либерального общества, таким как свобода слова, равенство и плюрализм мнений.

Считаем целесообразным проанализировать существующие подходы к определению понятия «экстремистская деятельность» в отечественной науке, выявить их сильные и слабые стороны, предложить собственную концепцию, которая позволила бы глубже понять природу явления и сформулировать наиболее точные и операциональные дефиниции.

Позитивистский подход. Некоторые ученые придерживаются буквального толкования Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹⁵. По их мнению, термин «экстремистская деятельность» четко очерчен российским

законодательством и сводится к действиям, направленным на подрыв территориальной целостности, публичное оправдание терроризма, возбуждение социальной, расовой или религиозной вражды и прочие указанные в законе действия. Также в российском законодательстве экстремистскими материалами признаются информационные материалы, содержащие призывы к осуществлению экстремистской деятельности или оправдывающие такую деятельность. Этот подход рассматривает экстремистские материалы как объект правового регулирования¹⁶.

Функциональный подход. Ряд исследователей утверждают, что понятие «экстремистская деятельность» следует понимать шире: как любое общественное движение или группу, стремящуюся достичь своих целей вне установленных законом способов, независимо от заявленных ими идеологических устремлений. Сторонники функционального подхода обращают внимание на динамичность и изменчивость форм экстремистской деятельности, подчеркивая, что простое перечисление признаков недостаточно для точного понимания явления [9;10]. Здесь экстремистские материалы рассматриваются как один из факторов, способствующих совершению преступлений экстремистской направленности.

Либеральный подход. Эта позиция критикует саму идею жесткой правовой регуляции понятия «экстремистская деятельность», утверждая, что подобная категоричность противоречит принципам демократии и ограничивает свободу выражения мнений. По мнению сторонников либерального подхода, термин «экстремизм» легко превращается в инструмент давления на оппозицию и критики властей, что грозит нарушением прав и свобод граждан [11]. В данном подходе экстремистские материалы рассматриваются как инструмент политического влияния и манипулирования общественным мнением. Они исследуют, каким образом экстремистские идеи используются для достижения политических целей, а также как они взаимодействуют с государственными институтами и обществом.

¹⁵ Экстремистской деятельностью (экстремизмом) признается, в частности, пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии. См.: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Экстремистские материалы – предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы. См.: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Психологический подход. Специалисты в области психологии и психиатрии настаивают на включении в понятие «экстремистская деятельность» обязательного критерия наличия расстройств личности, патологии сознания или искаженных когнитивных схем у субъекта. Такая точка зрения строится на предположении, что истинные экстремисты руководствуются иррациональными установками и стереотипами, а значит, традиционные правовые подходы оказываются неэффективными [12; 13]. Данный подход исследует социально-психологические аспекты восприятия и воздействия экстремистских материалов на общество. Исследователи изучают, каким образом экстремистские материалы влияют на сознание и поведение людей, способствуют формированию негативных стереотипов и радикальных убеждений.

Например, в судебной практике встречаются следующие материалы, признанные судом экстремистскими: «согласно справке об исследовании... от... №... в данной книге содержатся утверждения о превосходстве или неполноценности людей в зависимости от их религиозной принадлежности: последователи секты... утверждают, что только их вероучение является истинным и только его последователи будут «воистину хранимы и спасены для жизни будущего века»¹⁷.

Интернациональный подход. Здесь акцент делается на сопоставлении отечественного и зарубежного опыта в определении понятия «экстремистская деятельность». Некоторые специалисты отмечают существенное отличие российской трактовки от европейской и американской, подчеркивая, что отечественная концепция гораздо шире и включает значительное число абстрактных признаков, допускающих произвольное применение [14; 15].

Учитывая сказанное, можно сделать вывод о том, что ученые расходятся в оценках и подходах к толкованию экстремистской деятельности. На сегодняшний день дискуссия продолжается, поскольку каждый подход открывает новые грани в понимании сложного и многослойного явления экстремистской деятельности.

С нашей точки зрения, под экстремистской деятельностью следует понимать совокупность противоправных действий, направленных на возбуждение социальной, национальной, расовой или религиозной розни, унижение человеческого достоинства, пропаганду исключительности, насилия или оправдание террористической деятельности, а также посягательство на основы конституционного строя и территориальную целостность государства. При этом экстремистскими материалами следует считать любые информационные материалы (тек-

сты, изображения, аудиозаписи, видеоматериалы и т.п.), которые содержат призывы к осуществлению экстремистской деятельности, оправдывают ее, пропагандируют ненависть или вражду по признакам расы, национальности, религии, пола, социального происхождения, а также призывают к насилию, нарушению общественного порядка или подрыву основ конституционного строя.

Дополнительно следует отметить, что информационные технологии и средства массовой информации играют ключевую роль в распространении экстремистских материалов. И в настоящее время существует необходимость выделить информационный подход к толкованию экстремистской деятельности, который, в свою очередь, акцентирует внимание на формах и методах распространения экстремистских материалов, а также на влиянии информационных технологий на радикализацию общества. Вместе с тем первостепенной проблемой реализации административной ответственности за административные правонарушения экстремистской направленности, совершаемые в сети Интернет [16], является отсутствие четкого понимания таких специальных терминов, как «экстремистская деятельность» и «экстремистские материалы».

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что административные правонарушения экстремистской направленности, совершаемые в сети Интернет, представляют собой деяния, предусмотренные административным законодательством, которые связаны с распространением или пропагандой экстремистских идей через информационные ресурсы глобальной сети. Эти правонарушения направлены на возбуждение ненависти либо вражды, унижение человеческого достоинства по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к социальной группе, а также содержат призывы к осуществлению экстремистской деятельности. К таким правонарушениям относятся, например, размещение экстремистских материалов, публичные высказывания, разжигающие межнациональную рознь, и иные действия, нарушающие общественный порядок и безопасность.

В эпоху тотальной цифровизации экстремистская деятельность все чаще переносится в интернет-пространство, обретая там качественно новые формы и масштабы. Цифровая среда обеспечивает экстремистам широчайшие возможности для быстрого распространения идеологического контента, а онлайн-площадки позволяют скрыть следы деятельности, обеспечивают анонимность участников и снижают затраты на радикализацию. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на разработку новых механизмов мониторинга и предотвращения распространения экстремистских материалов в Интернете, а также на повышение уровня правовой грамотности населе-

¹⁷ Решение № 2А-1226/2021 2А-1226/2021-М-508/2021 М-508/2021 от 25 марта 2021 г. по делу № 2А-1226/2021 Ленинского районного суда г. Перми (Пермский край) [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru>.

ния в вопросах информационной безопасности. Все это включает комплекс мер технического, организационного и правового характера, направленных на выявление, блокировку и пресечение распространения запрещенного контента. Рассмотрим основные этапы этого процесса:

1. Правовая регламентация:

– законодательные нормы: законы, направленные на борьбу с экстремизмом, предусматривают административную и уголовную ответственность за распространение экстремистских материалов. В России это регулируется, в частности, Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»;

– судебная практика: судебные решения по делам о распространении экстремистских материалов служат важным инструментом правовой практики. Они помогают уточнить толкование законов и формируют прецеденты для последующих случаев;

– международное сотрудничество: международные соглашения и инициативы, такие как Европейская конвенция о борьбе с терроризмом, обеспечивают координацию усилий разных стран в борьбе с экстремизмом в Интернете.

2. Общественный контроль:

– добровольные организации: создание общественных организаций и инициатив, направленных на мониторинг и предотвращение распространения экстремистских материалов. Эти организации могут оказывать помощь государственным органам и выступать посредниками между пользователями и властями;

– гражданское участие: активное участие граждан в выявлении и сообщении о случаях распространения экстремистских материалов. Пользователи могут сообщать о нарушении правил на платформах или обращаться в соответствующие государственные органы.

Представляется, что мониторинг и предотвращение распространения экстремистских материалов в Интернете требует комплексного подхода, включающего технические, организационные и правовые меры. Государственные органы, интернет-компании и граждане должны сотрудничать для эффективного противостояния этому явлению.

3. Технический мониторинг (автоматизированные системы фильтрации): использование специальных алгоритмов и программного обеспечения для автоматического анализа контента в Интернете для идентификации экстремистского контента на основе ключевых слов, изображений и других признаков (например, поисковые системы Google, «Яндекс» и другие крупные платформы используют фильтры для исключения экстремистских материалов из результатов поиска; платформы социальных сетей Facebook, Twitter, VK и др. при-

меняют автоматизированные инструменты для выявления и удаления экстремистского контента).

Анализ больших объемов данных (BigData) позволяет выявлять тенденции и закономерности в распространении экстремистских материалов. Специальные программы отслеживают активность пользователей, выявляют подозрительные аккаунты и источники распространения запрещенного контента.

4. Организационная работа:

– создание специализированных подразделений: государственные органы создают специальные подразделения, отвечающие за мониторинг Интернета и борьбу с экстремизмом (например, в России такими функциями занимаются ФСБ России, МВД России, Роскомнадзор и пр.);

– сотрудничество с платформами: государство сотрудничает с владельцами интернет-платформ для оперативного реагирования на запросы о блокировке экстремистского контента. Многие компании имеют собственные отделы по работе с правоохранительными органами и готовы оперативно реагировать на запросы;

– образовательная работа; проведение разъяснительной работы среди пользователей Интернета, особенно молодежи, о последствиях распространения экстремистских материалов. Образование играет важную роль в предотвращении сознательного или случайного нарушения закона.

Следует отметить, что актуальным остается вопрос ответственности владельцев сайтов и администраторов социальных сетей за содержание размещенной информации. Действующее законодательство возлагает на них обязанность контролировать контент, однако механизмы реализации этой обязанности остаются недостаточно разработанными.

Контроль контента в Интернете, включая деструктивный, представляет собой комплекс мер, направленных на предотвращение распространения нежелательной, опасной или запрещенной информации. Это особенно важно для защиты пользователей от угроз безопасности, нарушения прав личности и сохранения общественного порядка [17].

Далее приведены ключевые механизмы, используемые для такой цели:

1. Законодательный контроль:

– национальные законы: государства принимают законодательные акты, регулирующие деятельность в сети Интернет¹⁸;

¹⁸ См.: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»; Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»; Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

– международные соглашения: существуют международные договоры и конвенции, направленные на борьбу с киберпреступностью¹⁹.

2. Технические меры:

– фильтрация контента: использование технологий фильтрации (например, контент-фильтров DPI – DeepPacketInspection) для блокировки нежелательного контента и доступа к определенным сайтам или материалам;

– шифрование трафика: использование шифрования помогает защитить личные данные и коммуникации от перехвата злоумышленниками, однако также усложняет фильтрацию контента;

– мониторинг и анализ данных – системы машинного обучения и анализа больших данных позволяют автоматически выявлять подозрительные активности, спам, фишинговые атаки и другие виды вредоносного поведения.

3. Социальная ответственность:

– саморегулирование платформ: многие крупные социальные сети и платформы внедряют собственные правила и алгоритмы для удаления деструктивного контента (например, YouTube, Facebook, Twitter, где применяется автоматизированная система обнаружения и удаления материалов, нарушающих политику компании);

– модерация пользователями: введение инструментов для жалоб и сообщений от самих пользователей о нарушении правил, что позволяет оперативно реагировать на проблемные материалы.

4. Образование и просвещение:

– образовательные программы: важную роль играет обучение пользователей основам информационной безопасности и медиаграмотности.

Граждане должны уметь распознавать фейковые новости, манипуляции и дезинформацию;

– информационные кампании: проведение мероприятий, направленных на повышение осведомленности общества о рисках деструктивного контента и способах защиты от него.

5. Правоохранительная деятельность:

– расследования и уголовное преследование: правоохранительные органы занимаются расследованием преступлений, связанных с распространением незаконного контента, проведением арестов и конфискации оборудования;

– реестр запрещенных сайтов: в некоторых странах создаются списки ресурсов, содержащих нелегальный или вредный контент, которые подлежат блокировке интернет-провайдерами.

6. Технологические ограничения:

– блокировка IP-адресов и доменов: операторы связи могут ограничивать доступ к определенным серверам или ресурсам по решению суда или органов власти;

– VPN и прокси-сервисы: ограничение использования VPN и анонимайзеров²⁰, предназначенных для обхода фильтров и ограничений.

7. Корпоративная политика:

– политика конфиденциальности и безопасность данных: компании разрабатывают внутренние регламенты и политики, направленные на защиту личной информации клиентов и сотрудников;

– инструменты внутренней безопасности: внедрение корпоративных систем мониторинга сетевого трафика и предотвращения утечек данных.

Представляется, что эти методы могут взаимодействовать, создавая многослойную систему контроля, направленную на обеспечение безопасной среды в Интернете. Однако эффективность механизмов зависит от многих факторов, включая уровень технологического развития, правовой базы и общественной поддержки.

¹⁹ См.: Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS N 185 (Будапешт, 23 ноября .2001 г.); Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям (принята резолюцией Генеральной Ассамблеи 24 декабря 2024 г № 79/243) [Электронный ресурс]. Доступ СПС «Гарант».

²⁰ Анонимайзер – общее название средств для скрытия информации о компьютере, его IP-адресе или пользователе в сети от удаленного сервера.

Литература

1. **Каминок Л.С.** Проблемы толкования понятия «социальная группа» в преступлениях экстремистской направленности / Россия в XXI веке: стратегия и тактика социально-экономических, политических и правовых реформ: материалы межвузовских студенческих научных конференций студентов и аспирантов, 21 апреля 2015 г. – Барнаул: АЗБУКА, 2015. С. 264–267.
2. **Лаврич А.С.** Сущностные черты преступлений экстремистской направленности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 1-2. – С. 116–119.
3. **Эргешов А.К.** К вопросу о понятии экстремизма // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 2–3 (89). – С. 173–177.
4. **Факоев А.М.** О реформировании уголовного законодательства об экстремизме и терроризме в Российской Федерации // Закон и право. – 2018. – № 11. – С. 66–69.
5. **Реутская Е.А., Сидорова Е.З.** Понятие и сущность экстремизма в Республике Беларусь и Российской Федерации: современное состояние // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2024. – № 2 (48). – С. 206–212.

6. Сулайманова Н.Н., Адылова Н.А. Правовые акты Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2021. – Т. 21. – № 3. – С. 92–97.
7. Андреев А.В., Епифанов Б.В. Законодательство зарубежных государств об ответственности за финансирование экстремизма // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 4 (68). – С. 100–103.
8. Мухитдинов А.А. Международное законодательство и опыт зарубежных государств в противодействии религиозному экстремизму // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2023. – № 2 (105). – С. 199–215.
9. Осипов В.А. Экстремизм, экстремистская деятельность и преступления экстремистской направленности: понятия, содержание и соотношение // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2018. – № 4 (42). – С. 34–38.
10. Синицына В.А. Экстремизм, экстремистская деятельность, экстремистское правонарушение: понятие, соотношение, нормативное регулирование // Вопросы российской юстиции. – 2019. – № 2. – С. 304–322.
11. Кузнецов Р.Д. К вопросу о понятии экстремизма в современной юридической науке и законодательстве Российской Федерации // Ученые записки Тамбовского отделения РoСМУ. – 2020. – № 17. – С. 103–111.
12. Секреж Т.Н. Методологические проблемы исследования спорных текстов по делам об экстремизме [Электронный ресурс] // Психология и право: сборник статей. – URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2011_n2/40909 (дата обращения: 27.05.2025).
13. Эргешов А.К. Эрматова А.К. К вопросу о понятии экстремизма // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. – Vol. 2–3 (89). – С. 173–177.
14. Рузавина А.К. Определение экстремизма в современном научном дискурсе // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2021. – Т. 35. – С. 9–15.
15. Апанасенко Е.А. Современные подходы к определению понятия «экстремизм» // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2013. – № 4 (29). – С. 129–133.
16. Дизер О.А. Административно-правовая охрана общественного порядка и общественной безопасности в условиях формирования цифрового пространства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2020. – № 3 (89). – С. 63–70.
17. Дизер О.А. Общественная нравственность в структуре общественного порядка и роль правовых средств в ее охране // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 1 (39). – С. 8–14.

References

1. Kaminok L.S. Problemy tolkovaniya ponyatiya «sotsial'naya gruppy» v prestupleniyakh ekstremistskoi napravlenosti / Rossiya v XXI veke: strategiya i taktika sotsial'no-ekonomicheskikh, politicheskikh i pravovykh reform: materialy mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsii studentov i aspirantov, 21 aprelya 2015 g. – Barnaul: AZBUKA, 2015. S. 264–267.
2. Lavriv A.S. Sushchnostnye cherty prestuplenii ekstremistskoi napravlenosti // Istoricheskie, filosofskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2012. – № 1-2. – С. 116–119.
3. Ergeshov A.K. K voprosu o ponyatii ekstremizma // Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. – 2024. – № 2–3 (89). – С. 173–177.
4. Fakov A.M. O reformirovani ugolovnoho zakonodatel'stva ob ekstremizme i terrorizme v Rossiiskoi Federatsii // Zakon i pravo. – 2018. – № 11. – С. 66–69.
5. Reutskaya E.A., Sidorova E.Z. Ponyatie i sushchnost' ekstremizma v Respublike Belarus' i Rossiiskoi Federatsii: sovremennoe sostoyanie // Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'. – 2024. – № 2 (48). – С. 206–212.
6. Sulaimanova N.N., Adylova N.A. Pravovye akty Shangkhaiskoi organizatsii sotrudnichestva po protivodeistviyu ekstremizmu // Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavyanskogo universiteta. – 2021. – Т. 21. – № 3. – С. 92–97.
7. Andreev A.V., Epifanov B.V. Zakonodatel'stvo zarubezhnykh gosudarstv ob otvetstvennosti za finansirovanie ekstremizma // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2015. – № 4 (68). – С. 100–103.
8. Mukhitdinov A.A. Mezhdunarodnoe zakonodatel'stvo i opyt zarubezhnykh gosudarstv v protivodeistvii religioznomu ekstremizmu // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2023. – № 2 (105). – С. 199–215.
9. Osipov V.A. Ekstremizm, ekstremistskaya deyatel'nost' i prestupleniya ekstremistskoi napravlenosti: ponyatiya, sodержanie i sootnoshenie // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2018. – № 4 (42). – С. 34–38.
10. Sinitsyna V.A. Ekstremizm, ekstremistskaya deyatel'nost', ekstremistskoe pravonarushenie: ponyatie, sootnoshenie, normativnoe regulirovanie // Voprosy rossiiskoi yustitsii. – 2019. – № 2. – С. 304–322.
11. Kuznetsov R.D. K voprosu o ponyatii ekstremizma v sovremennoy yuridicheskoy nauke i zakonodatel'stve Rossiiskoi Federatsii // Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU. – 2020. – № 17. – С. 103–111.
12. Sekerazh T.N. Metodologicheskie problemy issledovaniya spornykh tekstov po delam ob ekstremizme [Elektronnyi resurs]. / Psikhologiya i pravo: sbornik statei. – URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2011_n2/40909 (data obrashcheniya: 27.05.2025).
13. Ergeshov A.K. Ermatova A.K. K voprosu o ponyatii ekstremizma // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. – Vol. 2–3 (89). – С. 173–177.
14. Ruzavina A.K. Opredelenie ekstremizma v sovremennoy nauchnoy diskurse // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie. – 2021. – Т. 35. – С. 9–15.
15. Apanasenko E.A. Sovremennyye podkhody k opredeleniyu ponyatiya «ekstremizm» // Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). – 2013. – № 4 (29). – С. 129–133.
16. Dizier O.A. Administrativno-pravovaya okhrana obshchestvennogo poryadka i obshchestvennoy bezopasnosti v usloviyakh formirovaniya cifrovogo prostranstva // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 3 (89). – С. 63–70.
17. Dizier O.A. Obshchestvennaya nrvstvennost' v strukture obshchestvennogo poryadka i rol' pravovykh sredstv v ee okhrane // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. – 2017. – № 1 (39). – С. 8–14.

(статья сдана в редакцию 30.06.2025)

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НОРМАТИВНЫХ РЕЖИМОВ
ОБОРОТА ГРАЖДАНСКОГО ОРУЖИЯ: ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ
РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОПУСКА В СТРАНАХ ЗАПАДА****COMPARATIVE ANALYSIS OF REGULATORY REGIMES FOR THE
CIRCULATION OF CIVILIAN WEAPONS: LEGAL MODELS FOR
REGULATING ACCESS IN WESTERN COUNTRIES**

УДК 34.05

О.М. СИВАК

(ГУ МВД России по Санкт-Петербургу
и Ленинградской области,
Россия, Санкт-Петербург)
yapikmvd82@mail.ru

OLEG M. SIVAK

(Department of Analysis, Planning and Control
of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Saint
Petersburg and the Leningrad Region,
Saint Petersburg, Russia)

А.О. ДРОЗД,

кандидат юридических наук, доцент
(Санкт-Петербургский университет
МВД России,
Россия, Санкт-Петербург)
drozd_ao@mail.ru

ALEXEY O. DROZD,

Candidate of Law, Associate Professor
(Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
Saint Petersburg, Russia)

Аннотация: рост преступлений с применением огнестрельного оружия и угроза его нелегального оборота обуславливают актуальность исследования зарубежных моделей контроля за гражданским оружием. Ежегодно в мире огнестрельное оружие приводит к десяткам тысяч смертей, что стимулирует ужесточение законодательства во многих странах. Научная проблема состоит в выявлении общих закономерностей и институциональных различий в подходах разных государств к регулированию оборота гражданского оружия.

Исследование выполнено в традициях сравнительного правоведения: применены сравнительно-правовой метод, формально-юридический анализ нормативных актов и научных публикаций, а также историко-правовой и системный подходы. Анализируются законодательство и практика стран Запада (США, Канады, Великобритании), представляющих различные модели оружейной политики.

В результате анализа выявлено, что в США законодательство является наиболее либеральным, что коррелирует с самым высоким уровнем вооруженного насилия среди рассматриваемых стран. В остальных странах действует строгая система лицензирования, ограничения на хранение и ношение, запреты на наиболее опасные виды оружия, благодаря чему фиксируются существенно более низкие показатели преступлений с оружием. Проведен детальный анализ условий приобретения оружия в конкретных юрисдикциях: возрастные ограничения, процедуры оформления лицензии, проверки на благонадежность, обучение и причины отказа. При различиях в деталях прослеживаются сходные цели – предотвращение преступлений и ограничение доступа к наиболее опасным видам оружия. Зарубежный опыт свидетельствует о снижении уровней вооруженного насилия при строгом контроле, хотя эффективность отдельных мер остается предметом дискуссий в научной литературе.

В заключение статьи отмечается, что общими тенденциями являются признание владения оружием не правом, а привилегией, зависящей от соблюдения строгих условий и усилением государственного надзора за оборотом оружия в интересах общественной безопасности. Выявленные различия позволяют понять воздействие историко-правовых и социокультурных факторов на оружейную политику. Результаты исследования могут послужить научной основой для совершенствования национального законодательства.

Ключевые слова: гражданское огнестрельное оружие, контроль над оружием, сравнительный анализ, лицензирование; общественная безопасность, международный опыт, США, Канада, Великобритания.

Для цитирования: Сивак О.М., Дрозд А.О. Сравнительный анализ нормативных режимов оборота гражданского оружия: правовые модели регулирования допуска в странах запада // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 4. – С. 108–117.

Abstract: the rise in gun-related crimes and the threat of illegal firearms circulation underscore the relevance of studying foreign models of civilian arms control. Every year, firearms are responsible for tens of thousands of deaths worldwide, prompting many countries to tighten their legislation. The scientific problem lies in identifying common patterns and institutional differences in how various states regulate civilian firearms circulation. The study was conducted within the tradition of comparative jurisprudence: the comparative legal method, formal legal analysis of normative acts and scholarly publications, as well as historical-legal and systemic approaches were applied. The legislation and practices of Western countries (the USA, Canada, and the United Kingdom), representing different models of firearms policy, are analyzed.

It was found that the United States has the most liberal legislation, which correlates with the highest level of gun violence among the countries studied. The other countries have strict licensing systems, storage and carrying restrictions, and bans on the most dangerous types of weapons, resulting in significantly lower rates of gun-related crimes. A detailed analysis was conducted of the conditions for acquiring firearms in specific jurisdictions, including age requirements, licensing procedures, background checks, training, and grounds for denial. Despite differences in detail, similar goals can be observed – crime prevention and limiting access to the most dangerous types of weapons. International experience shows that strict control is associated with reduced levels of gun violence, although the effectiveness of specific measures is debated in the literature.

Common trends include the recognition of firearm ownership not as a right but as a privilege dependent on strict compliance with established conditions, and the strengthening of state oversight over the circulation of firearms in the interest of public safety. The identified differences help to understand the influence of historical-legal and sociocultural factors on arms policy. The research findings may serve as a scientific basis for improving national legislation.

Keywords: civilian firearms, gun control, comparative law, licensing, public safety, international experience, USA, Canada, United Kingdom.

For citation: Sivak O.M., Drozd A.O. Comparative analysis of regulatory regimes for the circulation of civilian weapons: legal models for regulating access in western countries // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 4. – P. 108–117.

Введение. Проблема контроля за оборотом огнестрельного оружия по-прежнему является одной из самых острых в современном обществе, вызывая оживленные дискуссии как в рамках отдельных государств, так и на международной арене¹. Изучение систем правового регулирования обращения с оружием раскрывает не только юридические аспекты данной проблемы, но и более глубокие культурные и политические механизмы, на которых базируются различные подходы. В этой связи важно понять, как разные общества пытаются найти баланс между правами граждан и общественной безопасностью [1, с. 787–803]. При этом на формирование национальных подходов часто влияют исторические традиции и ценностные установки: одни страны акцентируют внимание на

правах и свободах личности (включая право на владение оружием), другие ставят во главу угла коллективную безопасность посредством строгого контроля [2, с. 5–6].

Ряд научных исследований свидетельствует о том, что за рубежом существуют разнообразные режимы регулирования оборота огнестрельного оружия – от относительно либеральных до крайне жестких. Эти различия напрямую сказываются на уровне распространения оружия среди населения, динамике преступности и даже на формировании общественного мнения в отношении оружейной политики [3, с. 2–3]. Более того, возрастающее число инцидентов с применением огнестрельного оружия в странах Запада наглядно свидетельствует о необходимости разработки эффективных механизмов контроля и регулирования в данной сфере².

¹ Управление Организации Объединенных Наций о наркотиках и преступности. Модуль 5. Надзор, добросовестность и подотчетность полиции [Электронный ресурс]. – URL: https://sherloc.unodc.org/cld/uploads/pdf/education/tertiary/Crime%20Type/Firearms/Firearms_Module_5_RU.pdf (дата обращения: 10.12.2024).

² Организация Объединенных Наций о влиянии огнестрельного оружия на общество [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.un.org/ru/A/HRC/53/49> (дата обращения: 10.12.2024).

В отечественной научной литературе уже предпринимались попытки классифицировать национальные режимы оборота оружия. Например, Э.Л. Сидоренко проанализировала влияние легализации оружия на криминологическую безопасность личности, положив начало дискуссии о связи вооруженности населения с уровнем преступности [4, с. 139–146]. С.М. Зырянов выделил три типовые административно-правовые модели оборота оружия в зависимости от признания государством права граждан на вооруженную самозащиту или его непризнания [5, с. 62–67]. В более поздних работах предложены близкие типологии: О.И. Бекетов и соавторы описали либерально-разрешительную, запретительно-патерналистскую и комбинированную модели [6, с. 39–51], а В.А. Робак разделил законодательные подходы на англо-американский (США и Великобритания), западноевропейский, южноевропейский, северо-европейский и восточноазиатский [7, с. 348–351]. А.В. Равнюшкин выделяет историческую уникальность США, где право на оружие гарантировано с XVIII века Второй поправкой, в то время как Европа шла по пути ограничения оборота оружия ради общественной безопасности [8, с. 356–373.], а Н.А. Селезнева представляет систематический обзор правовых основ оборота огнестрельного оружия в зарубежных странах в целом, анализируя законодательство различных юрисдикций и выстраивая общий контур регулирования [9, с. 39–41].

В большинстве сравнительно-правовых исследований подчеркивается, что наиболее жесткую политику контроля традиционно осуществляют социалистические и восточноазиатские режимы (классический пример – КНР с практически полным запретом гражданского оружия) [7, с. 348–351]. В то же время США выделяются наиболее мягким подходом к этому вопросу, поскольку право на владение оружием в этой стране закреплено в Конституции. Однако даже в странах с либеральной историей регулирования прослеживается тенденция к усилению контроля над оружием ввиду угроз общественной безопасности [10, с. 39].

Научная новизна исследования заключается в проведении комплексного сравнительно-правового и институционального анализа правового регулирования оборота гражданского огнестрельного оружия в трех западных странах – США, Канаде и Великобритании, которые олицетворяют различные модели оружейной политики. В отечественной литературе подобный целостный анализ данных юрисдикций ранее не осуществлялся. Сопоставление национальных подходов позволяет выявить общие закономерности, присущие эффективным системам контроля оружия, а также определить влияние историко-правовых и социокультурных факторов на формирование оружейного законо-

дательства. Практическая значимость работы состоит в возможности адаптации выявленных положительных практик для совершенствования национального законодательства и повышения уровня общественной безопасности в России.

Цель исследования – выработать на основе анализа зарубежных нормативных правовых актов и практики модели правового регулирования оборота гражданского огнестрельного оружия, определить их особенности, достоинства и ограничения. Для достижения указанной цели решаются следующие задачи:

1. Описание законодательных требований и процедур получения гражданского оружия в выбранных странах, включая условия выдачи лицензий, проверки, учет и причины отказа.

2. Проведение сравнительно-правового анализа этих требований с целью выявления общих принципов и ключевых отличий.

3. Определение институциональных механизмов контроля (роль полиции, федеральных и местных органов, регистрационных систем и пр.) и оценка их эффективности.

4. Обобщение международных тенденций в сфере ограничения доступа к оружию и снижения вооруженной преступности.

5. Формулирование предложения по использованию выявленных положительный практик в правотворчестве и правоприменении.

Методы. Исследование выполнено в традиции сравнительно-правового метода. В первую очередь проведен анализ нормативных правовых актов, регулирующих оборот огнестрельного оружия в выбранных странах. Рассматривались действующие законы и подзаконные акты, определяющие порядок гражданского владения оружием, включая конституционные нормы и специальные законы. Для каждой страны были выявлены ключевые параметры регулирования. Дополнительно были учтены статистические данные, чтобы соотнести их с особенностями законодательства. Источниками таких данных послужили международные исследования (Small Arms Survey, данные ВОЗ и ООН), а также научные публикации и обзоры экспертов.

Методология включала качественный сравнительный анализ: для каждой страны составлена нормативная «профильная карта», после чего профили соотнесены, выделены общие черты и уникальные особенности. Также применен историко-правовой подход: учтено, в какой исторической обстановке формировалось законодательство (как реакция на какие-либо события или исходя из культурных традиций). Это важно для интерпретации различий.

Результаты. Соединенные Штаты Америки характеризуются наиболее либеральным законодательством об оружии среди развитых стран. Право граждан на хранение и ношение оружия закрепле-

но во Второй поправке к Конституции США, которая действует с 1791 г. и рассматривается Верховным судом как гарантирующая индивидуальное право владения оружием. Отсутствует единый федеральный закон, комплексно регулирующий оборот гражданского оружия (как, например, Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» в России), вместо этого правовая база представлена множеством федеральных актов и законами штатов [8, с. 361–362]. На федеральном уровне установлены лишь минимальные ограничения: закон 1968 г. (Gun Control Act) ввел систему лицензирования продавцов и проверок при продаже через них, запретил продажу оружия лицам, ранее судимым за тяжкие преступления, психически опасным и др.; закон Брейди 1993 г. ввел проверку биографических данных (background check) при покупке у лицензированных дилеров³. С 1998 г. функционирует национальная система мгновенной проверки (NICS), позволяющая дилерам оперативно проверять покупателя по базам данных. Однако федеральное право не требует получения лицензии на покупку или владение обычным огнестрельным оружием для большинства гражданских категорий – достаточно прохождения проверки при каждой покупке у официального продавца. Также нет общей федеральной регистрации огнестрельного оружия⁴. Это создает ситуацию, при которой после законной покупки контроль за дальнейшим оборотом (перепродажей, дарением и т.д.) осложнен. Следует учитывать, что регулирование существенно варьируется от штата к штату. Штаты имеют широкие полномочия в установлении требований к владельцам и условиям ношения оружия. Существуют юрисдикции с очень строгими режимами (например, штаты Нью-Йорк, Калифорния, Нью-Джерси), где введены лицензии на приобретение, регистрация оружия, запреты на определенные виды (штурмовое оружие, большие магазины), и так называемые штаты May Issue, где разрешение выдается по усмотрению властей. Однако есть штаты с крайне либеральной политикой – Shall Issue или даже Constitutional Carry, где местные власти не вправе отказать гражданину в выдаче разрешения при формальном выполнении критериев, а скрытое ношение разрешено без лицензии (штаты Вермонт, Аризона, Техас и ряд других) [11, с. 1273–1280]. По оценкам Small Arms

Survey, граждане США (около 4% населения Земли) владеют приблизительно 46% всего мирового гражданского оружия. На 2019 г. в США приходилось 120,5 единиц оружия на 100 жителей – самый высокий уровень владения в мире⁵. При этом система контроля в США отличается сложностью и мозаичностью: помимо федеральных норм действуют свыше 2,5 тысяч законов штатов и локальных органов, регламентирующих приобретение, ношение и применение оружия [12, с. 140–157]. Например, требования к хранению оружия дома, порядку перевозки, к получению разрешения на скрытое ношение (CCW)⁶ и др. различаются в разных штатах. Такая децентрализация ведет к тому, что выполнение контрольных функций осложнено отсутствием единого регистра и единообразия правил. Тем не менее общими условиями по стране можно назвать следующие: минимальный возраст для покупки длинноствольного оружия – 18 лет, для покупки пистолетов у лицензированных дилеров – 21 год (по федеральному закону); отсутствие судимости по тяжким статьям, наркотической зависимости, признанной недееспособности или иных дисквалифицирующих факторов; прохождение проверки через NICS при покупке у официального продавца [13, с. 240–253]. Обучение обращению с оружием федеральным законом не требуется, но около 35 штатов устанавливают требования по прохождению курса безопасности для получения лицензии на ношение или приобретение определенных видов оружия. В ряде штатов (Калифорния, Массачусетсе) соискатель лицензии должен сдать тест на знание правил обращения и подтвердить навыки стрельбы. Самооборона как цель владения оружием прямо допускается законодательством большинства штатов (кроме тех, где требуется указать иную причину, такую как спорт или охота): например, при подаче заявления на скрытое ношение во многих штатах достаточно указать общую личную защиту. Что касается категорий оружия, то практически во всех штатах разрешено владение обычными нарезными винтовками, помповыми и полуавтоматическими дробовиками и пистолетами калибров, предназначенных для самообороны и спорта⁷. Полностью автоматиче-

³ Bureau of Alcohol, Tobacco, Firearms and Explosives. Gun Control Act (18 U.S.C. Chapter 44) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.atf.gov/rules-and-regulations/laws-alcohol-tobacco-firearms-and-explosives/gun-control-act> (дата обращения: 23.05.2025).

⁴ Federal Bureau of Investigation. National Instant Criminal Background Check System (NICS) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fbi.gov/how-we-can-help-you/more-fbi-services-and-information/nics> (дата обращения: 25.06.2025).

⁵ Small Arms Survey. Global Firearms Holdings [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.smallarmssurvey.org/database/global-firearms-holdings> (дата обращения: 26.04.2025).

⁶ San Diego County Sheriff's Department. Concealed Weapons License [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sdsheriff.gov/i-want-to/get-a-permit-or-license/regulatory-licenses-and-fees/concealed-weapons-license> (дата обращения: 17.04.2025).

⁷ Bureau of Alcohol, Tobacco, Firearms and Explosives. Gun Control Act (18 U.S.C. Chapter 44) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.atf.gov/rules-and-regulations/laws-alcohol-tobacco-firearms-and-explosives/gun-control-act> (дата обращения: 27.07.2025).

ское оружие (пулеметы, автоматы) запрещено к гражданскому обороту федеральным законом с 1986 г., за исключением уже имевшихся у коллекционеров экземпляров (их оборот строго регулируется Налоговым актом об огнестрельном оружии 1934 г.). Также на федеральном уровне ограничены продажи короткоствольных винтовок, винтовок с откидным прикладом, глушителей – для их покупки требуется специальная разрешительная процедура (так называемая Class III weapons). В 1994–2004 гг. действовал федеральный запрет на штурмовое оружие (в основном полуавтоматические винтовки военного типа), но он не был продлен Конгрессом, и сейчас подобные ограничения вводятся только на уровне отдельных штатов⁸.

Институционально система контроля в США складывается из взаимодействия федеральных органов власти и органов власти штатов. Лицензирование дилеров, импортеров и производителей оружия осуществляет Бюро по алкоголю, табуку, оружию и взрывчатке (АТФ) на федеральном уровне. АТФ также ведет учет произведенного и ввезенного оружия и может инспектировать торговцев. Проверки покупателей через NICS выполняет ФБР совместно с локальными органами⁹. Полиция штатов и городов выдает разрешения на скрытое ношение (в тех юрисдикциях, где они требуются) и на приобретение оружия (в штатах, где введена покупательная лицензия). Учитывая децентрализацию, эффективность контроля в США неоднородна. В некоторых крупных городах (Нью-Йорке, Чикаго) действуют строгие режимы регистрации и периодической перерегистрации оружия, специальные подразделения полиции контролируют владельцев. В то же время в большинстве штатов отсутствует система всеобщей регистрации, и частные продажи между гражданами одного штата не требуют проверки (кроме штатов, где принят закон о всеобщей проверке, например в Колорадо, Неваде и др.). Это создает «лазейки» для обхода федеральных ограничений – так называемый gun show loophole (рывок на выставке), когда нелицензированные частные продавцы могут передавать оружие без проверок [11, с. 1273–1280].

В результате уровень вооруженности населения США наиболее высок, и доступ к оружию относительно доступен широким слоям (особенно в

сравнении с Европой). Это сопровождается высоким уровнем преступности с оружием. Ежегодно в стране фиксируется около 30 тысяч смертей, связанных с убийствами и самоубийствами. США также занимают лидирующие позиции среди развитых стран по числу массовых стрельб (public mass shootings). Исследование показало, что при населении, составляющем около 4% от мирового, на США приходится примерно 30% всех инцидентов с массовыми стрельбами. Многие эксперты связывают это с легкостью доступа к огнестрельному оружию. В то же время любые попытки ужесточить федеральное законодательство сталкиваются с конституционными барьерами и влиянием общественных организаций (таких как NRA). Бывший президент США Б. Обама назвал неудачу в реформировании оружейных законов своим главным разочарованием на посту [6, с. 43]. Таким образом, американская модель характеризуется высоким доверием государства к гражданам в вопросах владения оружием, существенной ролью культурных традиций и принципов, согласно которому «вооруженное общество – вежливое общество». Однако обратной стороной является сложность обеспечения всеобъемлющего контроля и существенно более высокий уровень вооруженного насилия, чем в странах с жестким регулированием.

Канада проводит более строгую, по сравнению с США, но все же умеренно-либеральную политику в сфере гражданского оружия. Право на владение оружием не закреплено в конституции, и контроль осуществляется на федеральном уровне единым законом – Уголовным кодексом и Законом об оружии 1995 г. с последующими поправками¹⁰. В Канаде установлен лицензированно-разрешительный порядок для всех видов гражданского огнестрельного оружия. Каждый владелец оружия обязан иметь действующую лицензию (Possession and Acquisition Licence, PAL), выдаваемую Королевской канадской конной полицией (RCMP) через Канадскую программу стрелкового оружия. Для получения PAL заявитель должен быть не моложе 18 лет (существуют ограниченные разрешения для лиц 12–17 лет на владение при опеке взрослого, например в отдаленных районах, но самостоятельно приобретать оружие можно с 18 лет). Необходимо пройти обязательный курс безопасного обращения с оружием и сдать экзамен по правилам (Canadian Firearms Safety Course). Проводится тщательная проверка биографических данных: полиция проверяет судимость, истории насилия, психического здоровья; требуются контакты двух рекомендателей, а также уведомляется нынешний

⁸ См.: Impact of the 1994 Assault Weapons Ban: 1994–96 (Research in Brief) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ojp.gov/pdffiles1/173405.pdf> (дата обращения: 27.07.2025); State of California, Department of Justice. Assault Weapons Laws (California and Federal) [Электронный ресурс]. – URL: <https://oag.ca.gov/ogvp/fed-assault-weapons-ban> (дата обращения: 25.07.2025).

⁹ Bureau of Alcohol, Tobacco, Firearms and Explosives. Firearms [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.atf.gov/firearms> (дата обращения: 27.07.2025).

¹⁰ Government of Canada. Firearms Act [Электронный ресурс]. – URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/F_11.6/ (дата обращения: 27.07.2025).

супруг/партнер заявителя о подаче заявления на оружие. Лицензия PAL выдается сроком на 5 лет. Канадское законодательство делит все гражданское оружие на три категории: *незапрещенное (non-restricted)*, *ограниченное (restricted)* и *запрещенное (prohibited)*. К незапрещенному относится основная масса охотничьих гладкоствольных ружей и нарезных винтовок обычных типов (длинноствольных, не имеющих характеристик военного оружия). Ограниченное – это короткоствольное оружие (пистолеты и револьверы большинства калибров) и некоторые самозарядные винтовки определенных моделей. Запрещенное – автоматы, ряд разновидностей пистолетов (например, короткие стволы <105 мм, калибр .25 и .32), магазины емкостью свыше 10 патронов для пистолета или 5 – для винтовки¹¹.оборот этих категорий различен: незапрещенное оружие доступно для владельцев PAL относительно свободно (после получения лицензии отдельное разрешение на каждую единицу не требуется, с 2012 г. федеральная регистрация длинноствольного оружия этой категории отменена, за исключением провинции Квебек)¹². Ограниченное оружие (в основном пистолеты) требует получения специальной лицензии Restricted PAL (R-PAL) – дополнительного курса и экзамена и регистрации каждой единицы в федеральном реестре RCMP. Кроме того, владение *Restricted* возможно только с обоснованной целью: закон допускает его для спортивной целевой стрельбы либо коллекционирования. Самооборона не признается достаточным основанием для владения пистолетом (разрешения на ношение оружия для самозащиты вне дома практически не выдаются, за исключением редких случаев для профессий типа trappers (пер с англ. – «зверолов, ловец») в отдаленных территориях). После покупки ограниченного оружия владелец должен оформить у полиции разрешение на транспортировку (АТТ) для перевозки его от дома до стрельбища или оружейной мастерской. Если запрещенное оружие изъято из гражданского оборота, его нельзя приобретать или наследовать, допускается лишь хранение ранее зарегистрированных экземпляров у тех, кто им владел до введения запрета (так называемое *grandfathered owners*). Это касается, в частности, полностью автоматического оружия, а также ряда моделей штурмовых винтовок, которые были переведены в категорию запрещенных после известных

инцидентов¹³. Например, в 2020 г. правительство Канады издало указ, запрещающий около 1 500 моделей и вариантов штурмового огнестрельного оружия (включая AR-15 и аналоги) после массовой стрельбы в Новой Шотландии. В настоящее время ведется программа выкупа такого оружия у населения. В 2022 г. введен мораторий на продажу и передачу гражданских пистолетов, фактически замораживающий численность короткоствольного оружия у населения. Таким образом, Канада демонстрирует тенденцию к ужесточению контроля, особенно в отношении оружия, не используемого для охоты¹⁴.

Проверки благонадежности заявителей на лицензию в Канаде одни из самых строгих: рассматривается не только судимость, но и история психического здоровья, случаи домашнего насилия, наличие запретительных судебных ордеров. Закон об оружии обязывает полицию проводить *непрерывный контроль (continuous eligibility screening)*: системы баз данных постоянно отслеживают действия владельцев PAL на предмет выявления новых правонарушений. Если такие нарушения обнаруживаются, лицензия может быть аннулирована. Все владельцы должны хранить оружие и боеприпасы отдельно и под замком (требования к сейфам или замкам на спусковой крючок). Периодически проводятся инспекции условий хранения со стороны полиции. Нарушения условий хранения, утрата оружия или передача его нелегализованному лицу влекут уголовную ответственность. Следует отметить, что хотя получение лицензии PAL не требует указывать конкретную причину (для незапрещенного оружия), де-факто почти все заявители обосновывают это охотничьими или спортивными целями. В Канаде высока культура охоты: около 2 млн граждан (почти из 38 млн населения) имеют действующие лицензии PAL. С точки зрения эффективности результатов государственной политики Канада имеет значительно более низкий уровень смертности от огнестрельного оружия, чем США (примерно 2,1 против 12,1 случаев на 100 тыс. населения в год). Исследователи связывают это с более строгим контролем и меньшей распространенностью оружия среди населения [14, с. 787–803]. С другой стороны, в Канаде сохраняется проблема нелегального ввоза оружия из США и преступного использования незарегистрированных стволов, особенно связанная с деятельностью организованных преступных

¹¹ Government of Canada. Firearms Act, S.C. 1995 (по состоянию на 17 июля 2025 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/F_11.6/ (дата обращения: 27.07.2025).

¹² Royal Canadian Mounted Police. History of Firearms in Canada [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rcmp.ca/en/firearms/history-firearms-canada> (дата обращения: 27.07.2025).

¹³ Government of Canada. Firearms Act, S.C. 1995 [Электронный ресурс]. – URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/F_11.6/ (дата обращения: 27.07.2025).

¹⁴ Royal Canadian Mounted Police. History of Firearms in Canada [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rcmp.ca/en/firearms/history-firearms-canada> (дата обращения: 27.07.2025).

групп. В ответ канадские власти усиливают пограничный контроль и ужесточают наказания за незаконный оборот [15, с. 284–305].

Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии имеет одно из самых жестких в мире законодательств об огнестрельном оружии. Гражданский оборот оружия здесь крайне ограничен, особенно после серии реформ в конце XX века. Исторически (до 1920 г.) британское право относительно либерально относилось к владению оружием, однако уже в 1960–1970 гг. были введены строгие лицензии и регистрация на все виды оружия [16, с. 22]. Кульминацией ужесточения стали законы 1988 и 1997 гг., принятые после резонансных преступлений (массовых расстрелов в Хангерфорде и Данблейне). В результате сегодня в Великобритании практически все короткоствольное и автоматическое огнестрельное оружие под запретом: полностью запрещены к гражданскому обороту нарезные пистолеты и револьверы, за исключением некоторых спортивных пистолетов 22 калибра в Северной Ирландии, самозарядные винтовки с центральным воспламенением, а также многозарядные дробовики с емкостью более трех патронов [17, с. 215–223]. Разрешенными, в принципе, остаются: одно- и двухзарядными гладкоствольные ружья (охотничьи дробовики), повторяющиеся (помповые) или полуавтоматические дробовики с магазином не более чем на два патрона; нарезные винтовки болтового, рычажного или аналогичного типа перезарядки; некоторые пистолеты ограниченного пользования (например, сигнальные, стартовые) и антикварное оружие. Владение даже разрешенными категориями требует получения сертификата (*Firearm Certificate* – для нарезного оружия; *Shotgun Certificate* – для дробовиков) от полиции. Британская лицензионная система выделяется своей строгостью и тщательностью проверок. Минимальный возраст для получения сертификата – 14 лет для дробовика (но до 18 лет хранение должно осуществляться взрослым) и 17 лет для нарезного оружия. Лицензии обычно выдаются с 18 лет. Заявитель должен подать подробное заявление в полицию по месту жительства, указать причину необходимости оружия и предоставить характеристики двух независимых лиц (референтов), которые знают заявителя не менее двух лет¹⁵. Полиция проводит обширную проверку: изучается судимость, психическое здоровье (требуется медицинская справка от врача; сведения об обращении к психологам, употреблении психоактивных веществ и т.д.), образ жизни заявителя. Необходимо продемонстриро-

вать отсутствие склонности к насилию или суицидальному поведению. Требование причины (*good reason*): для *оружейного сертификата* (нарезное оружие) закон допускает владение исключительно для спортивной стрельбы (членство в стрелковом клубе, одобреном полицией) либо для охоты, контроля вредителей на собственной или арендованной земле. Оборона дома или личности не признается законной целью владения оружием в Британии. Для *сертификата на дробовик* причина также должна быть (обычно охота, спортивный или нужды фермерского хозяйства). В каждом сертификате перечисляется конкретное оружие (модель, серийный номер), которое владелец вправе иметь, приобретение новых единиц требует внесения их в сертификат с разрешения полиции¹⁶. Условия хранения в Великобритании строго контролируются: у заявителя должен быть установлен сертифицированный сейф, закрепленный в доме, о местоположении которого знает полиция, допускается хранить оружие только по адресу, указанному в лицензии. Полицейские инспекторы вправе в любое время (обычно по предварительному уведомлению) посетить жилище для проверки условий хранения и соответствия всем требованиям лицензии. Владельцу запрещается передавать оружие посторонним. Срок действия сертификата пять лет, после чего требуется прохождение всей процедуры повторно (с проверками и визитом инспектора)¹⁷. Британское законодательство также строго ограничивает оборот боеприпасов: каждый патрон нарезного калибра учитывается; максимальное число патронов, которое может храниться, оговорено в сертификате. Продажа боеприпасов возможна только лицам, предъявившим соответствующий сертификат¹⁸.

Контролем за оборотом оружия в Великобритании ведают территориальные полицейские управления (*Licensing Units*). Они рассматривают заявления, выдают сертификаты, ведут учет всего зарегистрированного оружия. Национальная база данных (*NFLMS*) содержит информацию о всех владельцах и каждое выданное разрешение. Ин-

¹⁶ Там же.

¹⁷ Government of the United Kingdom. *Firearms Security Handbook 2020* [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/firearms-security-handbook/firearms-security-handbook-2020-accessible#part-6-firearms-held-under-museums-licenceprivate-collections> (дата обращения: 27.07.2025).

¹⁸ Government of the United Kingdom. *Guide on Firearms Licensing Law (Accessible Version)* [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/firearms-law-guidance-to-the-police-2012/guide-on-firearms-licensing-law-accessible-version#chapter-5-restrictions-on-the-possession-handling-and-distribution-of-firearms-and-ammunition> (дата обращения: 27.07.2025).

¹⁵ Government of the United Kingdom. *Firearms Act 1968* [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968/27> (дата обращения: 27.06.2025).

интересно, что британская модель сочетает высокий уровень избирательного доверия (получить разрешение сравнительно несложно для добропорядочного гражданина, соответствующего критериям) одновременно со строгим контролем ассортимента оружия (большинство типов просто недоступны) и постоянным мониторингом владельцев. Так, если владелец оружия совершил правонарушение или привлек внимание полиции (например, после жалобы на угрозы с его стороны), лицензия может быть отозвана и оружие конфисковано. За нарушение условий хранения или небрежность также грозит лишение лицензии. По сути, полиция обладает широкой дискрецией: согласно закону лицензия может быть выдана только если у властей нет основания полагать, что заявитель представляет опасность общественному миру¹⁹. В результате уровень отказов и изъятий лицензий в Британии существенен: ежегодно около 3–5% заявлений получают отказ; порядка 1 тыс. сертификатов в год аннулируется из-за изменений в поведении владельца. Тем не менее среди развитых стран в Великобритании один из самых низких уровней владения оружием (около 5 единиц на 100 чел.) и один из наименьших уровней смертности от огнестрельного насилия (показатель убийств с применением оружия менее 0,2 на 100 тыс.)²⁰. Исследователи отмечают, что ужесточение оружейного законодательства в 1990-е (вплоть до почти полного запрета короткоствольного оружия) существенно снизило долю преступлений с огнестрельным оружием. В частности, после запрета Handgun в 1997 г. случаи стрельбы с его использованием стали единичными. Британский опыт нередко приводится как образец «нулевой толерантности»

¹⁹ Government of the United Kingdom. Guide on Firearms Licensing Law (Accessible Version) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/firearms-law-guidance-to-the-police-2012/guide-on-firearms-licensing-law-accessible-version#chapter-5-restrictions-on-the-possession-handling-and-distribution-of-firearms-and-ammunition> (дата обращения: 27.07.2025).

²⁰ Government of the United Kingdom. Statistics on Firearm and Shotgun Certificates, England and Wales: April 2019 to March 2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5f196822e90e074561b159a4/statistics-firearm-shotgun-certificates-england-wales-2019-2020-hosb1820.pdf> (дата обращения: 27.07.2025).

к гражданскому оружию [18, с. 773–774]. В то же время критики указывают, что преступные элементы переключились на использование иных орудий (холодного оружия, самодельного огнестрельного), а рынок нелегальных пистолетов, хоть и сократился, но не исчез полностью. Однако статистика убедительно свидетельствует о чрезвычайно низком уровне вооруженного насилия в современной Великобритании: в разы ниже, чем в США, и даже ниже, чем в сопоставимых по населению европейских странах.

Заключение. Проведенный сравнительный анализ зарубежного законодательства об обороте гражданского огнестрельного оружия позволяет сделать вывод, что ни одна из существующих моделей контроля над оборотом оружия не является универсальной. Либеральный подход обеспечивает гражданам широкие права на владение и ношение оружия, однако сопряжен с повышенными рисками для общественной безопасности [19]. Напротив, серьезные ограничения и строгий надзор способны снизить уровень вооруженного насилия, однако подобные меры могут существенно ограничивать права граждан. Следовательно, при разработке оптимальной системы регулирования оборота оружия необходимо учитывать национальные особенности, уровень преступности, социокультурные факторы, а также необходимость обеспечения безопасности граждан.

Международный опыт свидетельствует о том, что для России наиболее результативными могут быть меры, направленные на ужесточение процедуры выдачи лицензий, установление строгого контроля за частными сделками купли-продажи оружия, повышение требований к условиям его хранения, проведение программ добровольного выкупа оружия у населения, а также введение обязательного страхования гражданской ответственности владельцев оружия.

В целом опыт зарубежных стран свидетельствует о том, что грамотное выстроенное правовое регулирование оборота огнестрельного оружия способно спасти жизни и снизить уровень насилия в обществе. Эта задача требует продолжения научных исследований и активизации международного сотрудничества.

Литература

1. **Hurka S., Knill C.** Does regulation matter? A cross-national analysis of the impact of gun policies on homicide and suicide rates [Электронный ресурс] // Regulation Governance. – 2020. – Т. 14. – № 4. – С. 787–803. – URL: https://www.researchgate.net/publication/329840934_Does_regulation_matter_A_cross-national-analysis_of-the-impact-of-gun-policies-on-homicide-and-suicide-rates (дата обращения: 10.12.2024).

2. **Skiba R.** Gun Control – International Views, Perspectives and Comparisons [Электронный ресурс] / After Midnight Publishing, 2024. – 353 с. – URL: <https://ru.everand.com/book/723207371/Gun-Control-International-Views-Perspectives-and-Comparisons> (дата обращения: 14.12.2024).

3. **Lankford A.** Public mass shooters and firearms: A cross-national study of 171 countries [Электронный ресурс] // Violence and Victims. – 2016. – Т. 31. – № 2. – С. 187–199. – URL: <https://crimeresearch.org/wp-content/uploads/2019/04/Lankford-Public-Mass-Shooters-Firearms.pdf> (дата обращения: 11.12.2024).
4. **Сидоренко Э.Л.** Зарубежные модели легализации оружия и криминологическая безопасность личности // Общество и право. – 2011. – № 1 (33) – С. 139–146.
5. **Зырянов С.М.** Административно-правовые модели оборота гражданского оружия в Российской Федерации и в зарубежных странах [Электронный ресурс] // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 1 (62). – С. 62–67. – DOI 10.12737/24297.
6. **Бекетов О.И., Майле А.Д., Гоман О.С., Сургутсков В.И.** Модели правового регулирования оборота гражданского оружия в иностранных государствах (на примере США, Германии и Японии) // Юридические исследования. – 2020. – № 11. – С. 39–51.
7. **Робак В.А.** Основные модели правового регулирования оборота оружия // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 8 (224). – С. 348–351.
8. **Равнюшкин А.В.** Правовые вопросы оборота огнестрельного оружия в Соединенных Штатах Америки // Сибирское юридическое обозрение. – 2022. – Т. 19. – № 4. – С. 356–373.
9. **Selezneva N.** Правовые основы оборота оружия в зарубежных странах // Slovak International Scientific Journal. – 2017. – № 7 (7). – Раздел: State and Law. – С. 39–41.
10. **Шмидт А.А.** Программы обратного выкупа оружия в структуре лицензионно-разрешительной политики государства // Правопорядок: история, теория, практика. – 2021. – № 2 (29). – С. 34–42.
11. **Pomeranz J. L., Silver D., Lieff S.A.** State Gun-Control, Gun-Rights, and Preemptive Firearm-Related Laws Across 50 US States for 2009–2018 // American Journal of Public Health. – 2021. – Т. 111. – № 7. – С. 1273–1280. – DOI: <https://doi.org/10.2105/AJPH.2021.306287>
12. **Santaella-Tenorio J.** What do we know about the association between firearm legislation and firearm-related injuries? / J. Santaella-Tenorio, M. Cerdá, A. Villaveces, S. Galea // Epidemiologic Reviews. – 2016. – Т. 38. – № 1. – С. 140–157. – DOI: <https://doi.org/10.1093/epirev/mxv012>
13. **Akpuokwe C.** Gun Control Laws in the USA: A Comparative Global Review / C. Akpuokwe, A. Adeniyi, N. Eneh, S. Bakare // International Journal of Applied Research in Social Sciences. – 2024. – Т. 6. – № 3. – С. 240–253. – DOI: 10.51594/ijarss.v6i3.853
14. **Hurka S., Knill C.** Does regulation matter? A cross national analysis of the impact of gun policies on homicide and suicide rates // Regulation Governance. – 2020 (2018). – Т. 1. – № 4. – С. 787–803. – DOI: 10.1111/rego.12235
15. **Langlois F.** International weapons trafficking from the United States of America: A crime script analysis of the means of transportation / F. Langlois, D. Rhumorbarbe, D. Werner, N. Florquin, S. Caneppele, Q. Rossy // Global Crime. – 2022. – Т. 23. – № 3. – С. 284–305. – DOI: 10.1080/17440572.2022.2067847
16. **Cramer C.E.** Fear and Loathing in Whitehall: Bolshevism and the Firearms Act of 1920: авторепубликация [Электронный ресурс]. – URL: https://www.academia.edu/70500068/Fear_and_Loathing_inWhitehall_Bolshevism_and_the_Firearms_Act_of_1920 (дата обращения: 27.07.2025).
17. **Webster D.W., Vernick J.S.** Reducing Gun Violence in America: Informing Policy with Evidence and Analysis [Электронный ресурс] / The Johns Hopkins University Press, 2013. – 282 с. – URL: https://muse.jhu.edu/pub/1/oa_monograph/book/21475/pdf#page=215 (дата обращения: 27.07.2025)
18. **Sharp D.** Gun control in the UK – still a matter for debate // Journal of Urban Health: Bulletin of the New York Academy of Medicine. – 2006. – Т. 83. – № 5. – С. 773–774. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s11524-006-9097-7>
19. **Дизер О.А., Сургутсков В.И.** Гражданское оружие: законодательное регулирование оборота: практическое пособие [Электронный ресурс]. – Москва: КонсультантПлюс, 2011.

References

1. **Hurka S., Knill C.** Does regulation matter? A cross-national analysis of the impact of gun policies on homicide and suicide rates [Elektronnyi resurs] // Regulation Governance. – 2020. – Т. 14. – № 4. – С. 787–803. – URL: https://www.researchgate.net/publication/329840934_Does_regulation_matter_A_cross-national-analysis_of-the-impact-of-gun-policies-on-homicide-and-suicide-rates (data obrashcheniya: 10.12.2024).
2. **Skiba R.** Gun Control – International Views, Perspectives and Comparisons [Elektronnyi resurs] / After Midnight Publishing, 2024. – 353 s. – URL: <https://ru.everand.com/book/723207371/Gun-Control-International-Views-Perspectives-and-Comparisons> (data obrashcheniya: 14.12.2024).
3. **Lankford A.** Public mass shooters and firearms: A cross-national study of 171 countries [Elektronnyi resurs] // Violence and Victims. – 2016. – Т. 31. – № 2. – С. 187–199. – URL: <https://crimeresearch.org/wp-content/uploads/2019/04/Lankford-Public-Mass-Shooters-Firearms.pdf> (data obrashcheniya: 11.12.2024).
4. **Sidorenko E.L.** Zarubezhnye modeli legalizatsii oruzhiya i kriminologicheskaya bezopasnost' lichnosti // Obshchestvo i pravo. – 2011. – № 1 (33) – С. 139–146.
5. **Zyryanov S.M.** Administrativno-pravovye modeli oborota grazhdanskogo oruzhiya v Rossiiskoi Federatsii i v zarubezhnykh stranakh [Elektronnyi resurs] // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. – 2017. – № 1 (62). – С. 62–67. – DOI 10.12737/24297.
6. **Beketov O.I., Maile A.D., Goman O.S., Surgutskov V.I.** Modeli pravovogo regulirovaniya oborota grazhdanskogo oruzhiya v inostrannykh gosudarstvakh (na primere SShA, Germanii i Yaponii) // Yuridicheskie issledovaniya. – 2020. – № 11. – С. 39–51.
7. **Robak V.A.** Osnovnye modeli pravovogo regulirovaniya oborota oruzhiya // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2023. – № 8 (224). – С. 348–351.
8. **Ravnyushkin A.V.** Pravovye voprosy oborota ognestrel'nogo oruzhiya v Soedinennykh Shtatakh Ameriki // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. – 2022. – Т. 19. – № 4. – С. 356–373.
9. **Selezneva N.** Pravovye osnovy oborota oruzhiya v zarubezhnykh stranakh // Slovak International Scientific Journal. – 2017. – № 7 (7). – Razdel: State and Law. – С. 39–41.
10. **Shmidt A.A.** Programmy obratnogo vykupa oruzhiya v strukture litsenzionno-razreshitel'noi politiki gosudarstva // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. – 2021. – № 2 (29). – С. 34–42.
11. **Pomeranz J.L., Silver D., Lieff S.A.** State Gun-Control, Gun-Rights, and Preemptive Firearm-Related Laws Across 50 US States for 2009–2018 // American Journal of Public Health. – 2021. – Т. 111. – № 7. – С. 1273–1280. – DOI: <https://doi.org/10.2105/AJPH.2021.306287>

-
-
12. **Santaella-Tenorio J.** What do we know about the association between firearm legislation and firearm-related injuries? / J. Santaella-Tenorio, M. Cerdá, A. Villaveces, S. Galea // *Epidemiologic Reviews*. – 2016. – Т. 38. – № 1. – С. 140–157. – DOI: <https://doi.org/10.1093/epirev/mxv012>
 13. **Akpuokwe C.** Gun Control Laws in the USA: A Comparative Global Review / S. Akpuokwe, A. Adeniyi, N. Eneh, S. Bakare // *International Journal of Applied Research in Social Sciences*. – 2024. – Т. 6. – № 3. – С. 240–253. – DOI: [10.51594/ijarss.v6i3.853](https://doi.org/10.51594/ijarss.v6i3.853)
 14. **Hurka S., Knill C.** Does regulation matter? A cross national analysis of the impact of gun policies on homicide and suicide rates // *Regulation Governance*. – 2020 (2018). – Т. 1. – № 4. – С. 787–803. – DOI: [10.1111/rego.12235](https://doi.org/10.1111/rego.12235)
 15. **Langlois F.** International weapons trafficking from the United States of America: A crime script analysis of the means of transportation / F. Langlois, D. Rhumorbarbe, D. Werner, N. Florquin, S. Caneppele, Q. Rossy // *Global Crime*. – 2022. – Т. 23. – № 3. – С. 284–305. – DOI: [10.1080/17440572.2022.2067847](https://doi.org/10.1080/17440572.2022.2067847)
 16. **Cramer C.E.** Fear and Loathing in Whitehall: Bolshevism and the Firearms Act of 1920: avtopublikatsiya [Elektronnyi resurs]. – URL: https://www.academia.edu/70500068/Fear_and_Loathing_inWhitehall_Bolshevism_and_the_Firearms_Act_of_1920 (data obrashcheniya: 27.07.2025).
 17. **Webster D.W., Vernick J.S.** Reducing Gun Violence in America: Informing Policy with Evidence and Analysis [Elektronnyi resurs] / The Johns Hopkins University Press, 2013. – 282 s. – URL: https://muse.jhu.edu/pub/1/oa_monograph/book/21475/pdf#page=215 (data obrashcheniya: 27.07.2025)
 18. **Sharp D.** Gun control in the UK – still a matter for debate // *Journal of Urban Health: Bulletin of the New York Academy of Medicine*. – 2006. – Т. 83. – № 5. – С. 773–774. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s11524-006-9097-7>
 19. **Dizer O.A., Surgutskov V.I.** Grazhdanskoe oruzhie: zakonodatel'noe regulirovanie oborota: prakticheskoe posobie [Elektronnyj resurs]. – Moskva: Konsul'tanTPlyuc, 2011.
-
-

(статья сдана в редакцию 06.10.2025)

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО
ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СВЯЗИ С ПОСТУПЛЕНИЕМ НА ВОЕННУЮ
СЛУЖБУ (ПРОХОЖДЕНИЕМ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ)****LEGAL NATURE OF TERMINATION OF CRIMINAL PROSECUTION
IN CONNECTION WITH ENTRY INTO MILITARY SERVICE
(PASSING MILITARY SERVICE)**

УДК 343.1

А.Б. ГАМЗАЕВА,
адъюнкт
(Академия управления МВД России,
Россия, Москва)
assul00@mail.ru

ASEL B. GAMZAEVA,
Postgraduate
(Academy of Management
of the Ministry of Interior of Russia,
Moscow, Russia)

Аннотация: в статье исследуется правовая природа освобождения от уголовной ответственности в связи с поступлением на военную службу (прохождением военной службы). Проводится анализ норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, регулирующих основания и порядок прекращения уголовного судопроизводства по указанному основанию. Особое внимание уделено порядку разьяснения подозреваемому (обвиняемому) положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в части приостановления предварительного расследования, а также прекращения уголовного преследования в связи с прохождением военной службы, в том числе для иностранных граждан. Автор исследует проблемные аспекты применения данной нормы, включая соотношение интересов государства, общества и личности, совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в данной сфере. Предполагается, что более детальное правовое обеспечение не только в теоретическом аспекте, но и в практической деятельности повлечет за собой прозрачную и предсказуемую процедуру приостановления и последующего прекращения уголовного дела.

Объектом данного исследования являются правоотношения, возникающие в связи с обусловленной потребностью в прекращении уголовных дел в случае поступления на военную службу (прохождения военной службы).

Предметом исследования является совокупность теоретических взглядов, научных подходов и практических аспектов к первоначальному приостановлению и к последующему прекращению уголовного дела (уголовного преследования) как форме завершения уголовного судопроизводства, исключающих потребность в постановлении судебного приговора, а также положения действующего уголовно-процессуального законодательства, иные нормативные правовые акты, в том числе подзаконные нормативные правовые акты МВД России, правоприменительная практика органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда.

На основе норм отечественного и международного законодательства и официальных статистических сведений разработаны рекомендации для эффективной реализации полномочий и повышение эффективности по противодействию общественно опасным деяниям правоохранительными органами в исследуемой области.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, прекращение уголовного дела, приостановление уголовного дела, освобождение от уголовной ответственности, специальная военная операция, заключение контракта на военную службу.

Для цитирования: Гамзаева А.Б. Правовая природа прекращения уголовного преследования в связи с поступлением на военную службу (прохождением военной службы) // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 4. – С. 118–123.

Abstract: this article examines the legal nature of exemption from criminal liability in connection with entering military service (military service). An analysis is made of the norms of criminal and criminal procedure legislation regulating the grounds and procedure for terminating criminal proceedings on the specified grounds. Particular attention is paid to the procedure for explaining to the suspect (accused) the provisions of the criminal and criminal procedure legislation of the Russian Federation in terms of suspension of preliminary investigation, as well as termination of criminal prosecution in connection with military service, including for foreign citizens. The author examines the problematic aspects of the application of this norm, including the relationship between the interests of the state, society and the individual, and the problem of improving the criminal and criminal procedural legislation of the Russian Federation in this area is expressed. It is assumed that more detailed legal support not only in the theoretical aspect, but also in practical activities, will entail a transparent and predictable procedure for suspending and subsequently terminating a criminal case.

The object of this study is the legal relations caused by the need to terminate criminal cases and prosecutions in connection with entering military service (military service) in connection with entering military service (military service).

The subject of the study is a set of theoretical views and scientific approaches to the primary suspension and subsequent termination of a criminal case (criminal prosecution) as a form of completing criminal proceedings, eliminating the need for a court sentence, as well as the provisions of the current criminal procedure legislation, other regulatory legal acts, including by-laws of the Ministry of Internal Affairs of Russia, law enforcement practice of inquiry bodies, preliminary investigation, the prosecutor's office and the court.

For the effective implementation of the powers of law enforcement agencies in the area under study, the norms of domestic and international legislation and official statistical data were used, on the basis of which recommendations were developed aimed at increasing the effectiveness of counteracting socially dangerous acts.

Keywords: criminal proceedings, termination of a criminal case, suspension of a criminal case, release from criminal liability, special military operation, conclusion of a contract for military service.

For citation: Gamzaeva A.B. Legal nature of termination of criminal prosecution in connection with entry into military service (passing military service) // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 4. – P. 118–123.

Современные геополитические реалии, связанные со сложной международной обстановкой, кризисностью в отношениях Российской Федерации с рядом других государств, существующей на сегодняшний день необходимостью отстаивания национальных интересов и защиты населения посредством специальной военной операции определяют потребность в увеличении численности вооруженных сил и мобилизационного ресурса. В этой связи был предпринят целый комплекс организационно-правовых мер, в том числе установлена возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с поступлением на военную службу либо прохождением военной службы в периоды мобилизации, военного положения либо в военное время. Одновременно в марте 2024 г. уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации пополнилось положениями, позволяющими органам дознания, предварительного следствия и судам прекращать уголовное преследование по соответствующему основанию [1].

Причем данные нововведения оказались достаточно востребованными. Так, за 2024 г. было приостановлено 10 111 уголовных дел, предвари-

тельное расследование по которым производилось в форме дознания, и 17 828 уголовных дел, где применялась форма предварительного следствия, также за указанный период прекращено 51 и 41 уголовное дело соответственно по основанию, предусмотренному ст. 28.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹. В дальнейшем предполагается значительное увеличение подобных процессуальных решений.

Пресс-секретарь Президента России Дмитрий Песков в ноябре 2023 г. высказал мнение, что участники СВО могут освобождаться от наказания даже за тяжкие преступления, что объясняется концепцией «искупления преступлений кровью на поле боя»². Эта идея нашла свое отражение в принятом Федеральном законе от 23 марта 2024 года № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процес-

¹ Статистическая форма 1ЕМ за 12 месяцев 2024 г. Сервис ведомственной правовой статистики МВД России.

² Механизм освобождения от наказания для участников СВО [Электронный ресурс]. – URL: <https://leNeta.ru/News/2024/03/23/puti№-utochNeil-meha№izm-osvobozhde№iya-ot-ugolov№ogo-№akaza№iya-dlya-uchast№ikov-svo/>

суальный кодекс Российской Федерации»³. Согласно данному закону граждане, вступившие в ряды Вооруженных сил Российской Федерации в период проведения СВО, при выполнении определенных условий получают возможность освобождения от уголовной ответственности. Это было предпринято с целью укрепления суверенитета и безопасности государства. Введение ст. 78.1 в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) предоставляет возможность освобождать от ответственности тех, кто мобилизован или подписал контракт на военную службу в критические периоды, такие как состояние военного положения или военное время. Статья 80.2 УК РФ предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности при наличии установленных законом оснований [2].

Новеллы УПК РФ, регламентирующие особый порядок прекращения уголовного преследования, были приняты в связи с возникшей необходимостью регулирования вопросов мобилизации и заключения службы по контракту [3]. После возбуждения уголовного дела подозреваемому (обвиняемому) разъясняются положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в части приостановления предварительного расследования в случае призыва подозреваемого или обвиняемого на военную службу и на основании ходатайства командования воинской части (учреждения), регламентированные п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, а также порядок прекращения уголовного преследования в связи с прохождением военной службы в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 78 УК РФ.

Стоит отметить, что данные нормы применимы и к иностранным гражданам, совершившим преступления на территории Российской Федерации: помимо основных положений приостановления и прекращения уголовного дела, а также в случае согласия иностранного гражданина заключить контракт на прохождение военной службы ему разъясняется возможность, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 4 января 2024 г. № 10 «О приеме в гражданство Российской Федерации иностранных граждан, заключивших контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации или воинских формированиях, и членов их семей», получения ими и членами их семей гражданства России в упрощенном порядке.

Эти изменения в законодательстве отражают стремление адаптироваться к условиям, вызванным СВО, и обеспечивают готовность

правовой системы поддерживать тех, кто защищает национальные интересы в военное время. Закрепление подобных норм помогает сохранять правовую стабильность и обеспечивает баланс между необходимостью обеспечения правосудия и поддержанием национальной безопасности [4].

Современная правовая система предусматривает целостный механизм освобождения от уголовной ответственности участников СВО. Данный правовой институт представляет собой взаимосвязанную систему, включающую материально-правовые и процессуальные аспекты (приостановление и прекращение уголовного дела), которые находятся в тесной взаимосвязи и образуют единый юридический комплекс [5].

Таким образом, законодатель стремится создать юридическую платформу для ситуаций, когда неподтвержденная возможность участия лица в судебном процессе связана с военными обязанностями. Однако новая регламентация вызвала необходимость более глубокого анализа и разработки рекомендаций для практического применения данных положений, так как в случае когда лицо, находящееся под следствием или обвиняемое в совершении преступления, проходит военную службу или заключает контракт для участия в специальной военной операции, возникает ряд сложных юридических и процессуальных вопросов. Такие лица, прибывая в состав воинских формирований, могут столкнуться с проблемами или оказаться в процессуальных тупиках, связанных с их текущей уголовной ответственностью, наказанием, а также погашением судимости [6].

В частности, возникает вопрос: как обеспечить соблюдение прав этих лиц и не оставить их уголовные дела в состоянии неопределенности? Разумеется, теоретически процедура приостановления и последующего прекращения уголовного дела должна быть прозрачной и предсказуемой. Однако на практике это требование может стать сложным из-за множества факторов, таких как неопределенность срока службы, возможность участия в следственных действиях и сроки давности по уголовным делам.

С учетом высокой значимости правоприменительной практики в данной области важно разрабатывать дополнительные рекомендации для правоприменителей, которые помогут избежать ситуаций, когда дальнейшее продвижение в рамках процессуальных действий, предусмотренных законом, невозможно или крайне затруднено и которые защитят права как подозреваемых и обвиняемых, так и других участников уголовного судопроизводства. Обеспечение баланса между необходимостью выполнять государственные оборонные обязательства и сохранением прозрачности уголовного процесса является важной задачей для законодателей и правоприменителей в современных условиях.

³ Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 13. – Ст. 1687.

С точки зрения уголовного судопроизводства прекращение уголовного дела представляет собой один из завершающих этапов предварительного расследования наряду с составлением обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления. Данный правовой механизм приобретает особую значимость именно на стадии предварительного расследования, когда возникают основания для его применения, предусмотренные гл. 29 УПК РФ. При этом, несмотря на постоянное упоминание данного понятия в нормах УПК РФ, дефиниция его до сих пор нормативно не закреплена, что порождает научные дискуссии [7].

Как отмечают А.С. Барабаш и Л.М. Володина, понятие «прекращение уголовного дела» отличается терминологической неоднозначностью, что требует комплексного анализа, поскольку в уголовно-процессуальной науке отсутствует единый подход в его интерпретации [8, с. 37]. При этом особый вес придается определению этого явления как правового института, что позволяет объединить различия в мнениях и дает отправную точку для более углубленного анализа.

По мнению А.Я. Дубинского, данный институт оформляет завершение предварительного расследования как итоговую стадию, где констатируются результаты работы, проведенной по уголовному делу [9, с. 25]. Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин описывают прекращение уголовного дела как процессуальное действие, выражающее решение уполномоченного лица об отказе в дальнейшей процедуре расследования уголовного дела. Такое понимание ведет к тому, что правовые нормы, входящие в этот институт, регламентируют порядок принятия решений о прекращении дела и требования, предъявляемые к нему [10, с. 30].

Э.С. Тенчов, проводя анализ современного состояния института освобождения от уголовной ответственности, разделяет его на две обособленные категории, которые включают в себя общие и специальные основания для освобождения [11, с. 17]. Фактически речь здесь идет как минимум о двух структурных элементах данного института. На наш взгляд, их количество этим не ограничивается, поскольку в указанную систему входят все предусмотренные законодательством виды освобождения, каждый из которых соответствует теоретическим критериям, позволяющим рассматривать его в качестве самостоятельного субинститута.

В юридической науке сформировалось достаточно устоявшееся понимание правового института, однако его структурные элементы, субинституты, изучены в меньшей степени. В этой связи примечательна позиция Н.И. Матузова и А.В. Малько, которые обоснованно подчеркива-

ют, что в составе сложных правовых институтов выделяются автономные элементы (субинституты) [12, с. 352]. Данный подход подтверждает, что институт освобождения от уголовной ответственности, обладая комплексным характером, закономерно включает в себя отдельные субинституты. С точки зрения юридической доктрины субинститут представляет собой упорядоченную совокупность норм права, регулирующих специфическую сферу общественных отношений в пределах более широкого правового института. Исходя из этого, каждый вид освобождения от уголовной ответственности, обладая уникальными чертами и регулируя определенный сегмент правоотношений, может быть отнесен к категории субинститутов [13].

Современная уголовно-правовая теория права выделяет три основные функциональные составляющие института освобождения от уголовной ответственности, такие как гуманистическая, практическая и компенсационная.

Гуманистическая функция проявляется в том, что применение мер уголовно-правовой нормы не всегда является оправданным с точки зрения социальной справедливости – в некоторых случаях стоит стимулировать правопослушное поведение лица после совершения противоправного деяния вынесением менее строгой санкции.

Смысл практической функции заключается в оптимизации работы пенитенциарных учреждений через сокращение количества осужденных, что одновременно приводит к уменьшению бюджетных затрат на содержание лиц, лишенных свободы.

Компенсационная функция направлена на минимизацию негативных последствий противоправного деяния, восстановление социальной справедливости как путем активных действий, так и с помощью выплат уголовно-правовой компенсации.

Таким образом, институт освобождения от уголовной ответственности – это самостоятельная правовая система, закрепленная в положениях Общей и Особенной частей УК РФ, комплекс юридических норм, устанавливающих виды, основания и условия освобождения от уголовной ответственности. В связи с этим необходимо четко разграничивать ключевое основание и сопутствующие условия освобождения. Основопологающим фактором является глубинная причина, делающая возможным применение данного института, тогда как условия представляют собой совокупность обязательных критериев, требующих одновременного наличия для реализации соответствующего правового решения. Отсюда следует, что в правоприменительной практике основанием освобождения от уголовной

ответственности преимущественно выступает позитивное посткриминальное поведение лица, совершившего противоправное деяние. Так, в соответствии с нормой, предусмотренной ч. 1 ст. 78.1 УК РФ, для освобождения от уголовной ответственности в связи с поступлением на военную службу (прохождением военной службы) необходимо совершение виновным лицом конкретных действий, без наличия которых нет оснований для освобождения.

Вместе с тем механизм прекращения уголовного преследования в связи с поступлением на военную службу (прохождением военной службы) в периоды мобилизации, военного положения либо в военное время ввиду поспешности введения его в сферу уголовно-процессуального регулирования еще не располагает надлежащей доктринальной основой. В частности, на сегодняшний день не выявлена его подлинная правовая природа, не спрогнозированы перспективы востребованности такого основания для прекращения уголовного преследования после завершения специальной военной операции, не установлено его влияние на изменение криминальной обстановки. Кроме того, четко не определены способы обеспечения и защиты прав потерпевших и других невластных субъектов уголовного судопроизводства, в первую очередь возмещения им причиненного ущерба, не разработан продуктивный порядок взаимодействия командования воинских частей (учреждений) с органами дознания, предварительного следствия, прокуратурой и судами по вопросам прекращения уголовного преследования в связи с поступлением на военную службу (прохождением военной службы) в периоды мобилизации, военного положения либо в военное время.

Существующие доктринальные пробелы затрудняют возможность определения последующих правотворческих шагов в данном сегменте уголовно-процессуального регулирования: не позволяют принять однозначное решение о сохранении и дальнейшем развитии механизма прекращения уголовного преследования в связи с поступлением на военную службу (прохождением военной службы) либо о его ликвидации по завершении специальной военной операции за ненадобностью. Кроме того, экстренно введенные положения уголовно-процессуального законодательства, определяющие основания, правовые условия и процессуальный порядок прекращения уголовного преследования в связи с поступлением на военную службу (прохождением военной службы), ввиду своей доктринальной непроработанности характеризуются высокой степенью неопределенности и предрасположены к вариативному толкованию, что, в свою очередь,

неизбежно приводит к серьезным затруднениям и ошибкам в правоприменительной практике, пагубно сказывается на правах подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, других участников уголовного судопроизводства.

Институт прекращения уголовного преследования представляет собой важную часть уголовного правосудия, выступая альтернативным механизмом разрешения уголовно-правовых конфликтов. Эта процедура демонстрирует свою уникальность тем, что может применяться на всех стадиях уголовного процесса, предлагая альтернативу классической модели, которая предписывает вынесение судебного приговора. Ее существенная «альтернативность» обусловлена возможностью применения даже после судебного вердикта и акцентом на независимой социальной значимости [6].

Сама суть правовой и социальной значимости института прекращения уголовного преследования в системе уголовной юстиции заключается в его способности разрешать конфликт между индивидуумом, обществом и государством без применения судебного вердикта. Соблюдение установленных норм, которые регулируют основания и порядок прекращения дела, способствует созданию эффективного механизма обеспечения справедливости и целесообразности в процессуальной деятельности и принятию процессуальных решений.

Таким образом, в связи с возникшими изменениями в глобальной геополитической обстановке и введением режима специальной военной операции государство проводит такую уголовную и уголовно-процессуальную политику, которая обусловлена необходимостью реагирования на новые вызовы, что включает предоставление дополнительных прав лицам, участвующим в СВО, и возможность освобождения их от уголовной ответственности, как и предусмотрено последними изменениями в законодательстве. Такая политика направлена на укрепление суверенитета и безопасности государства через адаптацию законодательства для поддержки тех, кто защищает национальные интересы, и обеспечение готовности правовой системы к оперативным изменениям в условиях военного времени.

Актуальность детального научного анализа института прекращения уголовного преследования в связи с призывом или прохождением военной службы в условиях особых правовых режимов (мобилизации, военного положения или военного времени) обусловлена необходимостью совершенствования норм УПК РФ и повышения эффективности правоприменительной деятельности, в частности работы органов внутренних дел Российской Федерации.

Литература

1. **Рыжаков А.П., Заливин А.Н.** Новые процессуальные институты прекращения уголовного дела в отношении участника СВО. Возможное применение // Уголовный процесс. – 2023. – № 11. – С. 36–39.
2. **Шурухнов Н.Г.** Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с изменением обстановки: суждения на одну из законодательных инициатив // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2023. – № 5-6. – С. 28–35.
3. **Васильева Н.Л.** Совершенствование правовой регламентации УПК РФ как источника уголовно-процессуального права // Вопросы российского и международного права. – 2021. – № 12. – С. 332–338.
4. **Чукин Д.С.** Об особенностях освобождения от уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции (комментарий к Федеральному закону от 24 июня 2023 года № 270-ФЗ) // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 9. – С. 102–108.
5. **Беляев М.В., Качалова О.В.** Особенности рассмотрения уголовных дел в отношении участников СВО: практика Республики Татарстан // Уголовный процесс. – 2024. – № 2. – С. 73–77.
6. **Головкин Л.В.** Применение закона об освобождении от уголовной ответственности участников СВО. Законодательные вопросы // Уголовный процесс. – 2023. – № 11. – С. 26–28.
7. **Антонов А.Г., Павлов В.Г., Ромашов Р.А.** Нормы об освобождении от уголовной ответственности и от наказания должны быть включены в Уголовный кодекс // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2023. – № 3. – С. 59–63.
8. **Барабаш А.С., Володина Л.М.** Прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям в стадии предварительного расследования (ст. ст. 6.2 – 9 УПК РСФСР). – Томск: Томский университет, 1986. – 151 с.
9. **Дубинский А.Я.** Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования. – Киев: КВШ МВД СССР, 1975. – 132 с.
10. **Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н.** Предварительное следствие в советском уголовном процессе. – Москва: Юридическая литература, 1965. – 367 с.
11. **Тенчов Э.С.** Специальные виды освобождения от уголовной ответственности. – Иваново: Ивановский государственный университет, 1982. – 48 с.
12. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрист, 2001. – 776 с.
13. **Бахта А.С., Нурiev И.Н.** Расследование уголовного дела при истечении сроков давности уголовного преследования // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 2. – С. 60–67.
14. **Дикарев И.С.** Специальная подследственность военных следственных органов // Вестник военного права. – 2020. – № 1. – С. 44–49.

References

1. **Ryzhakov A.P., Zalivin A.N.** Novye protsessual'nye instituty prekrashcheniya ugovornogo dela v otnoshenii uchastnika SVO. Vozmozhnoe primeneniye // Ugolovnyi protsess. – 2023. – № 11. – S. 36–39.
2. **Shurukhnov N.G.** Prekrashcheniye ugovornogo dela ili ugovornogo presledovaniya v svyazi s izmeneniem obstanovki: suzhdeniya na odnu iz zakonodatel'nykh initsiativ // Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problemy. – 2023. – № 5-6. – S. 28–35.
3. **Vasil'eva N.L.** Sovershenstvovanie pravovoi reglamentatsii UPK RF kak istochnika ugovorno-protsessual'nogo prava // Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2021. – № 12. – S. 332–338.
4. **Chukin D.S.** Ob osobennostyakh osvobozhdeniya ot ugovornoj otvetstvennosti lits, privlekaemykh k uchastiyu v spetsial'noi voennoi operatsii (kommentarii k Federal'nomu zakonu ot 24 iyunya 2023 goda № 270-FZ) // Pravo v Vooruzhennykh Silakh – VoЕННО-ПРАВОВОЕ ОБОЗРЕНИЕ. – 2023. – № 9. – S. 102–108.
5. **Belyaev M.V., Kachalova O.V.** Osobennosti rassmotreniya ugovornykh del v otnoshenii uchastnikov SVO: praktika Respubliki Tatarstan // Ugolovnyi protsess. – 2024. – № 2. – S. 73–77.
6. **Golovko L.V.** Primeneniye zakona ob osvobozhdenii ot ugovornoj otvetstvennosti uchastnikov SVO. Zakonodatel'nye voprosy // Ugolovnyi protsess. – 2023. – № 11. – S. 26–28.
7. **Antonov A.G., Pavlov V.G., Romashov R.A.** Normy ob osvobozhdenii ot ugovornoj otvetstvennosti i ot nakazaniya dolzhny byt' vklucheny v Ugolovnyi kodeks // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2023. – № 3. – S. 59–63.
8. **Barabash A.S., Volodina L.M.** Prekrashcheniye ugovornykh del po nereabilitiruyushchim osnovaniyam v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya (st. st. 6.2 – 9 UPK RSFSR). – Tomsk: Tomskii universitet, 1986. – 151 s.
9. **Dubinskii A.Ya.** Prekrashcheniye ugovornogo dela v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya. – Kiev: KVSh MVD SSSR, 1975. – 132 s.
10. **Zhogin N.V., Fatkullin F.N.** Predvaritel'noe sledstvie v sovetskom ugovornom protsesse. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1965. – 367 s.
11. **Tenchov E.S.** Spetsial'nye vidy osvobozhdeniya ot ugovornoj otvetstvennosti. – Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 1982. – 48 s.
12. Teoriya gosudarstva i prava: kurs lektcii / pod red. N.I. Matuzova i A.V. Mal'ko. – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Yurist, 2001. – 776 s.
13. **Bakhta A.S., Nuriev I.N.** Rassledovanie ugovornogo dela pri istechenii srokov davnosti ugovornogo presledovaniya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2023. – № 2. – S. 60–67.
14. **Dikarev I.S.** Spetsial'naya podsledstvennost' voennykh sledstvennykh organov // Vestnik voennogo prava. – 2020. – № 1. – S. 44–49.

(статья сдана в редакцию 16.07.2025)

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА НАРОДОВЛАСТИЯ: В ПОИСКАХ НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF PEOPLE'S POWER: IN SEARCH OF A NEW RUSSIAN IDEOLOGY

УДК 342

А.С. ДИЕВА,
аспирант
(ОмГУ им. Ф.М. Достоевского,
Россия, Омск)
annadieva@yandex.ru

ANNA S. DIEVA,
Postgraduate
(Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia)

Аннотация: в статье анализируется феномен идеологии с точки зрения российского конституционного права, проводится ретроспективный анализ конституционно-правового закрепления идеологии в советском государственном праве, а также в документах дореволюционного периода. Принцип народовластия оценивается в качестве достижения реформ, проводимых в России в начале девяностых годов прошлого века. Общественные отношения, возникающие при реализации конституционного принципа народовластия, выступающие объектом исследования в настоящей статье, рассматриваются в контексте проблематики поиска новой государственной идеологии. В свою очередь, сам феномен идеологии характеризуется с точки зрения его взаимосвязи с принципом народовластия, лежащим в основе российского демократизма. Цель исследования продиктована необходимостью поисков возможных путей укрепления единства российского общества, мобилизации его гражданского самосознания. В процессе исследования применялись как общенаучные методы анализа и дедукции, так и специальные методы исследования, а именно функционального и нормативного сравнения. По результатам проведенного исследования сделан вывод о целесообразности продолжения дальнейшего научного поиска как в направлении уже сложившихся идеологических доктрин, так и в отношении новых концепций, а также установлено, что для целей консолидации российского общества необходимо формулирование объединительной идеи. В статье объединительная идея рассматривается в качестве формального выражения некой эмоционально окрашенной ментальной конструкции, содержащей ценностный смысловой компонент, конституционно-правовое закрепление которой предлагается осуществить посредством утверждения отсутствующего у России на сегодняшний день государственного символа – девиза государства.

Ключевые слова: идеология, народовластие, конституционные принципы, объединительная идея, конституционное право, девиз государства.

Для цитирования: Диева А.С. Реализация конституционного принципа народовластия: в поисках новой российской идеологии // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 4. – С. 124–127.

Abstract: the article analyzes the phenomenon of ideology from the point of view of Russian constitutional law, conducts a retrospective analysis of the constitutional and legal consolidation of ideology in the Soviet state law, as well as in the documents of the pre-revolutionary period. The principle of democracy is assessed as an achievement of the reforms carried out in Russia in the early nineties of the last century. Public relations arising in connection with the implementation of the constitutional principle of democracy, which are the object of research in this article, are considered in the context of the problem of searching for a new state ideology. In turn, the phenomenon of ideology itself is characterized from the point of view of its relationship with the principle of democracy, which underlies Russian democracy. The purpose of the study is dictated by the need to search for possible ways to strengthen the unity of Russian society, mobilize its civic consciousness. In the process of research, both general scientific methods of analysis and deduction, and special research methods were used, namely: functional and normative comparison. Based on the results of the conducted research, a conclusion was made on the advisability of continuing further scientific research both in the direction of already established ideological doctrines and in relation to new concepts, and it was also established that for

the purposes of consolidation of Russian society, it is necessary to formulate a unifying idea. In the article, a unifying idea is considered as a formal expression of a certain emotionally charged mental construct containing a value-based semantic component, the constitutional and legal consolidation of which is proposed to be carried out by approving a state symbol that Russia currently lacks - the state motto.

Keywords: criminal misconduct; effectiveness; preliminary investigation; alternative form of investigation ideology, democracy, constitutional principles, unifying idea, constitutional law, state motto.

For citation: Dieva A.S. Implementation of the constitutional principle of people's power: in search of a new russian ideology // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 4. – P. 124–127.

Введение. Феномен идеологии исследуется учеными, философами, политологами, экономистами, социологами и юристами уже более двухсот лет. За это время представления об идеологии претерпели трансформацию – от объективации и разработки основных идеологических концепций, смены политических режимов государств под влиянием принятых в них идеологических доктрин до теории о «конце идеологий» и концепций «деидеологизации» и «разидеологизации». В статье анализируется феномен идеологии с точки зрения российского конституционного права, а также взаимосвязь идеологии и народовластия – категории, являющейся базовым элементом демократии и одновременно с этим одним из главных конституционных принципов.

Описание исследования. Конституционное закрепление народовластия в Основном Законе Российской Федерации оценивается отечественными учеными-конституционалистами в качестве большого достижения реформаторов новой России. Так, С.А. Авакьян, говоря об идее суверенитета народа, закрепленной в ст. 3 Конституции Российской Федерации¹, упоминал о том, что путь к этой конституционной формулировке «в нашей стране был весьма тернист» [1].

До революции 1917 года идеологием в России была политическая триада «Православие – самодержавие – народность», предложенная министром просвещения графом С.С. Уваровым, в которой народность была призвана цементировать империю и стать синонимом «преданности трону и алтарю» [2, с. 33–35]. В советское время под девизом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на первый план вышел принцип классового расслоения, и, хотя формально говорилось о народе, анализ конституций 1918, 1936, 1977 годов показывает, что вся власть передавалась

государственным органам, которые в разное время представляли Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Советы депутатов трудящихся, Советы народных депутатов.

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что в обоих случаях сам по себе запрос на идеологию носил характер политизированный и реакционный.

Здесь стоит упомянуть, что до настоящего времени понятие «идеология» не обрело единой, общепринятой дефиниции. Можно сказать, что идеология в широком смысле – это инструмент реализации неких мировоззренческих догматов, используемый в целях достижения предполагаемых результатов, она основана на ценностях и направляется целями. Наиболее важными функциями идеологии являются воспитательная, мобилизационная, а также функция санкционирования власти. Очевидно, в последнем пункте и кроется основная причина единства и противоречия обязательной идеологии и народовластия как явлений политико-правовой мысли.

Анализ сущности народовластия дает нам представление о нем, как о некой модели взаимосвязи власти и народа [3, с. 30–37]. Под властью в данном контексте подразумевается коллективно осознаваемое волевое отношение в легальном и легитимном человеческом сообществе [4, с. 3–7], в то время как народ с конституционно-правовой точки зрения – это совокупность граждан, обладающих в государстве не только способностью осуществлять публичную власть, но и участвующих в ее осуществлении [5, с. 354]. Здесь важно отличать народ от населения и власть индивидуализированного характера от власти социальной, в основе своей имеющей характер общественный.

Власть, рожденная в коллективе, имманентна ему, а любой коллектив, состоящий из людей с разными интересами, объективно нуждается в руководстве и управлении [4, с. 8–13]. Очевидно, что идеология представляет собой понятный и, более того, апробированный в России инструмент руководства и управления, применение которого возможно в случае преодоления действующего кон-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации, от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – № 144.

ституционного запрета на установление обязательной государственной идеологии, предусмотренного ст. 13 Конституции Российской Федерации.

Однако препятствием на пути конституционного установления обязательной идеологии является не только трудности внесения изменений в главу 1 Конституции Российской Федерации, предусмотренных ст. 135, но и печальный опыт поиска возможности ликвидации последствий полной смены государственного курса после крушения двух вышеназванных идеологических доктрин в России, а также кризисы самой системы государственного строительства, ставшие следствием двух крупнейших геополитических катастроф XX века – 1917 и 1991 годов.

Учитывая предыдущий опыт, подход к народовластию в конституционно-правовом смысле как к одному из механизмов реализации демократизма российской государственности [6, с. 14] не должен становиться формальным, а основы конституционного строя в части политического и идеологического плюрализма, разделения властей, принятия и утверждения человека, его прав и свобод в качестве высшей ценности должны оставаться незыблемыми, позволяя и дальше осуществлять государственное строительство с позиций гармонизации человеческого общества и развития России как социального государства.

Все вышесказанное отнюдь не отменяет необходимости продолжения как научного поиска в уже проверенных идеологических концепциях консерватизма, либерализма и социализма, в той или иной степени доказавших свою стойкость на протяжении почти двух столетий, так и разработки новых проектов. Как отмечено исследователями, большую эффективность демонстрируют государства, где основные идеологические концепции – консерватизм, либерализм и социализм представлены одновременно в пропорциях, учитывающих особенности национальной идентичности того или иного государства. Флагманами разработки как уже существующих, так и новых идеологических концепций наряду с учеными должны стать политические партии как субъекты политики и права, за которыми в российском законодательстве закреплена возможность при определении содержания их программных документов применять понятие «идеология» [7, с. 78–79].

Свою оценку необходимости установления обязательной государственной идеологии дал Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая на Петербургском международном экономическом форуме в 2024 году. В беседе с доктором исторических наук научным руководителем факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ С.А. Карагановым он отметил, что идеология не уберегла Советский Союз от

распада, указав вместе с тем, что России нужны «объединительные идеи»². Такая точная формулировка определенно заслуживает внимания.

Весьма развернутый и аргументированный анализ целей и формулировки объединительной идеи приводят в своей статье Д.В. Грибанов и А.Н. Митин. Говоря о значимости такой идеи в современной российской государственности, авторы отмечают, что объединяющая (объединительная) идея представляет из себя своеобразную ментальную конструкцию, содержащую мировоззренчески насыщенные элементы, обладающие мощной суггестивной силой. Они всегда эмоционально окрашены, легко запоминаются и в обобщенном виде представляют собой ценностно мотивированные знаковые образования. Через слова-символы, устойчивые словосочетания, образно связанные между собой, они формулируются в идеологемах – политические термины, содержащие идеологический компонент [8, с. 3–18].

Однако в целях формулирования объединительной идеи идеологема следует рассматривать не просто как некий набор призывов, а как систему суждений, обусловленных определенной общественной позицией субъекта и выражающей его оценку социальной действительности и отношения к ней [9, с. 105].

Помимо необходимости формулирования объединительной идеи закономерно встает вопрос о ее последующем формальном выражении. Так, объединяющая идея, как уже было сказано выше, представляет собой некую ментальную конструкцию, ценностно мотивированное знаковое образование. Примерами таких ценностно мотивированных знаковых образований в прошлом были ранее уже упоминавшиеся девизы «Православие – самодержавие – народность» и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Тем не менее на сегодняшний день у России нет соответствующим образом законодательно закрепленного девиза, способного выразить и укрепить объединительную идею. Это связано как с отсутствием ее четкой формулировки, так и с невниманием и недостаточным интересом к такому государственному символу, как девиз. Между тем именно девиз государства, по мнению К.В. Прохорова, представляет собой емкую формулировку основополагающих идей и ценностей государства [10, с. 49–52]. Так, в своей статье ученый проводит масштабное исследование конституционно закрепленных государственных девизов разных стран, результатом которого в том числе является вывод о важности такого государственного символа, как

² Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/74234> (дата обращения: 05.05.2025).

девиз государства, с точки зрения провозглашения ценностей единства, мира и справедливости.

Заключение. Реализация конституционного принципа народовластия, закрепленного в ст. 3 Конституции Российской Федерации, не может быть эффективной путем преодоления конституционного запрета на установление обязательной государственной идеологии, закрепленного в ст. 13 Конституции Российской Федерации, поскольку единая обязательная идеология, независимо от ее доктрины, не способна будет учитывать и объединять взгляды и мнения различных людей

многонационального государства. Тем не менее, принимая во внимание, что одним из важнейших критериев деятельности государственной власти и основой содержания и применения российского законодательства является обязанность государства соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, общественный запрос на консолидацию российского общества в целях мобилизации к устойчивому развитию может быть реализован с помощью формулирования патриотически окрашенной объединительной идеи, выраженной в новом государственном символе – девизе государства.

Литература

1. **Авакьян С.А.** Точка отсчета – народ [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2006. – URL: <https://rg.ru/2006/10/28/avkiyan.html?ysclid=mc9epqbfv5586476571> (дата обращения: 07.05.2025).
2. **Ильин В.Н.** Триада С.С. Уварова «Православие – самодержавие – народность» // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2016. – № 14. – С. 33–35.
3. **Костюков А.Н.** Народовластие и местное самоуправление: конституционные проблемы реализации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – № 4 (33). – С. 30–37.
4. **Чиркин В.Е.** Публичная власть в современном сообществе // Журнал современного права. – 2009. – № 7 (151). – С. 3–13.
5. **Авакьян С.А.** Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие. В 2 т. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРАМ, 2014. – 864 с.
6. **Комарова В.В.** Демократия через призму конституционных ценностей / Демократические ценности в международном и национальном конституционном измерении: материалы и доклады XI Международной научно-практической конференции; под ред. В.В. Полянского, В.Э. Волкова. – Самара: Самарский университет, 2016. С. 99–103.
7. **Филимонов Ю.В.** Политические партии как основные носители идеологического и политического многообразия в Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2011. – № 1. – С. 78–79.
8. **Грибанов Д.В., Митин А.Н.** К вопросу о значимости объединяющей идеи в современной российской государственности // Право и управление. XXI век. – 2022. – № 4 (65). – С. 3–18.
9. **Мамут Л.** Правовое государство: идеология и современные конституционные тексты // Сравнительное конституционное обозрение. – 2011. – № 2 (81). – С. 105–111.
10. **Прохоров К.В.** Государственная символика и ее конституционно-правовое регулирование // Конституционное и муниципальное право. – 2025. – № 05. – С. 49–52.

References

1. **Avak'yan S.A.** Tochka otscheta – narod [Elektronnyi resurs] // Rossiiskaya gazeta. – 2006. – URL: <https://rg.ru/2006/10/28/avkiyan.html?ysclid=mc9epqbfv5586476571> (data obrashcheniya: 07.05.2025).
2. **Ilin V.N.** Triada S.S. Uvarova «Pravoslavie – samoderzhavie – narodnost'» // Altaiskii vestnik gosudarstvennoi i munitsipal'noi sluzhby. – 2016. – № 14. – S. 33–35.
3. **Kostyukov A.N.** Narodovlastie i mestnoe samoupravlenie: konstitutsionnye problemy realizatsii // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2018. – № 4 (33). – S. 30–37.
4. **Chirkin V.E.** Publichnaya vlast' v sovremennom soobshchestve // Zhurnal sovremennogo prava. – 2009. – № 7 (151). – S. 3–13.
5. **Avak'yan S.A.** Konstitutsionnoe pravo Rossii. Uchebnyi kurs: uchebnoe posobie. V 2 t. – 5-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Norma: INFRAM, 2014. – 864 s.
6. **Komarova V.V.** Demokratiya cherez prizmu konstitutsionnykh tsennostei / Demokraticheskie tsennosti v mezhdunarodnom i natsional'nom konstitutsionnom izmerenii: materialy i doklady XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; pod red. V.V. Polyanskogo, V.E. Volkova. – Samara: Samarskii universitet, 2016. С. 99–103.
7. **Filimonov Yu.V.** Politicheskie partii kak osnovnye nositeli ideologicheskogo i politicheskogo mnogobraziya v Rossiiskoi Federatsii // Vestnik Tomskogo gosuniversiteta. Pravo. – 2011. – № 1. – S. 78–79.
8. **Gribanov D.V., Mitin A.N.** K voprosu o znachimosti ob'edinyayushchei idei v sovremennoi rossiiskoi gosudarstvennosti // Pravo i upravlenie. XXI vek. – 2022. – № 4 (65). – S. 3–18.
9. **Mamut L.** Pravovoe gosudarstvo: ideologema i sovremennye konstitutsionnye teksty // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. – 2011. – № 2 (81). – S. 105–111.
10. **Prokhorov K.V.** Gosudarstvennaya simvolika i ee konstitutsionno-pravovoe regulirovanie // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. – 2025. – № 05. – S. 49–52.

(статья сдана в редакцию 14.05.2025)

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ПРОЦЕССЕ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ
В ИНВЕСТИЦИОННОЙ СФЕРЕ****USE OF SPECIALIZED KNOWLEDGE
IN THE PROCESS OF INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED
IN THE INVESTMENT SPHERE**

УДК 343.98

Е.В. ПОПОВА,
адъюнкт
(Академия управления МВД России,
Россия, Москва)
elena.popova.list@gmail.com

ELENA V. POPOVA,
Postgraduate
(Academy of Management
of the Russian Ministry of Internal Affairs,
Moscow, Russia)

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы о соотношении специальных знаний и познаний, применяемых в процессе расследования преступлений, совершаемых в инвестиционной сфере, и субъектов, правомочных их применять. Особое внимание автора уделено вопросу о возможности использования специальных знаний субъектом расследования. Сформулирован вывод о соотношении специальных знаний и познаний как конечного результата процесса познания и непосредственно самого процесса. Исходя из сущности специальных знаний, правового и исторического анализа, а также на основе научных воззрений был сделан вывод о том, что современная модель уголовного судопроизводства обладает четким разграничением функций каждого участника уголовного судопроизводства, поэтому субъектами использования специальных знаний могут быть только специалист и эксперт. Вместе с тем сформулирован вывод о том, что специализация следователей в зависимости от расследуемых уголовных дел также предполагает наличие специальных знаний, о чем высказаны две противоположные точки зрения автора. В ходе исследования были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, а также метод социологического опроса в форме анкетирования, респондентами для которого выступили следователи следственных подразделений МВД России, ранее расследовавшие уголовные дела, возбужденные по факту совершения преступлений в инвестиционной сфере. Метод историко-правового анализа применен в контексте исследования полномочий следователя как субъекта использования специальных знаний.

Ключевые слова: специальные знания, преступления в инвестиционной сфере, специальные познания, специалист, эксперт.

Для цитирования: Попова Е.В. Использование специальных знаний в процессе расследования преступлений, совершенных в инвестиционной сфере // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 4. – С. 128–134.

Abstract: the article considers questions about the ratio of special knowledge and knowledge applied in the process of investigation of crimes committed in the investment sphere, as well as the subjects entitled to apply them. The author pays special attention to the possibility of using special knowledge by the subject of investigation. A conclusion was obtained on the ratio of special knowledge and knowledge as the end result of the process of cognition and directly the process. Based on the essence of specialized knowledge, legal and historical analysis, as well as on the basis of scientific views, it was concluded that the current model of criminal proceedings has a clear distinction between the functions of each participant in criminal proceedings, whereby only a specialist and an expert may be the subjects of use of specialized knowledge. However, it was concluded that the specialization of investigators depending on the criminal cases investigated also requires special knowledge, as stated by the author of the article. In the course of the study, common scientific methods of analysis and synthesis were used, as well as a method of sociological survey in the form of questionnaire, for which respondents made investigators of investigative units of the Ministry of Internal Affairs of Russia, previously investigated criminal cases, Initiated in connection with investment offences. The method of historical and legal analysis is applied in the context of investigating the powers of the investigator as a subject of the use of specialized knowledge.

Keywords: special knowledge, crimes in the investment sphere, special knowledge, specialist, expert.

For citation: Popova E.V. Use of specialized knowledge in the process of investigation of crimes committed in the investment sphere // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 4. – P. 128–134.

Неотъемлемым этапом установления истины при расследовании любого уголовного дела является использование специальных знаний. Необходимо отметить, что особенности расследования уголовных дел, возбужденных по факту совершения преступлений экономической направленности¹, включают в себя повышенную актуальность привлечения специалистов, обладающих знаниями в области экономики и сопровождающих процесс расследования не только на этапе назначения и производства судебных экспертиз, но и при производстве следственных и иных процессуальных действий.

В целях углубленного изучения вопроса о применении специальных знаний в процессе расследования было проведено анкетирование сотрудников правоохранительных органов, в компетенцию которых входит производство предварительного расследования по уголовным делам, возбужденным по факту совершения преступлений в инвестиционной сфере². Согласно проведенному опросу в процессе расследования каждого из уголовных дел была использована традиционная форма участия эксперта – производство судебных экспертиз (100%), а также такие формы участия специалиста, как содействие при изъятии электронных носителей информации – в 85%, упаковка вещественных доказательств – 100%, консультативная помощь при составлении вопросов эксперту – 53%, консультативная помощь при осмотре предметов и документов – 90%³.

Необходимо отметить, что производство судебных экспертиз не во всех случаях назначалось в экспертные подразделения МВД России. Так, например, производство финансово-анали-

тической и компьютерной экспертизы преимущественно назначаются в негосударственные экспертные учреждения. Основными причинами выбора негосударственного экспертного учреждения были обозначены длительный срок производства необходимых видов экспертиз (бухгалтерская, финансово-аналитическая), а также невозможность разрешить поставленные перед экспертом вопросы (при назначении компьютерной экспертизы).

Принципиально важным вопросом в контексте привлечения лица, содействующего расследованию, является определение того, какие знания относятся к специальным, где находится точка демаркации между специальными знаниями и познаниями, а также выявление возможных форм и субъектов их использования. Для того чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо проанализировать действующие нормы уголовно-процессуального законодательства, нормативные акты, регламентирующие деятельность специалиста и эксперта, научные исследования в рассматриваемой области, а также использование специальных знаний через историческую призму.

Специальные знания как предмет научного исследования в разное время рассматривались специалистами как науки криминалистики, так и уголовного процесса. Так, вопросам разграничения понятий «знания» и «познания» уделено внимание в работах таких ученых, как Р.С. Белкин, В.Я. Колдин, Е.Р. Россинская, А.А. Эйсман. Анализ работ ученых-криминалистов и процессуалистов позволяет сделать вывод о том, что понимание сущности специальных знаний и познаний способствует правильной правоприменительной практике ввиду того, что эти понятия уже только на этапе этимологического толкования дифференцируются как по субъекту, так и по форме их использования.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) отсутствуют определения специальных знаний или познаний. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон № 73-ФЗ)⁴ также не содержит исчерпывающего

¹ Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 15 февраля 2012 г. № 52-11/2) «О введении в действие Перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Выборка включает сотрудников Следственных органов МВД России Москвы, Барнаула Владивостока, Республики Крым, в производстве которых ранее находились материалы уголовных дел, возбужденных по ч. 4 ст. 159 и (или) ст. 172.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Общее количество опрошенных сотрудников – 30.

³ Процентное соотношение указано для участия специалиста или эксперта относительно общего числа исследуемых уголовных дел.

⁴ Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (актуальная редакция) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

определения, закрепляя в ст. 9 лишь следующее толкование специальных знаний в контексте дефиниции судебной экспертизы: «предусмотренное законодательством Российской Федерации процессуальное действие, включающее в себя проведение исследования и дачи заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла». Такое определение сужает при этом области, знания в которых могут расцениваться как специальные.

Ст. 57 УПК РФ закрепляет следующее определение эксперта: «лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном УПК РФ, для производства судебной экспертизы и дачи заключения». Ст. 58 УПК РФ закрепляет определение такого участника уголовного процесса, как специалиста. Согласно определению специалист – лицо, обладающее специальными познаниями, привлекается для содействия при производстве следственных и иных процессуальных действий в ходе расследования, а также для помощи в вопросах, разрешение которых входит в его компетенцию (например, для постановки вопросов эксперту). В ч. 4 ст. 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации используется термин «специальные познания». Ввиду отсутствия нормативных определений рассматриваемые термины обрели исключительно доктринальную дефиницию. В юридической литературе специальные познания традиционно принято раскрывать через определение, данное профессором Р.С. Белкиным, согласно которому рассматриваемый термин понимается как «профессиональные знания и умения в области науки, техники, искусства или ремесла, необходимые для решения вопросов, возникших при расследовании и рассмотрении в суде конкретных дел» [1, с. 263]. Профессор В.Я. Колдин также подчеркивал, что специальные познания приобретаются «посредством специального (профессионального) образования и опыта» [2, с. 37].

По справедливому замечанию профессора Е.Р. Россинской, к специальным нельзя отнести общепринятые и юридические познания [3, с. 33]. Аналогичное мнение отражено в научных трудах профессора Ю.К. Орлова, отметившего, что «специальными являются знания, выходящие за рамки общеобразовательной подготовки и житейского опыта, которыми обладает более или менее узкий круг лиц» [4, с. 6–7].

По мнению профессора Т.В. Сахновой, «с философской и лингвистической точек зрения эти термины («знание» и «познание». *Примеч. авт.*) не синонимичны, хотя их содержание частично перекрывается» [5, с. 9]. Так, в некоторых слова-

рых даны следующие определения: знание – это совокупность сведений, познаний в какой-либо области; проверенный практикой результат познания действительности, ее верное отражение в сознании человека [6, с. 616]; познание – это высшая форма отражения объективной действительности, направленная на получение знания от объективного мира [7, с. 19].

Специалист или эксперт не получают, как правило, для себя принципиально новое знание в процессе следственного или иного процессуального действия. Они используют уже имеющиеся знания, включающие методы, методики, способы и приемы производства тех или иных действий, познавая необходимые свойства предмета, находящегося в области интереса специалиста или эксперта. Исходя из этого, наиболее корректным по отношению к деятельности эксперта или специалиста представляется использование термина «специальные знания», а не «познания».

Специальные познания в большей степени присущи деятельности следователя, дознавателя, прокурора или судьи, которые в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела по существу получают новые знания – факты о совершенном преступном деянии, но субъектом использования специальных знаний они выступать не могут. Самостоятельно перечисленные субъекты, даже при условии наличия определенных знаний в той или иной экспертной области (например, полученных в рамках учебных курсов, входящих в программы подготовки специалистов правовой области и не относящихся к профильному экспертному образованию), не могут проводить экспертизу, поскольку это находится вне пределов их компетенции.

В теории криминалистики существует общепринятая точка зрения на формы использования специальных познаний в процессе расследования, а именно процессуальную и непроцессуальную. Данное положение было раскрыто в научном труде авторского коллектива в лице профессоров Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина, Ю.Г. Корухова, Е.Р. Россинской, указавших на то, что процессуальными формами использования специальных познаний является «привлечение следователем собственных специальных познаний; участие специалиста в следственных действиях; производство экспертизы. Непроцессуальная форма использования специальных познаний включает в себя консультативную или справочную деятельность сведущих лиц, а также производство ревизионных и аудиторских действий» [8, с. 413].

Использование специальных знаний следователя отмечают и другие ученые в области крими-

налистики и уголовного процесса. Так, по мнению профессора И.Н. Сорокотягина, «специальные знания следователя представляют собой совокупность современных теоретических знаний и практических навыков в области науки, техники, искусства и ремесла, полученных в результате специальной подготовки или профессионального опыта и применяемых с целью расследования и предупреждения преступлений» [9, с. 29].

Профессор В.И. Шиканов определил специальные знания, применяемые в уголовном судопроизводстве, как «знания и практический опыт, оказавшиеся необходимыми для всестороннего, полного и объективного выяснения обстоятельств, входящих в предмет доказывания» [10, с. 21], что, в свою очередь, свойственно субъекту расследования в том числе.

Вновь обращаясь к вводу тезису о специфике преступлений экономической направленности, а конкретнее – в инвестиционной сфере, следует отметить, что механизм совершения таких преступлений осложнен особенностями реализации экономической деятельности определенного вида, формой организации хозяйствующего субъекта, видами используемых финансовых активов, процедурами создания и (или) реорганизации хозяйствующего субъекта, процедурами банкротства и т.д. Так, при расследовании инвестиционных преступлений следователь при производстве следственных и процессуальных действий всегда применяет не только специальные знания, но и знания в области экономики, гражданского права, арбитражного процесса, без которых понять механизм совершения преступлений экономической направленности представляется весьма затруднительным.

Вместе с тем следователь не принимает решение о признании тех или иных документов, подтверждающих гражданско-правовой факт, недействительными, основываясь исключительно на собственных знаниях. Для решения вопросов, связанных с представленной ситуацией, следователем выносятся постановления о назначении судебной экспертизы соответствующего вида, результаты которой уже в виде заключения эксперта будут приобщены к материалам уголовного дела в качестве доказательства. Следователь как лицо, обладающее высшим юридическим образованием, должен давать четкую оценку относительно наличия или отсутствия юридической силы того или иного документа, правомерности совершенных действий, а также на основании квалификационных требований, предъявляемых к специальной профессиональной подготовке будущих сотрудников, и актуализации учебного процесса должен

ориентироваться в экономических процессах⁵. В практической деятельности реализуется специализация следователей по направлениям расследования, в том числе по преступлениям экономической направленности, что также не может исключать более углубленных знаний в сфере экономической деятельности.

Приведенные ранее научные позиции подтверждают, что юридические знания не относятся к специальным. Это подчеркивает отсутствие необходимости привлечения специалиста-консультанта или назначения экспертизы для исследования тех предметов, которые находятся в юридической плоскости. Некоторые из ученых и вовсе высказывали мнение о неоднозначности любого заключения специалиста в системе доказательств. Так, в научных трудах профессора Е.А. Доли, рассматривавшего доказательственное значение и место заключения специалиста в системе доказательств, отражена следующая позиция: «заключение специалиста доказательственного значения не имеет. Суждения, содержащиеся в данном заключении, лишь способствуют правильному пониманию сторонами и судом фактов и обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, уяснение которых в этом новом доказательстве требует специальных познаний» [11, с. 200].

По мнению профессора А.В. Верещагиной, признание показаний и заключения специалиста доказательствами невозможно, «поскольку, во-первых, это противоречит сохраняющейся вспомогательной роли специалиста в уголовном судопроизводстве, а, во-вторых, законодатель, признав показания и заключение специалиста самостоятельными видами доказательств, проигнорировал необходимость их процессуальной регламентации и не предусмотрел ответственности специалиста (в отличие от эксперта) за дачу заведомо ложного показания» [12, с. 86].

Исходя из этого, в приведенном выше примере производство экспертизы или консультация специалиста относительно оспаривания юридической

⁵ См.: п. 1 приложения к приказу Следственного комитета Российской Федерации от 19 ноября 2020 г. № 122 «Об установлении квалификационных требований к специальной профессиональной подготовке выпускников федеральных государственных организаций, осуществляющих образовательную деятельность и находящихся в ведении Следственного комитета Российской Федерации»; п. 12 приложения к приказу МВД России от 19 сентября 2022 г. № 689 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам среднего профессионального образования, программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, реализуемым в интересах обеспечения законности и правопорядка в федеральных государственных образовательных организациях, находящихся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

силы документа может рассматриваться как излишнее действие, в том числе влияющее на сроки производства предварительного расследования по преступлениям экономической направленности, срок расследования которых и без того в отдельных случаях превышает годы. Вспомогательная роль специалиста в указанном контексте может быть сохранена как в процессуальной форме использования специальных знаний в случаях, когда следователь привлекает специалиста к участию в следственном действии для разъяснения вопросов, возникающих как вне юридической сферы (например, для составления вопросов эксперту при назначении исследования документов и их реквизитов, технических средств, использованных для их изготовления), так и в непроцессуальной форме (консультативная или справочная помощь сведущих лиц для уточнения или разъяснения тех или иных вопросов).

По справедливому замечанию профессора С.Б. Россинского, «недостаток численности судебных экспертов не позволяет в установленные законом сроки переработать весь массив поступающих на экспертизы материалов, что проливает свет на проблему нехватки квалифицированных сотрудников, обладающих навыками и методиками производства различного рода экспертиз, позволяющих эффективно использовать новейшие достижения науки и техники» [13, с. 30]. Исходя из этого, вопрос использования специальных знаний следователем переходит уже в вопросы кадрового и технического оснащения экспертных подразделений МВД России, в результате чего для оказания не только консультативной помощи, но и производства судебных экспертиз привлекаются специалисты и эксперты из смежных ведомств или негосударственных учреждений. Актуальность самостоятельности следователя при решении вопросов юридического характера только возрастает.

Исторически в определенных случаях на следователя возлагалась компетенция использования специальных знаний. Так, при анализе Устава уголовного судопроизводства 1864 года заслуживают внимания следующие положения:

ст. 318: «При производстве осмотров и освидетельствований судебный следователь обращает внимание не только на явные признаки преступления, но также на местность и предметы, окружающие следы преступления. В случае надобности он делает надлежащие измерения, а если возможно, то и чертежи осмотренных мест и предметов»;

ст. 340: «До прибытия судебного врача к местонахождению мертвого тела судебный следователь:

1) при сомнении в действительной смерти принимает меры к оживлению умершего, а в противном случае — к сохранению тела от порчи и случайных повреждений;

2) удостоверяется в тождестве мертвого тела с лицом, о смерти коего производится следствие, и
3) составляет о принятых мерах протокол установленным порядком»;

ст. 341: «При производстве судебно-медицинского осмотра судебный следователь сообщает врачу, по его требованию, те из имеющихся о мертвом теле сведений, которые могут служить указанием, на что врач должен при вскрытии тела обратить особенное внимание».

Следователь не мог осуществить описанные выше действия, не обладая специальными знаниями. Следует также отметить, что указанные действия следователя возможно было бы соотносить с процессуальной формой использования собственных специальных знаний, что вполне соответствует современному взгляду на классификацию форм. Вместе с тем следователь не заменял собой, например, судебного врача, поскольку в последующем передавал записи о результатах своих действий для производства судебно-медицинского исследования, что, в свою очередь, исключало подмену процессуальных функций.

Инвертная позиция о соотношении следователя с субъектом использования специальных знаний заключается в следующем: следователь, как правило, обладает специальным образованием уголовно-правового профиля. В таком случае те вопросы, которые выходят за пределы компетенции лица, осуществляющего предварительное расследование, должны быть разрешены специалистом или экспертом, обладающими соответствующими специальными знаниями. В данном контексте нельзя не согласиться с позицией профессора Е.Р. Россинской, по мнению которой «судебная экспертиза назначается независимо от того, обладают ли следователь, судья, лицо, рассматривающее дело об административном правонарушении, специальными знаниями, поскольку фактические данные, полученные путем экспертного исследования, не могут быть отражены ни в каком процессуальном документе кроме заключения эксперта» [14, с. 17–18].

По мнению профессора А.А. Эйсмана, «следователь не потому лишен права производить экспертное исследование, что он плохо подготовлен в специальной области, но прежде всего потому, что от него не могут исходить доказательства в силу общего построения нашего уголовного процесса» [15, с. 91]. Современная модель уголовно-процессуальных функций следователя не предполагает возложения на него дополнительных обязанностей в виде использования специальных знаний или производства исследования, что непосредственно находит свое отражение в ст. 38 УПК РФ (хотя процессуальные функции следователя-криминалиста все еще ограничены п. 40.1

ст. 5 УПК РФ). Также согласно гл. 8 УПК РФ специалист или эксперт относятся к иным участникам уголовного судопроизводства, вспомогательная функция которых не должна быть возложена на субъекты расследования и рассмотрения материалов уголовного дела по существу. Вместе с тем в соответствии с указанными нормами, а также на основании ст. 168 и ст. 195 УПК РФ к участию в следственном действии привлекается специалист, а экспертиза назначается эксперту, что, в свою очередь, подчеркивает: процессуальная форма использования специальных знаний предусматривает специалиста и эксперта как субъектов, обладающих ими. Следовательно в указанном случае выступает исключительно как инициатор того или иного исследования (действия).

Недопустимость смешения процессуальных функций – это гарант беспристрастности участников процесса. Использование следователем собственных специальных знаний при допущении их отождествления со специальными знаниями, присущими эксперту или специалисту, повлечет за собой угрозу объективности расследования. Практическая специализация следователей также присутствует, что не может исключать знаний в области экономики, свойственных субъектам, специализирующимся на расследовании преступлений экономической направленности. Однако такого рода знания соотносятся со специальными исключительно через призму криминалистической науки, но не процессуальной.

Как отмечает Д.В. Зотов, наука криминалистика является гибридной, не обладающей при этом научно-нормативной природой, что не позволяет соотносить криминалистику с какой-либо конкретной отраслью права. «Соответственно, криминалистические знания должны входить в предмет специальных знаний эксперта и специалиста, а также составлять обязательную часть более крупного понятия «научные знания, применяемые в уголовно-процессуальном доказывании» [16, с. 17–18]. Соглашаясь с мнением ученого, следует отметить, что знания, применяемые следователем в процессе расследования, в большей степени относятся к криминалистическим, что сопоставимо с использованием криминалистических методик расследования и тактики производства следственных и процессуальных действий.

Вместе с тем, говоря о беспристрастности участников уголовного судопроизводства, отметим, что использование специальных знаний эксперта негосударственного экспертного учреждения, проводящего исследование на возмездной основе, также не может полностью исключать заинтересованности в результатах экспертизы или даже их латентного искажения.

Профессор Л.В. Головкин, анализируя правовую природу заключения специалиста и эксперта, отметил существование двух типов экспертиз – ан-

глосаксонской и континентальной. Англосаксонский тип экспертизы, некоторые черты которой были имплементированы в российское законодательство, «характеризуется децентрализованной природой, когда каждая из сторон производит собственное экспертное исследование (чаще всего за свой счет), после чего представляет полученное заключение в суд, где сам эксперт подвергается допросу сторон в качестве одного из свидетелей; в данной системе нет нейтрального эксперта, а есть «эксперт обвинения» и «эксперт защиты», в силу чего любое заключение эксперта предстает в качестве результата деятельности соответствующей стороны» [17, с. 504–505].

Иначе говоря, вопрос об объективности не может являться единственным лейтмотивом для исключения возможности использования специальных знаний следователем в процессе расследования. В той или иной степени каждый участник уголовного судопроизводства – это заинтересованное лицо. Однако понимание специальных знаний в плоскостях криминалистики и уголовного процесса несколько отличается, а вместе с тем отличается субъект и пределы их использования.

Исходя из анализа сущности специальных знаний и познаний, процессуальных функций субъектов расследования, специалиста и эксперта, а также историко-правового сравнения уголовно-процессуальных норм, получен вывод о том, что специальные знания присущи в том числе субъектам расследования, однако их правовая природа отличается от специальных знаний и познаний специалиста и эксперта. Следовательно, расследуя преступления в инвестиционной сфере, даже при наличии специальных знаний в области экономики, необходимых для установления обстоятельств совершенного деяния, не может самостоятельно проводить исследование. Современная модель уголовного судопроизводства не предполагает возложения экспертных функций на субъект расследования, хотя исторически подобная практика существовала.

Вопрос о том, является ли это положительной или отрицательной чертой современного уголовного процесса, не может быть однозначным. С точки зрения оптимизации процесса расследования, когда следователь самостоятельно может соотнести информацию, содержащуюся в двух документах, и сделать выводы о наличии или отсутствии гражданско-правового деликта, да, его можно рассматривать как субъект, полномочный использовать специальные знания. Это сокращает время на процедурные аспекты назначения и проведения исследования. Однако нельзя игнорировать субъективизм следователя, который, обладая полномочиями использовать специальные знания, может принимать решения, влияющие на процесс.

Литература

1. **Белкин Р.С.** Криминалистическая энциклопедия: справочное пособие для курсантов, слушателей и преподавателей учебных заведений МВД России, адъюнктов, докторантов, научных сотрудников и практических работников органов внутренних дел. – 2-е изд., доп. – Москва: Мегатрон-XXI, 2000. – 333 с.
2. **Колдин В.Я.** Методология криминалистики и криминалистический анализ / Криминалистика: учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры. В 5 т. – Москва: Мегатрон-XXI, 2000. Т. 2. – 167 с.
3. **Россинская Е.Р.** Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве // Журнал российского права. – 2001. – № 5. – С. 32–43.
4. **Орлов Ю.К.** Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам): учебное пособие. – Москва: Юристъ, 1995. – 64 с.
5. **Сахнова Т.В.** Судебная экспертиза: монография. – Москва: Городец, 1999. – 365 с.
6. Словарь русского языка. В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – Москва: Русский язык, 1981. Т. 1. – 696 с.
7. **Философский энциклопедический словарь** / под ред. Л. Ф. Ильичева, П.Н. Федосеева, С.М. Ковалева, В.Г. Пано. – Москва: Советская энциклопедия, 1989. – 576 с.
8. **Аверьянова Т.В.** Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 928 с.
9. **Сорокотягин И.Н.** Специальные познания в расследовании преступлений / отв. ред. Л. Я. Драпкин. – Ростов-на-Дону: издательство Ростовского университета, 1984. – 119 с.
10. **Шиканов В.И.** Использование специальных познаний при расследовании убийств. – Иркутск: издательство Иркутского университета, 1976. – 90 с.
11. **Доля Е.А.** Виды доказательств / Уголовный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция»; под ред. В.П. Божьева. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2004. – 911 с.
12. **Верещагина А.В.** Институт специалиста в УПК РФ // Уголовное право. – 2007. – № 3. – С. 86–90.
13. **Россинский С.Б.** О практике производства экспертиз в негосударственном судебно-экспертном учреждении // Эксперт-криминалист. – 2010. – № 4. – С. 30–33.
14. **Россинская Е.Р.** Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». – Москва: Юрайт: Право и закон, 2002. – 383 с.
15. **Эйрман А.А.** Заключение эксперта (структура и научное обоснование). – Москва: Юридическая литература, 1967. – 152 с.
16. **Зотов Д.В.** Правовая экспертиза в уголовном судопроизводстве: от легализации к процессуальной регламентации. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2015. – 86 с.
17. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Головки. – 2-е изд., испр. – Москва: Статут, 2017. – 1280 с.

References

1. **Belkin R.S.** Kriminalisticheskaya entsiklopediya: spravochnoe posobie dlya kursantov, slushatelei i prepodavatelei uchebnykh zavedeniy MVD Rossii, ad'yunktov, doktorantov, nauchnykh sotrudnikov i prakticheskikh rabotnikov organov vnutrennikh del. – 2-e izd., dop. – Moskva: Megatron-XXI, 2000. – 333 s.
2. **Koldin V.Ya.** Metodologiya kriminalistiki i kriminalisticheskii analiz / Kriminalistika: uchebnik dlya bakalavriata, spetsialiteta i magistratury. V 5 t. – Moskva: Megatron-XXI, 2000. T. 2. – 167 s.
3. **Rossinskaya E.R.** Spetsial'nye poznaniya i sovremennye problemy ikh ispol'zovaniya v sudoproizvodstve // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2001. – № 5. – S. 32–43.
4. **Orlov Yu.K.** Zaklyuchenie eksperta i ego otsenka (po ugovolnym delam): uchebnoe posobie. – Moskva: Yurist, 1995. – 64 s.
5. **Sakhnova T.V.** Sudebnaya ekspertiza: monografiya. – Moskva: Gorodets, 1999. – 365 s.
6. Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. / pod. red. A.P. Evgen'evoi. – Moskva: Russkii yazyk, 1981. T. 1. – 696 s.
7. **Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'** / pod red. L. F. Il'icheva, P.N. Fedoseeva, S.M. Kovaleva, V.G. Pano. – Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1989. – 576 s.
8. **Aver'yanova T.V.** Kriminalistika: uchebnik / T.V. Aver'yanova, R.S. Belkin, Yu.G. Korukhov, E.R. Rossinskaya. – 4-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Norma: INFRA-M, 2023. – 928 s.
9. **Sorokotyagin I.N.** Spetsial'nye poznaniya v rassledovanii prestuplenii / отв. ред. Л. Я. Драпкин. – Ростов н/Д: izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1984. – 119 s.
10. **Shikanov V.I.** Ispol'zovanie spetsial'nykh poznanii pri rassledovanii ubiistv. – Irkutsk: izdatel'stvo Irkutskogo universiteta, 1976. – 90 s.
11. **Dolya E.A.** Vidy dokazatel'stv / Ugolovnyi protsess: uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti «Yurisprudentsiya»; pod red. V.P. Bozh'eva. – 4-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Yurait, 2004. – 911 s.
12. **Vereshchagina A.V.** Institut spetsialista v UPK RF // Ugolovnoe pravo. – 2007. – № 3. – S. 86–90.
13. **Rossinskii S.B.** O praktike proizvodstva ekspertiz v negosudarstvennom sudebno-ekspertnom uchrezhdenii // Ekspert-kriminalist. – 2010. – № 4. – S. 30–33.
14. **Rossinskaya E.R.** Kommentarii k Federal'nomu zakonu «O gosudarstvennoi sudebno-ekspertnoi deyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii». – Moskva: Yurait: Pravo i zakon, 2002. – 383 s.
15. **Eisman A.A.** Zaklyuchenie eksperta (struktura i nauchnoe obosnovanie). – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1967. – 152 s.
16. **Zotov D.V.** Pravovaya ekspertiza v ugovolnom sudoproizvodstve: ot legalizatsii k protsessual'noi reglamentatsii. – Voronezh: Izdatel'skii dom VGU, 2015. – 86 s.
17. Kurs ugovolnogo protsessa / pod red. d-ra jurid. nauk, prof. L.V. Golovko. – 2-e izd., ispr. – Moskva: Statut, 2017. – 1280 s.

(статья сдана в редакцию 06.03.2025)

К сведению авторов

На страницах журнала освещаются вопросы юридической науки, уголовного, уголовно-процессуального, оперативно-разыскного, уголовно-исполнительного, административного, миграционного законодательства, передовой опыт борьбы с преступностью в России и за рубежом.

Статьи должны отражать наиболее актуальные темы правоохранительной деятельности, затрагивающие проблемы и предлагающие пути их решения. Статьи, имеющие слабый научный аппарат, к опубликованию не принимаются.

В соответствии с международными требованиями статья должна содержать:

на русском языке: название статьи, фамилию, имя, отчество автора (авторов) полностью, должность, ученую степень и звание. Полное наименование организации (в скобках – сокращенное), город, телефон, электронный адрес. Аннотацию (150–250 слов), ключевые слова (5–7 слов или словосочетаний), список литературы, на которую ссылается автор. Данная информация должна быть представлена на английском языке, за исключением Ф.И.О. автора (авторов) и списка литературы, которые транслитерируются.

Текст статьи должен быть набран на компьютере в текстовом редакторе Word: шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25. Не следует использовать знаки ручного переноса и дополнительных пробелов. Объем статьи 8–20 страниц машинописного текста (стандартная страница – 1800 знаков с пробелами, включая таблицы, рисунки и список литературы). Статья представляется в редакцию в электронном (диск, электронная почта) и распечатанном виде. Файл, содержащий статью, называется по фамилии автора.

Список литературы приводится в конце статьи. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы, а через запятую – номер страницы (например, [3, с. 25]). Обязательно указываются следующие данные: для книг – фамилия и инициалы автора (редактора), название книги, место издания (город), год издания; для журнальных статей – фамилия и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, номер, выпуск, страницы (первая и последняя).

Статья должна быть вычитана и подписана автором (авторами) следующим образом: «Материал вычитан, цифры, факты сверил с первоисточником. Не возражаю против размещения моей статьи в электронной библиотеке». Далее ставится дата и подпись. Статьи соискателей, адъюнктов и аспирантов визируются научным руководителем. Направляя статью для опубликования в журнале, автор (соавторы) безвозмездно предоставляет редакции журнала «Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина» неисключительные права на использование данной статьи, в том числе на неограниченное ее распространение любым способом, включая создание ее электронного варианта для размещения в локальной сети Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, а также в сети Интернет (на сайте института, в научных электронных библиотеках и т.д.), с целью доведения статьи до всеобщего сведения и выполнения требования ВАК при Минобрнауки России об информационной открытости научной периодики.

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объем статей и принимать решение о включении их в журнал. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала. Отклоненные редакцией материалы не рецензируются и не возвращаются.

Ответственность за достоверность фактов несут авторы статей.

Научные публикации, включенные в журнал, представляют точку зрения автора на актуальные проблемы правоохранительной и нормотворческой деятельности, которая не всегда совпадает с мнением редакционной коллегии журнала.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и размещается в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка»

eLIBRARY.RU

